"...Многоликая реальность Рушди"
Chicago Tribune

САЛМАН

РУШДИ

ВОСТОК, ЗАПАД

CORPUS

Восток, Запад
Салман Рушди

Аннотация
Салман Рушди. Восток, Запад
Восток
  Хороший совет дороже рубина
  Радиоприемник
  Волос пророка
Запад
  Йорик
  Волшебные башмачки
  Христофор Колумб и королева Изабелла Испанская улаживают отношения в Санта-Фе. Год 1492 после Рождества Христова
Восток, Запад
  Гармония сфер
  Чеков и Зулу
  Ухажерчик
Благодарности

Аннотация

Книга “Восток, Запад” представляет собой сборник коротких рассказов, повествующих о восточной и западной цивилизациях, об их стремлениях и сложностях, о неудачах глобализации и о людях, стоящих перед непростым выбором. Рассказы в той или иной степени отражают опыт самого Рушди, его жизни в Индии и иммигрантских будней в Великобритании.

Все три раздела книги – “Восток”, “Запад” и “Восток, Запад” – пронизаны общими темами: вынужденное переселение, нищета, нетерпимость, столкновение культур и традиций, различия в системе морали и ценностей разных стран и религий.

Салман Рушди
Восток, Запад

© 1994, Salman Rushdie All rights reserved
© Т. Чернышева, перевод на русский язык, 2006, 2024
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2024
© ООО “Издательство АСТ”, 2024
Издательство CORPUS ®
Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

* * *

Восток

Хороший совет дороже рубина

В последний вторник месяца на рассвете автобус, с еще включенными фарами, въехал в город, подкатил к воротам британского консульства, где и вышла мисс Рехана. Автобус, когда тормозил, поднял облако пыли, которое оседало долго и, подобно вуали, скрывало красоту мисс Реханы от всех чужих глаз, пока нога ее не ступила на землю. Автобус был весь разрисован яркими затейливыми завитушками, спереди, под ветровым стеклом, красовалась зеленая с золотом надпись: “ВПЕРЕД, ПРИЯТЕЛЬ”, а сзади — “ТАТА-БАТА” и “О’КЕЙ. СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ”. Прощаясь, мисс Рехана сказала водителю, что автобус прекрасный, и тот выскочил на дорогу раньше нее и, театрально наклонив голову, придерживал дверь, пока она не вышла.

* * *

Глаза у мисс Реханы были большие, блестящие, черные — таким не нужна никакая сурьма, — и когда их увидел специалист по советам Мухаммед Али, ему показалось, будто он снова молод.

При свете занимавшегося утра Мухаммед Али смотрел, как мисс Рехана подошла к бородатому лалу[1], стоявшему возле ворот на страже в своей униформе цвета хаки, с блестящими пуговицами, в тюрбане с кокардой, и спросила у него, когда откроется консульство. И лал, обычно не церемонившийся с приезжавшими по вторникам женщинами, отвечал мисс Рехане почти любезно.

— Через полчаса, — буркнул он себе под нос. — А может, через два часа. Кто ж его знает когда? Когда сахибы дозавтракают.

* * *

Пыльная площадка между автобусной остановкой и воротами консульства, как в каждый последний вторник месяца, к этому часу почти вся заполнилась женщинами, среди которых редко кто был с открытым, как у мисс Реханы, лицом. Женщины робко держались за руку дядюшки или брата, а те, хоть и сами всего боялись, изо всех сил пытались это скрыть. Только мисс Рехана приехала без сопровождающего, но как раз она держалась без страха.

---

[1] Примечания: 1
Господин (хинди). — Здесь и далее прим. пер.

Мухаммед Али, зарабатывавший на жизнь тем, что продавал советы, всегда умело выбирал из толпы самых беспомощных, на этот раз сам не заметил, как ноги понесли его прямиком к этой странной, большеглазой, уверенной в себе девушке.

* * *

— Мисс, — начал он, — должно быть, и вы приехали сюда за английской визой?

На площадке между консульством и остановкой, где стоял короткий, всего в несколько палаток и киосков торговый ряд со всякой всячиной, она остановилась в самом его конце, возле киоска с горячими закусками, и с наслаждением ела острые, с красным перцем пакоры. Она оглянулась, услышав, что к ней обращаются, заглянула в глаза Мухаммеду Али, и от ее взгляда у него стало пусто под ложечкой.

— Да. Я тоже за визой.

— Тогда позвольте дать вам совет. За очень скромную плату.

Мисс Рехана улыбнулась.

— Хороший совет дороже рубина, — сказала она. — Жаль, но я не могу вам заплатить. Я сирота, а не богатая леди.

— Доверьтесь моим сединам, — не отступился Мухаммед Али. — Я человек опытный. Возможно, мой совет вам понадобится.

Она покачала головой.

— Я же сказала, у меня нет денег. Здесь много женщин, которые приехали с родственниками, и у них наверняка есть деньги. Предложите свои услуги им. Хороший совет дорогого стоит.

Я спятил, подумал Мухаммед Али, потому что в эту минуту будто со стороны услышал, как его собственный голос, вдруг обретший самостоятельность, произносит:

— Мисс, меня к вам направила воля небес. Ничего не поделаешь. Значит, это судьба. Я и сам человек небогатый, но вам дам совет бесплатно.

Она еще раз улыбнулась.

— Раз так я, конечно, вас выслушаю. Нельзя отказываться от подарков судьбы.

* * *

Он провел ее мимо киосков в другой конец ряда, где стоял его личный деревянный письменный стол на коротких ножках. Мисс Рехана шагала за ним, на ходу доедая пакоры из кулька, свернутого из газеты. Она даже не предложила ему взять штучку.

Мухаммед Али положил на пыльную землю подушку:

— Прошу, присаживайтесь.

Девушка послушно села. Мухаммед Али обошел стол и сел по-турецки с другой стороны, спиной чувствуя на себе взгляды всех мужчин у киосков — а было их там человек не меньше двадцати, если не тридцать, и он точно знал, что все они сейчас завидуют ему, старому жулику, которому вручила свою судьбу прекрасная незнакомка. Он вздохнул поглубже, чтобы перевести дух.

— Назовите ваше имя, пожалуйста.

— Мисс Рехана, — сказала она. — Невеста Мустафы Дара, который живет в Лондоне, в Бредфорде.

— В Англии, в Бредфорде, — деликатно поправил он. — Лондон такой же город, как, например, Мултан или Бахавалпур. А вот Англия — страна, великая страна, где есть море, в котором живут самые холоднокровные рыбы в мире.

— Понятно. Благодарю вас, — серьезно ответила она, и ему показалось, будто в словах ее промелькнула насмешка.

— Вы уже заполнили анкету? Не позволите ли мне взглянуть?

Она протянула коричневый конверт, в котором лежал аккуратно сложенный лист бумаги.

— Все в порядке? — спросила она, и голос у нее впервые дрогнул.

Он похлопал ладонью по столу, почти коснувшись ее руки.

— Наверняка, — сказал он. — Однако сначала дайте проверить.

Он закончил просматривать бумаги в ту минуту, когда она доела свои пакоры.

— Все тип-топ, — наконец проговорил он. — Полный порядок.

— Благодарю вас, — сказала она, намереваясь подняться. — Пора пойти занять очередь.

— Интересно, как вы себе это представляете? — громко воскликнул он, постучав пальцем себе по лбу. — Думаете, все так просто? Подали анкету и — ах, да пожалуйста, мисс, — вам улыбнутся и выдадут визу? Да там, куда вы идете, вас ждет разговор похуже, чем в полицейском участке, уж можете мне поверить!

— Правда?

Цветистая его тирада достигла цели. Девушка замерла, и у него появилась надежда провести в ее обществе еще несколько прекрасных минут.

* * *

Во второй раз он перевел дух, после чего произнес целую речь. Сахибы, поведал он, считают, что женщины, которые приезжают по вторникам за визой и утверждают, будто в Англии у них есть жених — либо водитель автобуса в Лутоне, либо бухгалтер в Манчестере, — все до единой обманщицы и мошенницы.

Мисс Рехана возмутилась.

— Я им все расскажу, и они поймут, что я не такая!

Мухаммед Али даже содрогнулся от ужаса при мысли о том, к чему может привести такая наивность. Она воробышек, сказал он ей, а люди в консульстве ястребы, и глаза у них закрывает клобук. Они начнут задавать вопросы, сказал он, — вопросы очень личные, такие, какие постеснялся бы задать даже брат. Ее спросят, девственница ли она, а если нет, то что ее жених любит и каким словом называет ее в постели.

Мухаммед Али намеренно сгустил краски, чтобы она поняла, как они там за воротами себя ведут, и чтобы не растерялась, если потом услышит что-то подобное. Но девушка осталась по-прежнему спокойна, и только рука ее, лежав-

шая на краю стола, слегка дрогнула.

Тогда Мухаммед Али продолжил:

— Они спросят, сколько у него в доме комнат, какого цвета стены в ванной и по каким дням приезжает машина за мусором. Спросят имя приемной дочери тетки троюродного брата матери вашего жениха. А потом, чтобы вас проверить, то же самое спросят и у него. Если вы ошибетесь хоть раз, не ждите ничего хорошего.

— Понятно, — сказала она, изо всех сил пытаясь совладать с голосом. — Что же вы мне посоветуете, уважаемый?

* * *

Обычно именно в этом месте Мухаммед Али переходил на шепот и говорил, что знает в консульстве одного человека, который — разумеется, за плату — сам подготовит бумаги, поставит на них все печати, а потом перешлет их ей по почте. Дело было верное, и чаще всего беседа заканчивалась тем, что женщина протягивала ему либо золотой браслет, либо пятьсот рупий на хлопоты и, счастливая, уезжала.

Они все были издалека — обычно он выяснял, кто откуда приехал, прежде чем подходил к этому моменту, а потом уже говорил смело, ни-

сколько не боясь, что она рискнет во второй раз проделать такой путь в сотни миль. Женщина, довольная, отправлялась обратно в свой Лалукет или Саргодху, где начинала собирать вещи, а потом, конечно, догадывалась, что Мухаммед Али мошенник, но время было потеряно, и уже ничего нельзя было сделать.

Жизнь, она тяжелая у всех, а старику остается только идти на хитрость. Мухаммед Али ничуть не страдал сочувствием к вторничным женщинам.

* * *

Но тут его снова подвел собственный голос, который вместо того, чтобы завести как по писаному давно затверженную речь, принялся вдруг выбалтывать вслух его сокровенные тайны.

— Мисс Рехана, — к изумлению Мухаммеда Али, произнес его голос, — вы редкий человек, вы жемчужина, и для вас я сделаю то, чего, может быть, не сделал бы и для родной дочери. У меня есть один документ, с помощью которого вы решите все свои проблемы.

— Что же это за волшебный документ? — спросила она, а глаза ее при этом взглянули на него с откровенной насмешкой.

Дальше голос его зазвучал едва слышно.

— Британский паспорт, мисс Рехана. Подлинный, настоящий британский паспорт. У меня есть хороший приятель в консульстве — впишет имя, наклеит фотографию, и дело сделано! — торопитесь, складывайте вещи и добро пожаловать в Англию!

* * *

Он в самом деле это сказал!

Тогда, значит, с ним может случиться все что угодно — он, значит, сошел с ума. Мухаммед Али сейчас еще и отдаст его бесплатно, и тогда останется только целый год кусать себе локти.

Старый дурак, сказал себе Мухаммед Али. *Только старые дураки и теряют голову из-за красивой девушки.*

— Правильно ли я вас поняла? — проговорила она. — Вы предлагаете мне совершить преступление…

— Я предлагаю, — перебил он, — ускорить события.

— …совершить преступление, въехать в Лондон, в Бредфорд, в обход закона и тем самым утвердить английских сахибов в мысли о том,

что их низкое мнение о нас справедливо? Разве это хороший совет, дедушка?

— В *Англию*, в Бредфорд, — грустно поправил он. — Нехорошо так относиться к подарку.

— А как еще я должна к нему относиться?

— Я бедный человек, биби[2], и мне захотелось сделать тебе подарок ради твоей красоты. Не плюй на него. Бери. Или откажись от своей затеи, вернись домой, забудь про Англию — не ходи в этот дом, не позволяй им себя унизить.

Но мисс Рехана уже поднялась и, не дослушав, направилась в сторону ворот, возле которых толпились женщины, и потерявший терпение охранник кричал на них, чтобы стояли спокойно, иначе никого сегодня не примут.

— Глупость делаешь, — крикнул ей вслед Мухаммед Али. — Да как хочешь, мне-то что! — крикнул он, чтобы она поняла, что он сделал ради нее все что мог.

Она даже не оглянулась.

— В этом вот беда нашего народа, — возопил тогда он. — Мало того, что мы нищие, что мы темные, так мы еще и не хотим ничему учиться.

— Что, Мухаммед Али? — сказала с другой

---

[2] Примечания: 2
Госпожа (хинди).

стороны ряда женщина, которая торговала бетелем. — Плохи твои дела? Ей-то, небось, нравятся помоложе?

* * *

В тот день Мухаммед Али ничего не заработал, потому что простоял весь день возле ворот в ожидании мисс Реханы. То и дело он принимался себя бранить: *“Ступай отсюда, старый болван, она леди и даже и говорить-то с тобой не пожелала”.* Но все-таки он ее дождался.

— Салям, советчик-сахиб, — сказала ему мисс Рехана, направляясь к нему.

Вид у нее был такой же уверенный, как и утром; на него, на Мухаммеда Али, она явно больше не сердилась, и он подумал: *“Ах ты боже мой, слава Аллаху, кажется, повезло. Значит, даже и у английских сахибов оттаяло сердце, едва они утонули в глубине ее глаз, и она получила визу*”.

Он улыбнулся ей в ответ улыбкой, исполненной надежды. А мисс Рехана улыбнулась в ответ улыбкой, исполненной спокойствия.

— Дочь моя, мисс Рехана-бегум, — сказал он, — в счастливый час торжества примите мои поздравления.

Она вдруг ласково взяла его под руку.

— Пойдемте, — сказала она. — Позвольте мне поблагодарить вас за хороший совет, который вы мне дали, извиниться за свою грубость и угостить вас пакорами.

* * *

Они стояли на пыльном пятачке между воротами консульства и автобусом, который должен был отбыть ближе к вечеру. Кули привязывали на крыше скатки матрасов. Разносчик старался всучить пассажирам любовные романы и травяные снадобья, громко расхваливая и то и другое как средство от всех несчастий. Совершенно счастливый Мухаммед Али вместе с мисс Реханой устроились на “пылесборнике”, иначе говоря, на бампере, и принялись уплетать пакоры. Дневная жара пошла на спад.

— Нас обручили еще наши родители, — неожиданно начала мисс Рехана. — Мне тогда было девять лет, Мустафе Дару тридцать, но отец хотел, чтобы муж был старше меня и заботился обо мне так, как сам он заботился о матери, потому он и выбрал мне Мустафу-джи, которого считал человеком ответственным. Потом родители у меня умерли, а Мустафа Дар отправился в Англию и сказал, что через некоторое время вызовет меня.

С тех пор прошло много лет. У меня есть его фотография, но он для меня давно чужой человек. Я даже голос его по телефону не узнала.

* * *

Слушая, Мухаммед Али дивился ее рассказу, но в этом месте кивнул головой, надеясь в душе, что кивнул с умным видом.

— Ну, — сказал он, — в конце концов, родители всегда стараются, чтобы детям жилось получше. Ваши родители выбрали для вас хорошего честного человека, который сдержал слово и вас вызвал. Теперь вы познакомитесь, полюбите его… у вас вся жизнь впереди.

* * *

Заметив на этот раз горечь в ее улыбке, Мухаммед Али удивился.

— Скажите, уважаемый, — заговорила мисс Рехана, — почему это вы так уверены в том, что мне дали визу?

Потрясенный, он встал.

— У вас… вы оттуда вышли с таким счастливым видом… Я и подумал… Прошу прощения… Неужели и вам дали от ворот поворот?

— Я ответила неправильно на все вопросы, — сказала она. — Что родинка не на той щеке, что ванная комната совсем не такая — я ее придумала и обставила, как хотела. Одним словом, все сказала не так, понятно?

— Что же теперь делать!? Куда вы теперь?

— Обратно в Лахор, вернусь на работу. Я работаю в одном большом доме няней у трех прекрасных мальчиков. Если бы я уехала, они заскучали бы.

— Какая беда! — воскликнул Мухаммед Али. — Я ведь предупреждал! Нужно было взять паспорт. А теперь, как это ни печально, я не в силах помочь. У них теперь есть анкета, и если они проверят, то и паспорт не поможет… Все пропало, все пропало… Ах, ну если бы вы меня послушались! Все было бы хорошо.

— Вряд ли, — сказала она. — И не нужно так огорчаться.

Он стоял на пятачке возле остановки автобуса и смотрел, как она улыбается ему сквозь заднее стекло, до тех пор пока автобус не скрылся в облаке пыли, не в силах отвести от нее глаз, потому что до сих пор никогда в жизни — в своей жаркой, длинной и трудной, не знавшей любви жизни — он не видел такой открытой, такой счастливой

улыбки.

Радиоприемник

Мы все знали, что, коли вдова вцепилась в него мертвой хваткой, добром дело не кончится, но парень был глупый, осел молодой да и только, а таких ничему не научишь. Жизнь у него начиналась хорошо. Бог его одарил божественной красотой, отец уступил ему место и сошел в могилу, но не бросил мальчишку-то без ничего, а оставил ему в наследство роскошную рикшу, с пластмассовыми сиденьями и всем что положено. Так что и красота у него была, и работа была, и если бы откладывал сколько-то рупий в год, со временем нашел бы себе хорошую жену, так нет, его угораздило влюбиться в жену вора, когда усы еще не отросли, молоко, можно сказать, не обсохло.

* * *

Мы знали, что все кончится плохо, да кто только сейчас за умом ходит к старикам?

Кто, я вас спрашиваю?

Вот именно, никто, и уж конечно же не наш дуралей рикша Рамани. Вдова во всем виновата. Я,

конечно, видел, к чему дело клонится, но молчал, пока, знаете ли, терпение не лопнуло. Сидел вот здесь, под этим баньяном, курил самодельную хуку и почти ничего не упустил.

Одно время хотел я уберечь его от судьбы, да только ничего у меня не вышло…

* * *

Вдова была и впрямь хороша собой, спорить не стану, было чем ей заманить парня, однако нутро у нее было гнилое. Она была старше Рамани лет на десять, успела народить семерых детей — пятеро выжили, двое умерли, — и чем тот вор еще занимался, кроме как воровал и детей делал, одному Богу известно, да только ей он не оставил ни пайсы, так что она, понятное дело, и вцепилась в Рамани. Не хочу сказать, что рикша у нас в городке много зарабатывает, но плошка риса лучше, чем ничего. А вот к ней-то, вдове нищей, мало кто заглядывал дважды.

* * *

Именно тут они и встретились.

Ехал как-то Рамани по улице — сам был без пассажира, но сиял, как обычно, от уха до уха,

будто денег полный карман, и песню распевал, какую-то из тех, что тогда крутили по радио, и голова у него была намазана, будто на свадьбу. Парень он был не промах, знал, что девушки ему вслед смотрят, слышал, как нахваливают его ноги, какие они, мол, длинные да крепкие.

Вдова как раз вышла из лавки, где и купила-то всего плошку чечевицы — уж не знаю, откуда деньги брала, но, говорят, видели по ночам возле ее развалюхи мужчин, даже, говорят, хозяина лавки, но я его сам не видел, так что об нем лучше помолчу.

Пятеро ее паршивцев под ногами вертятся, а она на них ноль внимания, и вдруг как крикнет: "*Эй! Рикша!*" Громко, знаете ли, как торговка на базаре. Чтобы, значит, всем показать, что рикша ей по карману — будто это кому интересно. Детей, наверное, оставила голодными, чтобы разок прокатиться, но если хотите знать мое мнение, то она его позвала, потому что уже положила на него глаз. Потом они все загрузились в коляску, а он пустился бегом, а везти вдову с пятерыми детьми, это, знаете ли, нелегко, так что бежал он, пыхтел, и вены у него на ногах вздулись, а я еще тогда подумал: поосторожней, сынок, как бы не пришлось тебе тащить эту ношу всю жизнь.

Начиная с того дня вдову и Рамани везде видели вместе — не стеснялись людей, бесстыжие, и я рад был тому, что мать у него умерла, иначе провалилась бы со стыда.

* * *

В те времена Рамани иногда по вечерам заезжал на нашу улицу повидаться с приятелями, а они считали себя умнее других, потому что ходили в иранскую забегаловку, пили там в задней комнате контрабандную водку, и все, конечно, об этом знали, но коли мальчишки решили загубить свою жизнь, так это их личное дело.

Горько мне было видеть, как Рамани пропадает в дурной компании. Я хорошо знал его родителей, когда те были живы. Потому посоветовал ему держаться подальше от этих головорезов, а он в ответ только осклабился, как баран, и сказал, мол, что я ошибаюсь, что никто ничего плохого не делает.

Ну-ну, подумал я про себя.

Я-то их знал. Все носили на рукаве повязку “Молодежного движения”. Тогда только что ввели чрезвычайное положение, и ребята эти были вовсе не безобидные — люди рассказывали, как они дерутся, так что сидел я под баньяном и по-

малкивал. Рамани сам повязки не носил, а с ними сдружился, они ему, дураку, нравились.

* * *

Те ребята с повязками то и дело нахваливали Рамани. Ты красавец, говорили они, в сравнении с тобой Шаши Капур и Амитабх[3] просто страхолюдины, и тебе, мол, нужно в Бомбей, сниматься в кино.

Мололи они эту чушь только по той причине, что и в карты он с ними играл, а его обыграть было нетрудно, и выпивку за игрой покупал, хотя он был ничуть их не богаче. Но с той поры мечта о кино запала Рамани в голову, голова-то была пустая, и за это я тоже виню вдову, которая была его старше, так что должна была соображать, что к чему. Ей ничего не стоило в два счета заставить его забыть эти глупости, да куда там, я своими ушами слышал, как она ему однажды говорила: “Ты и вправду похож на самого Кришну, только кожа не голубая”. На улице! Чтобы все, значит, знали, какая у них любовь! С того дня я и понял, что жди беды.

---

[3] Примечания: 3
Шаши Капур и Амитабх Баччан — известные индийские киноактеры.

* * *

В следующий раз, когда вдова пришла к нам на улицу в лавку, я решил действовать. Не ради себя, а ради покойных родителей юноши рискнул подвергнуться оскорблениям со стороны… нет, не буду никак ее называть, она теперь далеко, пусть сами там разбираются, кто она такая.

— Эй, вдова вора! — окликнул я ее.

Она встала посреди дороги, и лицо исказилось, будто ее огрели хлыстом.

— Подойди, поговорить надо, — сказал я ей.

Она не могла мне отказать, потому что я-то человек в городе уважаемый, и она, конечно, сразу смекнула, что если люди увидят, как я с ней разговариваю, то и от нее перестанут отворачиваться, так что расчет мой был верный, она ко мне подошла.

— Хочу сказать тебе вот что, — с достоинством обратился я к ней. — Рикша Рамани мне дорог, так что поди поищи кого-нибудь другого, себе по возрасту, а еще лучше — отправляйся в Бенарес, во вдовий ашрам, и до конца дней своих благодари Бога за то, что запретили сжигать вдов.

Тут она принялась меня стыдить, орать и ругаться, обозвала меня ядовитым старикашкой,

который давно свой век отжил, а под конец заявила: — Вот что я вам скажу, господин учитель *на пенсии*, Рамани попросил меня выйти за него замуж, а я ответила “нет”, потому что хватит с меня детей, а он молодой, и ему нужно иметь своих. Так что можете рассказать об этом хоть всему городу, и нечего брызгать ядом, как кобра.

* * *

После того случая я какое-то время и знать не хотел про их с Рамани шашни, я сделал что мог, да к тому же у такого человека, как я, были в нашем городе дела и поинтересней. Например, как раз после того случая к нам на улицу приехал местный санитарный врач, и его большой белый фургон разрешили поставить под моим баньяном, и каждую ночь туда стали приходить мужчины, и что-то там с ними делали.

Не очень-то мне понравилось такое соседство, потому как возле фургона все время вертелись парни с повязками, так что я со своим кальяном пересел на другое место. О том, что делалось внутри, говорили разное, да только я не слушал.

Но как раз тогда, когда у нас стоял тот пропахший эфиром белый фургон, все наконец окончательно поняли, до чего эта вдова вора

подлая, потому что Рамани придумал себе новую затею и начал болтать, будто ему скоро пришлют подарок из Дели, от самого правительства, лично для него, и будто это будет роскошный транзисторный радиоприемник на батарейках, самой последней модели.

* * *

Тут-то мы поняли, что с головой у нашего Рамани не все в порядке, иначе с чего бы он то про кино, то про радио, и потому в ответ ему лишь терпеливо кивали и говорили: “Да, Рам, повезло тебе”, или: “Какое хорошее, щедрое у нас правительство, дарит приемники людям за то, что любят слушать поп-музыку”. Но Рамани твердил, будто это правда, а вид у него был счастливый, как никогда, до того счастливый, что трудно было поверить, будто дело в одном только радио.

* * *

В скором времени после того, как мы в первый раз услышали про радиоприемник, Рамани и вдова поженились, и тогда все стало понятно. На церемонию я не пошел — свадьба, как ни крути, была бедная, — но когда после этого Рам пробегал

мимо моего баньяна с пустой коляской, я его окликнул.

Рамани остановился, сел рядом, а я спросил:

— Дитя мое, не ходил ли ты в фургон? Что они там с тобой сделали?

— Не беспокойтесь обо мне, — ответил он. — У меня дела лучше не бывает. Я люблю и любим, учитель-сахиб[4], и я сумел добиться согласия моей женщины выйти за меня замуж.

Признаюсь, я впал во гнев, даже едва не заплакал, когда понял, что Рамани добровольно подверг себя тому унижению, на какое другие шли вынужденно. С горьким упреком сказал я ему:

— Глупое ты дитя, ты позволил женщине лишить тебя мужского начала!

— Чепуха, — сказал Рамани, и это-то про насбанди[5]. — Прошу прощения, учитель-сахиб, за то, что говорю о подобных вещах, но любовью заниматься это не мешает, да вообще ничему не мешает. Детей не будет, но моя женщина их и не хочет, так что у меня все о’кей на сто процентов.

---

[4] Примечания: 4

Господин (хинди).

[5] Примечания: 5

В 1977–1978 гг. правительство Индии проводило принудительную стерилизацию мужчин из бедных слоев населения.

Кроме того, это в интересах нации. Так что мне скоро пришлют радиоприемник.

— Радиоприемник, — повторил я.

— Да, учитель-сахиб, — сказал мне доверчивый Рамани, — помните, как несколько лет назад, когда я еще был мальчишкой, портной Лаксман тоже сделал себе такую же операцию? Тогда ему быстро прислали радио, весь город ходил слушать. Его прислали в благодарность от правительства. Вот бы и мне такое же.

— Уходи с глаз моих, убирайся! — в отчаянии закричал я, но мне духу не хватило сказать то, о чем знал весь город: никаких радио давно никому не давали, все уже и забыли про радио. Сто лет, как поняли, что вранье это, и ничего больше.

* * *

После того случая вдова вора, которая теперь была женой Рамани, стала появляться в городе редко, потому что, конечно же, ей было стыдно за то, что она с ним сотворила, а Рамани работал больше прежнего, и всякий раз, завидев кого-нибудь из тех, кому наболтал про радио — а таких было много, — прикладывал ладонь к уху горсткой, будто уже держал в ней окаянный приемник, и начинал кривляться, изображая диктора.

– *Йе акашвани хэй*[6], — орал он на всю улицу. — Говорит “Радио Индия”. Передаем новости. Представитель правительства сегодня заявил, что радиоприемник для рикши Рамани уже отправлен и вот-вот будет доставлен по адресу. А теперь немного популярной музыки.

Тут он начинал петь своим нелепым, высоким фальцетом какую-нибудь из песен Аши Бхонсле или Латы Мангешкара.

У Рамани было редкое свойство до того верить своим фантазиям, что, бывало, и мы ими заражались и сами уже почти верили, а вдруг он и впрямь скоро получит его, свое радио, или даже вдруг уже получил и держит его, невидимое в ладони, разъезжая по нашим улицам. Мы уже даже ждали, когда он появится из-за угла, зазвонит в свой велосипедный звонок и весело заорет: — “Радио Индия”! Говорит “Радио Индия”.

* * *

Время шло. Рамани по-прежнему разъезжал по городу со своим невидимым радио. Прошел целый год. Но и через год он все так же сотрясал воздух воплями о приемнике. Только теперь у

---

[6] Примечания: 6
Это прямой эфир! (хинди).

него в лице было новое выражение — напряженное, будто он каждую минуту совершал некое огромное усилие, большее, чем то, что нужно было, чтобы тащить рикшу, чем даже чтобы тащить рикшу вместе с вдовой, и с ее пятью живыми детьми, и с ее памятью о двух умерших; будто бы он вливал все силы своего молодого тела в тот крохотный зазор между ухом и ладонью, сложенной горсткой, откуда пел невидимый радиоприемник, который он пытался материализовать неимоверным — может быть, роковым — напряжением воли.

Не могу передать, каким беспомощным я себя почувствовал, осознав, что теперь у Рамани все печали и горести связались с надеждой получить этот приемник, потому что, когда эта надежда рухнет, ему придется признать суровую правду жизни, придется понять, что зря надругался над телом, что вдова, став его женой, и его тоже сделала вором, заставив обокрасть себя.

Когда снова приехал фургон и встал под тем же баньяном, я уже знал, что Рам придет туда за приемником, и бессмысленно было пытаться его остановить.

* * *

Он пришел не в первый день и не во второй, потому что, как я узнал позднее, не хотел показаться жадным, не хотел, чтобы врач решил, будто ему только радио и нужно. К тому же Рамани все еще лелеял надежду, что они придут к нему сами и вручат радио, и, может быть, это будет пусть скромная, но официальная церемония. Хотя дурак он дурак и есть, и какая разница, о чем он тогда думал.

* * *

Он появился на третий день. Позвонил в свой велосипедный звонок, приложил, как всегда, ладонь к уху, выдал прогноз погоды и с тем и подъехал к фургону. А ведьма эта, вдова, сидела в коляске — не выдержала, увязалась посмотреть на его позор.

Закончилось все очень быстро.

Рам весело помахал рукой своим бывшим собутыльникам, которые, все с повязками, охраняли фургон от людского гнева, а голова у него, говорят, была напомажена, и сам весь наглажен — я-то сразу тогда ушел, потому что больно мне

было все это видеть. Вдова вора осталась сидеть в коляске, прикрыв голову краем черного сари, и прижимала к себе детей так, будто боялась, что они исчезнут.

Вскоре из фургона послышались недовольные голоса, потом крики, парни с повязками зашли внутрь посмотреть, что там происходит, и не прошло и минуты, как эти его бывшие дружки вышвырнули Рамани оттуда, и он нырнул своей напомаженной головой в дорожную пыль и разбил в кровь губы. Ладонь возле уха он уже не держал.

Говорят, вдова вора в черном сари даже не пошелохнулась, когда ее мужа швырнули на пыльную дорогу.

* * *

Да, я знаю — я старик, и понятия мои о жизни, наверное, тоже сморщились от времени, к тому же теперь говорят, будто стерилизация, и не знаю там что еще, это нужно для государства, и вполне возможно, я зря во всем обвиняю вдову, вполне возможно. Наверное, прежние взгляды действительно устарели, пора их менять, и если оно и впрямь так, то пусть будет что будет. Но я хочу все-таки рассказать эту историю до конца.

Через несколько дней после драки в фургоне я увидел Рамани, когда он продавал свою рикшу старому пройдохе мусульманину, владельцу мастерской по ремонту велосипедов. Заметив меня, Рамани сам подошел и сказал:

— Прощайте, учитель-сахиб, уезжаю в Бомбей, скоро стану кинозвездой, не хуже, чем Шаши Капур или даже Амитабх Баччан.

– *Уезжаешь*, говоришь? — переспросил я. — Ты что, едешь один?

Рамани окаменел. Вдова вора уже успела его отучить от почтения к старшим.

— Мои жена и дети едут со мной, — сказал он.

Это был наш последний с ним разговор. Они уехали поездом в тот же день.

* * *

Через несколько месяцев я получил от него первое письмо, которое написал он, конечно, не сам, потому что в школе, несмотря на все мои усилия, писать так и не выучился. Конечно же, он нанял писца и, конечно же, за большие деньги, потому что в жизни все стоит денег, а в Бомбее тем более. Не спрашивайте, почему он стал мне писать — захотел и все тут. Я его письма храню, так что могу подтвердить свои слова, но, стало

быть, и от стариков бывает польза, или, быть может, он понял, что я единственный человек на свете, кому небезразлична его судьба.

Как бы то ни было, с тех пор он мне писал, рассказывал о своей новой жизни, о работе, о том, как его сразу отметили и он прошел пробу на большой киностудии, где ему дали роль, а теперь хотят сделать из него звезду; о том, что он живет в “Сан-Сэнд отеле” на берегу Джуху, там же, где знаменитые актрисы, что собирается купить шикарный дом в Пали-хилл, оснащенный самыми что ни на есть новейшими системами безопасности, чтобы защищали его от поклонников, что вдова вора счастлива — конечно, она счастлива, — здорова, немного растолстела, жизнь их полна света и радости, и никаких проблем с выпивкой.

* * *

Письма он слал замечательные, искренние и теплые, но, когда бы я их ни читал или ни перечитывал, я каждый раз вспоминал выражение лица, появившееся у него в тот год, когда он ждал радио, и то страшное напряжение воли, ту отчаянную веру, которыми он творил реальность, возникавшую в тесном зазоре между ухом и ладонью.

Волос пророка

В начале 19… года, когда весь Шринагар лежал в объятиях зимнего сна, скованный лютым, до костей пробиравшим морозом, отчего казалось, что кости вот-вот затрещат, как трещит на морозе стекло, тогда, в ту зиму, люди видели, как один юноша, на чьем покрасневшем лице отчетливо читалась печать не только холода, но и благополучия, пришел в самую грязную, известную своей дурной славой часть города, где деревянные домишки, крытые рифленой жестью, стояли криво и косо, словно хотели упасть, и негромко, серьезно сказал, что хотел бы воспользоваться услугами хорошего профессионального взломщика, попросив указать, где такового найти. Местная братия с восторгом повела юношу, которого звали Атта, в улочки, еще более темные и пустынные, и водила там до тех пор, пока не привела во двор, посреди которого два человека, чьих лиц он так и не увидел, повалили его на еще влажную от крови недавно зарезанной курицы землю, отобрали пачку денег, взятую им неразумно в одинокую эту прогулку, и избили до полусмерти, едва не лишив жизни.

* * *

Стемнело. Неизвестные люди перенесли тело юноши на берег озера, откуда его перевезли в шикаре[7] в безлюдную часть набережной канала, который ведет к Шалимарским садам, и там оставили на берегу, избитого и окровавленного. На рассвете следующего дня мимо того места плыл в своей лодке по воде, от ночного холода загустевшей, словно дикий мед, развозчик цветов, который заметил почти безжизненное тело молодого Атты, услышал, как он в ту минуту шевельнулся и застонал, и различил на мертвенно бледной коже за печатью холода печать благополучия.

* * *

Развозчик цветов причалил к набережной, склонился пониже и с трудом сумел все же разобрать, что бедняга, едва шевеливший губами, прошептал ему, где живет, и тогда цветочник, возмечтав о роскошной награде, переложил его в лодку и поплыл на другой берег озера, туда, где

---

[7] Примечания: 7
Длинная узкая лодка.

стоял большой особняк, доставив таким образом Атту его семье, а две женщины, одна прекрасная, молодая, но страшно избитая, и вторая, ее мать, с лицом измученным, но не менее прекрасным, обе в тревоге не сомкнувшие глаз всю ту ночь, закричали, заголосили при виде своего Атты, старшего брата прекрасной молодой женщины, который лежал среди зимних полумертвых цветов в лодке размечтавшегося торговца.

* * *

Развозчику цветов действительно было уплачено немало, главным образом за молчание, и больше в нашей истории он не сыграет никакой роли. Атта, который пострадал от холода не меньше, чем от пролома черепа, тем временем впал в состояние комы, и лучшие в городе доктора лишь беспомощно пожимали плечами. Тем более странным было то, что на следующий день под вечер в самой грязной, известной своей дурной славой части города появилась еще одна неожиданная гостья. Той гостьей была Хума, сестра несчастного юноши, и она так же тихо и так же серьезно, как брат, задала тот же самый вопрос:

— Где здесь можно нанять вора?

* * *

Обитатели сточных канав к тому времени успели немало посмеяться над богатым придурком, который явился к ним нанять вора и влип, но женщина, в отличие от него, к сказанному добавила:

— Должна предупредить: денег у меня с собой нет, драгоценностей тоже. Выкупа за меня отец не даст, поскольку лишил меня всех имущественных прав, и к тому же, прежде чем отправиться сюда, я оставила письмо с детальным описанием своего маршрута на столе заместителя комиссара полиции, которое он вскроет в случае, если к утру я не вернусь домой живая и невредимая, и он, приходясь мне дядей, найдет и покарает любого, кто решится меня обидеть, где бы тот ни спрятался, на земле или под землей.

* * *

Удивительная ее красота, какую не смогли скрыть даже следы побоев на лице и на руках, а также не менее удивительная предусмотрительность, заранее предупреждавшая любые недостойные действия в отношении девушки,

стали причиной тому, что вокруг нее быстро собралась толпа любопытных, где хотя и раздавались язвительные замечания по поводу странного — для близкой родственницы высокопоставленного полицейского — желания нанять преступника, но никто даже не попытался причинить ей какой-либо вред.

Ее повели по улочкам, которые, чем дальше, тем становились все темнее и безлюднее, и водили по ним до тех пор, пока не привели туда, где темнота сгустилась до черноты, будто вокруг кто-то пролил чернила, и где старая женщина, которая смотрела перед собой до того пристально, что Хума сразу же поняла, что она слепая, открыла перед ней двери дома, где было еще темнее, и Хуме показалось, будто оттуда через порог хлынула новая волна мрака. Хума сжала кулаки, приказала сердцу стучать как положено и вслед за старухой шагнула в дом.

* * *

В темноте глаза с трудом различили тонкий, неправдоподобно призрачный лучик света, исходившего от свечи, и, руководствуясь лишь его желтоватой нитью (поскольку старая леди мгновенно исчезла из виду), Хума сделала шаг вперед,

тут же сильно обо что-то стукнулась, вскрикнула и, рассердившись на себя за то, что невольно выдала страх, который с каждым мгновением становился сильнее, прикусила губу и запретила себе думать о том, кто — или что — ждет ее здесь.

Стукнулась она о низенький стол, на котором и стояла единственная свеча, а за ним, за столом, у противоположной стены, на полу сидел по-турецки человек, похожий на гору. “Садись, садись”, — произнес ровный и глубокий голос, и от тона его, похожего на приказ, ноги у нее подкосились, и она тоже опустилась на пол, не дожидаясь более никаких приглашений. Она только покрепче сцепила пальцы и заставила себя говорить спокойно:

— Надо ли так понимать, что вы, сэр, и являетесь тем самым вором, которого я ищу?

* * *

Сидевший слегка переменил положение, отчего его темная тень шелохнулась, и произнес речь, из которой последовало, что в данном районе любая преступная деятельность совершается не сама по себе, но организованно и под контролем, и, соответственно, всякая попытка вольного,

так сказать, найма должна для начала получить одобрение, каковое дается именно здесь, в этой комнате.

Настоятельно он предложил изложить — и как можно подробнее — все детали предполагавшегося ограбления, включая опись предметов, какие она желала бы заказать, а также назвать сумму вознаграждения, оговорив, кстати, и условия премиальных, а в довершение, исключительно для полноты картины, попросил рассказать о мотивах.

Услышав эти последние слова, Хума словно о чем-то вспомнила, выпрямилась, собралась с духом и громко сказала, что ее мотивы касаются исключительно ее лично, что детали она обсудит только с тем, кто возьмется исполнить заказ, и ни с кем более, и что вознаграждение, которое она готова предложить за работу, будет весьма щедрым. — Поскольку вы, сэр, исполняете здесь, в этом районе, функции агентства по найму, то, полагаю, понимаете, что, предлагая щедрое вознаграждение, я жду, чтобы мне нашли самого отчаянного человека, какой только имеется в вашем распоряжении, иными словами, такого, кто не испугается ничего, в том числе гнева Божьего. Мне нужен самый отчаянный из ваших людей…

и никакой другой.

* * *

При этих словах кто-то зажег керосиновую лампу, и Хума увидела перед собой седоволосого гиганта, чья щека была обезображена шрамом, напоминавшим по форме букву “син” насталического письма[8]. Хуме на миг показалось, будто перед ней возник призрак прошлого, и с нестерпимой ясностью в памяти встала детская, где ее с Аттой няня, в надежде предотвратить новые их неразумные проявления самостоятельности, в который раз пригрозила детям:

— Если не будете слушаться, я попрошу, и он вас заберет. Шейх Син, Вор Воров!

Значит, он, этот седовласый, с уродливым четким рубцом, и есть здесь лучший грабитель… Не сошла ли Хума с ума, не ослышалась ли, или он сейчас и впрямь ей сказал, что, учитывая обстоятельства, лишь он один способен выполнить ее заказ, и никто больше?

---

[8] Примечания: 8

Один из вариантов арабского алфавита, используемый в языках фарси и урду, в частности в Кашмире.

* * *

И тогда она, чтобы не выпустить вдруг родившихся заново демонов страха своей детской, без промедления обратилась к нему с речью, для начала сказав, что лишь крайняя опасность и крайняя надобность вынудили ее совершить столь рискованную прогулку.

— Нельзя медлить ни минуты, — продолжала она, — и потому я расскажу все как есть, без утайки. И если, выслушав до конца мою историю, вы не откажетесь, то мы сделаем все возможное, чтобы облегчить вам работу, а по окончании дела наградим со всей щедростью. Старый вор в ответ пожал плечами, кивнул и сплюнул на пол. Хума приступила к рассказу.

* * *

Всего еще шесть дней назад утро в доме ее отца, богатого ростовщика по имени Хашим, началось, как обычно. Мать, чье лицо лучилось любовью, поставила перед мужем полную тарелку хичри; за столом потекла беседа, полная той изысканной учтивости, коей гордилась их семья.

Хашим никогда не упускал случая подчеркнуть,

что свое состояние скопил благодаря отнюдь не религиозным “заветам”, а “уважению к правилам мирской жизни”. В его прекрасном просторном особняке на берегу озера даже неудачников всегда встречали с почетом и вниманием; даже тех несчастных, кто приходил просить малой доли от его, Хашима, богатств и с кем он делился — не меньше, конечно, чем за семьдесят процентов, однако лишь ради того, как объяснял он в то утро подкладывавшей ему хичри жене, “чтобы научить их уважать деньги; ибо тот, кто усвоит урок, тот, в конце концов, избавится от дурной привычки жить в долг, так что можно сказать, я работаю себе во вред, ибо когда они это поймут, я останусь без куска хлеба!”

Детям своим, Атте и Хуме, ростовщик с женой неустанно прививали такие добродетели, как бережливость, честность и здоровое свободомыслие. Об этом Хашим тоже был не прочь лишний раз помянуть.

* * *

Завтрак подошел к концу, члены семьи перед уходом пожелали друг другу удачного дня. Но не прошло и нескольких часов, как все хрупкое, будто стекло, благополучие дома, изысканная,

словно фарфор, учтивость и подобное алебастру изящество разлетелись вдребезги, не оставив надежды вернуть прошлое.

* * *

Ростовщик, который намерен был отбыть по делам в своей личной шикаре, кликнул гребца и уже было занес ногу, собираясь ступить на борт, как вдруг внимание его привлек серебристый блик, и он разглядел сосуд, качавшийся в узком пространстве между лодкой и его личным причалом. Без всякой задней мысли Хашим наклонился и выловил сосуд из воды, словно загустевшей от холода.

Сосуд оказался обычной цилиндрической бутылочкой темного стекла, но оплетенной серебряной нитью изумительно тонкой работы, а сквозь стенки Хашим разглядел внутри серебряную подвеску, в которую был вправлен человеческий волос.

Хашим зажал в кулаке удивительную находку, крикнул лодочнику, что его планы изменились, и поспешно вернулся к себе, в свое домашнее святилище, где запер дверь и принялся изучать сосуд.

* * *

Вне всякого сомнения, ростовщик Хашим с первого взгляда понял, что у него в руках оказалась знаменитая реликвия, благословенный волос пророка Мухаммеда, украденный накануне из мечети в Хазрабале, где до сих пор вся долина оглашалась воплями беспримерного горя и гнева.

Вне всякого сомнения, воры — наверняка испуганные всеобщим негодованием, бесконечными процессиями, воем уличных толп, народными волнениями, политическими демонстрациями, а также массовыми обысками, которые проводились и руководились людьми, чья карьера буквально повисла на украденном волоске, — поддались панике и избавились от сосуда, бросив его в глубины озера, ставшего от холода желатиновым.

Долг Хашима, нашедшего пропажу благодаря великой своей удачливости, был очевиден: реликвию следовало возвратить в мечеть, и таким образом вернуть государству мир и спокойствие.

* * *

Однако вдруг у него возникла другая мысль.

Вид всего его кабинета свидетельствовал о давней страсти Хашима к коллекционированию. В стеклянных витринах лежали пронзенные булавками бабочки из Гульмарга[9], по стенам висели бесчисленные мечи с копьем нагов[10] посередине, стояли отлитые из разнообразных металлов три дюжины копий пушки Замзама[11], а также девяносто терракотовых верблюдов, какими торгуют с лотков при вокзалах, и множество разнообразных самоваров, и полный зоопарк всяких зверей из сандала, которыми развлекают младенцев во время купанья.

— В конце концов, — сказал себе Хашим, — и сам Пророк не одобрил бы столь неистового поклонения перед реликвией. Он с презрением отвергал саму идею обожествления себя! Следова-

---

[9] Примечания: 9

Знаменитые сады в Шринагаре.

[10] Примечания: 10

Каннибальское племя на северо-западе Индии.

[11] Примечания: 11

Знаменитая пушка, 4,3 м, установленная у дороги в Лахоре в честь взятия крепости Мултан, увековеченная в романе Р. Киплинга “Ким” (1901).

тельно, утаив его волос от безумных фанатиков, я скорее исполню долг, нежели если верну, не так ли? Безусловно, лично меня в этой вещице привлекает отнюдь не ее религиозная ценность…

Я человек мирской, я принадлежу *этой* жизни. И я смотрю на сей предмет с точки зрения сугубо светской, иными словами, ценю в нем его уникальность и редкую красоту. То есть, короче говоря, я желаю обладать фиалом, а вовсе не волосом Пророка… Говорят, американские миллионеры скупают по миру ворованные шедевры, чтобы потом спрятать их в своих подземельях… Да, вот они бы меня поняли. Я не в силах расстаться с прекрасным!

* * *

Однако еще ни один коллекционер на свете не смог удержаться от того, чтобы хоть кому-нибудь не показать своего сокровища, и Хашим тоже поделился радостью со своим единственным сыном Аттой, который, поклявшись молчать, молчал, хотя и терзался сомнениями, и нарушил слово лишь тогда, когда больше не стало сил терпеть беды, обрушившиеся на их дом. Но в тот, первый, день молодой человек попрощался с отцом и вышел, оставив его созерцать свое сокровище.

Хашим сидел в своем жестком кресле с прямою спинкой и не сводил глаз с прекрасного фиала.

* * *

В доме у них все знали, что среди дня ростовщик не ест, и потому слуга вошел в кабинет только вечером, намереваясь позвать хозяина к столу. Слуга застал Хашима в том же виде, в каком его оставил Атта. В том, да не совсем — ростовщик за день будто распух. Глаза выпучились, веки покраснели, а костяшки пальцев, сжатых в кулак, наоборот, побелели.

Вид у него был такой, будто он вот-вот лопнет. Будто из неправедно приобретенной реликвии перелилась в него некая мистическая жидкость, наполнив целиком, и готова была истечь изо всех отверстий телесной его оболочки.

С чужой помощью Хашим все же добрался до стола, и тут произошла катастрофа.

* * *

Видимо, нисколько не беспокоясь о том, как его речь повлияет на заботливо возводившуюся хрупкую конструкцию, которая лежала в основании теплого семейного счастья, Хашим разразился

жуткими откровениями, хлынувшими из его уст с такой силой, будто фонтан из источника. Дети, помертвев от ужаса, услышали, как отец, повернувшись к жене, в наступившей полной тишине проорал, что семейная жизнь за многие годы истерзала его хуже всякой болезни. “Долой приличия! — гремел он. — Долой лицемерие!”

После чего он довел до сведения семьи, в выражениях не менее грубых, о наличии у него любовницы, а также о своих регулярных визитах к платным женщинам. Сказал жене, что наследницей после его смерти станет не она, а ей достанется всего-навсего восьмая часть, меньше которой оставить нельзя, следуя закону ислама. Затем он перенес гнев на детей и начал с того, что накричал на Атту за то, что тот недостаточно умен: “Кретин! Наказал меня Бог таким сыном!” — после чего переключился на дочь, которую обвинил в похотливости, поскольку та выходит в город с открытым лицом, нарушая правила, непреложные для честных мусульманских девушек. С этой минуты и впредь, распорядился он, дочь больше не должна покидать женскую половину.

Так ничего и не съев, Хашим ушел к себе, где тотчас уснул глубоким сном человека, наконец

облегчившего душу, нимало не заботясь ни о рыдавшем навзрыд оскорбленном семействе, ни о еде, остывавшей на буфете под взглядами остолбеневшего слуги.

* * *

На следующий день Хашим разбудил домашних в пять утра, заставив их выбраться из постелей, совершил омывание и начал читать молитву. С того момента он молился по пять раз на дню, и жена его и дети вынуждены были делать то же самое.

В тот же день перед завтраком Хума сама видела, как слуги по приказу отца вынесли в сад огромную кучу книг, где и сожгли их. Единственной уцелевшей книгой был Коран, который Хашим обернул шелковой тканью и возложил на столе посреди гостиной. При этом распорядился, чтобы каждый член семьи читал строфы Священного писания не менее двух часов в день. На телевизор был наложен запрет. И ко всему прочему, Хашим велел Хуме удаляться к себе, когда к Атте придет кто-нибудь из друзей.

* * *

С того дня в доме воцарились печаль и уныние, однако худшие беды ждали впереди.

На другой день к отцу явился должник, который, дрожа от страха, сказал, что не смог раздобыть последней части назначенного процента, и стал просить небольшой отсрочки, допустив при этом ошибку, напоминая Хашиму, в выражениях несколько дерзких, слова из Корана, порицающие заимодавство. Отец пришел в ярость и отхлестал беднягу кнутом, сорвав его со стены, где висели редкие экспонаты его обширной коллекции.

К тому же, как ни печально, в тот же день, немного позже, пришел и второй должник, который просил об отсрочке смиренно, но и он выскочил из кабинета избитый, а на правой руке у него кровоточила резаная глубокая рана, поскольку Хашим, посчитав его вором, крадущим чужое добро, вознамерился было отсечь нечистую руку одним из тридцати восьми ножей кукри[12], висевших на стенах кабинета.

---

[12] Примечания: 12
Племя, известное изготовлением кованого оружия.

* * *

Два этих дня Атта и Хума горько страдали, глядя на попрание неписаных правил семейного этикета, но к вечеру Хашим окончательно перешел все границы, подняв руку на жену, когда та, потрясенная его жестокостью по отношению к должнику, попыталась урезонить мужа. Атта бросился на защиту матери, но отец сбил его с ног одним ударом.

— Отныне, — заявил Хашим, — вы узнаете, что такое порядок!

* * *

С женою ростовщика случилась истерика, которая длилась всю ту ночь и весь третий день, после чего Хашим, утомившись от ее рыданий, пригрозил разводом, и жена его бросилась к себе в комнату, где заперлась на ключ и в слезах упала без сил. Тогда Хума тоже вышла из себя и открыто воспротивилась воле отца, заявив (с той самой независимостью, которую он всю жизнь в ней поощрял), что не станет более закрывать лица, поскольку, оставив в стороне прочие соображения, от этого портится зрение.

Услышав эту речь, отец недолго думая лишил Хуму всех имущественных прав и велел убираться из дому, дав неделю на сборы.

* * *

На четвертый день страх, поселившийся в доме, сгустился настолько, что стал, казалось, едва ли не осязаем. Именно в тот день Атта и сказал онемевшей от горя сестре:

— Мы близки к погибели, но я знаю, в чем дело.

Днем Хашим, в сопровождении двух нанятых им головорезов, отправился в город выбивать долги двоих своих неплательщиков. Дождавшись его отъезда, Атта направился в кабинет. Как единственный сын и наследник он владел ключом от отцовского сейфа. Там он употребил ключ по назначению, затем достал из сейфа фиал, оправленный в серебро, сунул в карман брюк и снова запер сейф.

Тогда-то он и открыл Хуме отцовскую тайну, под конец воскликнув:

— Может быть, я и сошел с ума; может быть, от того, что у нас произошло за последнее время, у меня мозги набекрень, но одно я знаю наверняка: пока этот волос в доме, ничего хорошего нас не

ждет.

Хума сразу же согласилась с братом, предложив как можно скорее вернуть реликвию в мечеть, после чего Атта нанял шикару и отправился в Хазрабал. Однако, добравшись до цели, в толпе безутешно рыдавших верующих, которые толклись на площади возле осквернённой мечети, он обнаружил, что сосуд исчез. В кармане оказалась дыра, которую мать, обычно крайне внимательная к исполнению своих обязанностей, проглядела, по-видимому, из-за последних событий.

Недолго подосадовав, Атта с облегчением вздохнул. — Подумать только, — сказал он себе, — что со мной сделали бы, если бы я успел объявить мулле, будто привез украденный волос! Этот сброд меня тут же и линчевал бы, ведь никто не поверил бы, что я просто его потерял! Но, так или иначе, его больше нет, а этого нам и надо.

Впервые за несколько дней он рассмеялся и отправился обратно домой.

* * *

Дома он увидел, что в гостиной плачет сестра, избитая в кровь, а в спальне рыдает мать, как только что потерявшая мужа вдова. Атта кинулся

к сестре за объяснениями, желая знать, что случилось, и когда та наконец рассказала ему, что отец, вернувшись домой, снова заметил в волнах между причалом и лодкой серебряный блеск, снова наклонился и признал злосчастный фиал, а тогда и впал в ярость и принялся избивать Хуму, в конце концов побоями выбив из нее правду, — и услышав ее рассказ, Атта закрыл лицо руками, заплакал и сквозь слезы даже не проговорил, а простонал, что фиал взялся преследовать их семью и возвратился к отцу, намереваясь его руками довершить начатое.

* * *

Теперь настала очередь Хумы придумывать, как избавиться от напасти. На следующий день, когда синяки на руках ее и на лице, оставшиеся от побоев, расплылись, утратив черноту, она обняла брата и зашептала ему на ухо, что решила избавиться от этого волоса *любой ценой*, и повторила эти последние слова несколько раз.

— Волос, — проговорила она, — один раз уже был украден из мечети, значит, можно его украсть и из дома. Однако это нужно проделать без малейшей ошибки, для чего мы должны найти вора

bona fide[13], причем такого отчаянного, что его не возьмут никакие чары и он не испугался бы ни полиции, ни проклятий.

К сожалению, добавила она, теперь сделать это будет в десять раз сложнее, поскольку отец, однажды уже едва не лишившись своей драгоценности, естественно, станет ее стеречь как зеницу ока.

* * *

— Способны ли вы взяться за такое дело?

Хума, сидя в комнате, освещенной слабым светом свечи и керосиновой лампы, закончила свой рассказ вопросом:

— Можете ли вы гарантировать, что ничего не испугаетесь и доведете дело до конца?

Вор сплюнул на пол и объявил, что не в его привычках что-либо гарантировать, он не повар и не садовник, однако испугать его нелегко, особенно если речь всего лишь о детских сказках. Он может попросту дать слово, чем Хуме и придется удовлетвориться, так что пусть приступает к деталям предполагаемого ограбления.

— Отец, после нашей попытки вернуть волос в

---

[13] Примечания: 13
Добросовестный, честный (лат.).

мечеть, прячет на ночь свое сокровище у себя под подушкой. Спит он в отдельной комнате, причем спит чутко; от вас требуется осторожно войти в его спальню, подождать, пока отец заворочается, повернется с боку на бок и снова крепко уснет, и тогда вы заберете сосуд. После чего принесете сосуд ко мне в спальню, — с этими словами Хума вручила Шейху план дома. — И я отдам вам все драгоценности, которые есть у меня и у матери. Они дорого стоят… сами увидите… Да-да, за них вам дадут целое состояние.

Тут выдержка едва не изменила ей, но Хума удержалась от слез.

— Сегодня! — произнесла она, справившись с собой. — Вы должны выкрасть волос сегодня же ночью!

* * *

Едва дождавшись, пока Хума выйдет из комнаты, старый вор зашелся в приступе кашля, после чего выплюнул кровавый сгусток в старую банку из-под растительного масла. Да, он, великий Шейх Син, Вор Воров, теперь был старый больной человек, и новый, молодой претендент уже точил нож, поджидая своего часа, чтобы вспороть Шейху живот. Ко всему прочему, знаменитый

вор лишился всех своих денег из-за пагубной страсти к картежным играм и был беден почти так же, как много лет назад, когда начинал свою карьеру простым учеником карманника, и потому в предложении дочери ростовщика усмотрел перст судьбы, которая вновь явила ему свое милосердие, дав возможность поправить финансовые дела и навсегда покинуть долину, чтобы он купил себе на заработанные деньги роскошь умереть собственной смертью.

* * *

Что же касалось реликвии, то ни он, ни его слепая жена никогда не интересовались никакими пророками — и это было единственное, чем их счастливое семейство было схоже со злосчастным семейством Хашима.

* * *

Тем не менее своим четверым сыновьям вор не сказал о предстоявшем деле ни слова. Они, к великому его огорчению, все выросли слишком благочестивыми и не раз, бывало, заговаривали о паломничестве в Мекку. “Чушь! — смеялся отец. — Подумайте хоть о пути, как вы туда дой-

дете!” Всякий раз, когда у них появлялся на свет очередной ребенок, Шейх Син — в самовластии отцовской любви полагавший, будто ребенок родился для лучшей жизни — при рождении его калечил, и теперь его сыновья просили в городе милостыню, чем прекрасно зарабатывали на жизнь.

Дети у него были вполне в состоянии о себе позаботиться.

Так что Шейх решил их оставить и уйти из долины с женой. Лишь только редкому своему везенью он обязан был тем, что к ним, в его часть города, на задворки, пришла прекрасная, хотя и в синяках, девушка.

* * *

В ту ночь дом на берегу озера замер в ожидании вора, и в углах его комнат повисла тишина, сгустившаяся до состояния почти осязаемости. Наступила ночь, вполне подходящая для грабежа: небо закрылось тучами, и над холодной поверхностью зимнего озера поплыл туман. Ростовщик Хашим быстро уснул — единственный из всей семьи, кто мог в ту ночь спать спокойно. В соседней с ним спальне без сознания, в коме, с внутричерепной гематомой, метался, страдая от

боли, Атта под неусыпным присмотром матери, которая распустила в знак скорби длинные, едва тронутые сединой волосы и, не желая смириться с очевидным, меняла сыну компрессы. В третьей спальне, не раздеваясь, в ожидании вора сидела Хума, выставив перед собой шкатулки с драгоценностями, которые были их последней надеждой.

Наконец в саду под ее окном послышалась тихая трель соловья, и Хума неслышно прокралась вниз по лестнице и отворила дверь этой птичке, чье лицо украшал рубец в виде буквы “син” насталического письма.

* * *

Бесшумно следом за Хумой птичка взлетела на второй этаж. В коридоре они разошлись в разные стороны, конспирации ради не посмотрев друг на друга.

Шейх проник в комнату ростовщика с легкостью, неудивительной для профессионала, и понял, что план, полученный им от Хумы, точен до мельчайших подробностей. Хашим спал, разбросав руки и ноги, подушка сбилась на сторону, так что достать из-под нее вожделенный фиал было пустячным делом. Осторожно, медленно, шаг за шагом. Шейх подкрадывался к ростовщику.

Но в эту минуту в спальне за стенкой молодой Атта вдруг резко сел на постели, чем изрядно испугал мать, и неожиданно — возможно, от того, что увеличившаяся гематома давила на мозг, — вдруг завопил пронзительным голосом:

– *Вор! Вор! Вор!*

Возможно, несчастный его разум на мгновение слился с отцовским, но точно этого никто не знает и никогда не узнает, ибо, выкрикнув трижды “вор”, молодой человек замолчал, упал на подушки и умер.

Мать при виде мертвого сына зашлась таким криком, таким стоном, таким раздирающим слух воем, что довершила дело, начатое Аттой, — иными словами, голос ее проник сквозь стену в мужнюю спальню, и Хашим проснулся.

* * *

Пока Шейх думал, что лучше — нырнуть под кровать или дать ростовщику по макушке, — Хашим схватил полосатую трость[14] со скрытым длинным клинком, которую с недавних пор перед сном ставил возле себя, и, не заметив грабителя в темноте по другую сторону от кровати, поспе-

---

[14] Примечания: 14

Характерный рисунок, украшающий трости для ходьбы.

шил в коридор. Тогда Шейх быстро нагнулся и молниеносно выхватил из-под подушки фиал с волосом Пророка.

А Хашим в коридоре выхватил из трости клинок. Клинок он держал в правой руке и, как сумасшедший, вращал им над головой. А в левой держал трость и потрясал ею в воздухе. Тут из ночной темноты в коридоре возникла некая, тоже темная, фигура, и Хашим, исполненный гнева, хотя еще не до конца проснулся, вонзил в нее свое оружие и, по роковой случайности, попал в самое сердце. После чего включил свет и, обнаружив перед собой бездыханное тело дочери, в ужасе перед содеянным обернул клинок против себя, приставил к своей груди и налег на него всем своим весом, сведя таким образом счеты с жизнью. На шум в коридор выбежала его жена, единственная, кто уцелел из всей семьи, и при виде двух трупов в одно мгновение сошла с ума, что через некоторое время было подтверждено медицинским свидетельством, и ее родной брат, заместитель комиссара полиции, пристроил ее в психиатрическую лечебницу.

* * *

Шейх Син сразу понял, что дело не выгорело.

Пока в коридоре разыгрывалась описанная выше кровавая драма, он, забыв о ларцах с драгоценностями, до которых было рукой подать, выбрался из дома через окно в спальне Хашима и сбежал. Домой он явился еще затемно, растолкал жену и сказал, что вернулся с пустыми руками. Теперь придется, сказал он ей шепотом, на некоторое время залечь на дно. Жена слушала его, не открывая глаз.

* * *

А тем временем шум, поднятый в доме ростовщика, разбудил не только слуг, но и сторожа, который спал — так же крепко, как и обычно, — у себя в будке возле ворот. Собравшись вместе, они позвонили в полицию, а там тотчас же доложили о происшествии заместителю комиссара. Узнав о гибели Хумы, высокопоставленный родственник опечалился, вскрыл запечатанный конверт и прочел предназначенное ему послание, после чего немедля возглавил немаленький отряд вооруженной полиции и повел его в темные

закоулки самой грязной, известной своей дурной славой, части города.

Некий известный своей дерзостью ночной налетчик шепнул ему на ухо имя Шейха, некий амбициозный взломщик указал пальцем на дверь дома, где жил сообщник Хумы, и он сам нажал на курок, выстрелив в престарелого вора, который именно тогда выбрался на крышу через чердачный люк и, получив пулю в живот, бесформенной массой рухнул на землю к ногам заместителя комиссара полиции, утолившего таким образом свой гнев.

Из его кармана при этом выкатился небольшой сосуд темного стекла, оправленный в серебряную филигрань.

* * *

О возвращении верующим волоса Пророка в результате успешной полицейской операции объявили по “Радио Индия”. Через месяц в Хазрабале собрались все известные своей святостью люди, которые подтвердили его подлинность. Драгоценный фиал и по сей день находится под надежной охраной в той же самой мечети, на берегу одного из самых прекрасных в мире озер, в сердце той самой долины, которая более всех

прочих мест на земле напоминает собой рай.

* * *

Однако мы не закончили бы своей истории, если бы не упомянули о четверых сыновьях Шейха, которые, сами того не ведая, провели несколько минут в доме, где оказался священный сосуд, и в утро, последовавшее после гибели их отца, проснулись и обнаружили, что свершилось чудо, и руки и ноги их вновь обрели подвижность и крепость, будто отец и не искалечил каждого при рождении. Все четверо с тех пор страшно гневались на судьбу, ибо доходы у них против прежнего снизились, при самых скромных подсчетах, процентов на семьдесят пять, так что они едва сводили концы с концами.

Одна лишь вдова Шейха обрела повод радоваться жизни, поскольку, потеряв мужа, она снова обрела зрение, и с тех пор и до конца своих дней любовалась прекрасной Кашмирской долиной.

Запад

Йорик

Поблагодарим же Бога — или, возможно, усердие древних бумагоделов — за то, что есть на земле прочный материал под названием пергамент, который — как земля под ногами, на коей, смею думать, он и существует (хотя, если следовать фактам, контакты его с terra firma[15] случаются всего реже; естественные места его залегания — полки, деревянные или не деревянные, порой покрытые пылью, порой в совершенном порядке, почтовые ящики, ящики выдвижные, старые чемоданы, самые потайные карманы счастливых любовников, магазины, лавки, мусорные корзины, чердаки, подвалы, музеи, картотеки, сейфы, столы адвокатов, стеллажи врачей, комната в доме любимой двоюродной бабушки на берегу моря, театральные мастерские, волшебные сказки, переговоры на высшем уровне, туристические конторы), как и земля — повторяю на случай, если вы успели забыть, о чем речь, — благородный этот материал всё терпит и стерпит, всегда и везде, и если не вечно, то по крайней мере до

---

[15] Примечания: 15
Твердая земля (лат.).

тех пор, пока человек нарочно его не уничтожит, рваньем или комканьем, при помощи кухонных ножниц или же крепких зубов, огнем или смывом в сортире, ибо — и сие есть установленный факт — человек получает равное удовольствие, уничтожая и землю, которая носит его, пока он жив, и сей материал (я имею в виду бумагу), хотя с помощью бумаги мог бы обеспечить себе бессмертие прежде, чем та самая земля уйдет у него из-под ног и вырастет в холмик ровнехонько над головой; и такой же установленный факт, что полный перечень способов его уничтожения занял бы больше страниц той же самой бумаги, чем перечень потребляемых мной продуктов, так что к черту перечисления — пора перейти к повествованию, которое, как я уже сказал, хотя не договорил, есть рассказ о старинном пергаменте и рассказ, на пергаменте же и написанный.

* * *

Речь пойдет, конечно, о Йорике и о рукописи, которая лет этак двести тридцать пять тому назад попалась в руки некоему — впрочем, отнюдь не некоему, а наоборот коему — *Тристраму* (который не имеет отношения к сраму, тем более к сраму номер три, и вовсе не тот, что с Изоль-

дой), бывшему болтуном и называвшему себя Шенди[16], чьи слова весят не более пены, оседающей в пивной кружке; а недавно попала ко мне, но при обстоятельствах настолько темных и странных, что едва ли стоит на них задерживать внимание любознательного читателя. Истинность ее не представляет сомнения, а история, в ней рассказанная, сама по себе является щедрой наградой для исследователя, обученного применять на практике самые что ни на есть высочайшие материи, и потому намерение мое заключается в том, чтобы пересказать ее, отбросив несущественные детали, но попутно кое о чем потолковать, кое-что растолковать, правильно истолковать, передекламировать, забальзамировать и мумифицировать. Итак, чернильнорукие и пыльноносые, здесь вас ждут прелестные юные жены, старые дураки, рогоносцы, ревность, убийство, сок проклятой травы, череп, кости и казни, а также полный набор вопросов из Вильяма Шекспира от Гамлета, того самого малохольного принца, который, похоже, и знать не знает, как

---

[16] Примечания: 16
Имеется в виду роман Л. Стерна “Размышления Тристрама Шенди”.

на самом деле звали его отца[17].

* * *

Итак, мы начинаем:

В Дании, в конце, кажется, царствования славного короля *Горвендиллюса*, случилось так, что старший королевский шут, некий мастер ЙОРИК, взял себе в жены некую сиротку — бездомную, светленькую, гладенькую — по имени Офелия, и вот с этого-то все и началось… Как? Меня уже перебивают? Разве я еще не сказал, что наш воспетый всеми поэтами Гамлет — Амлетус, с вашего позволения, Датский — ошибся, решив, будто Призрак тоже вроде бы именуется Гамлет? Ошибка сия является не только противообычайной, а непротивосыновней, и не только непротивосыновней, а я сказал бы, *противосаксонограмматической*, поскольку противоречит — не более, не менее — такому авторитетному источнику, как Саксонус Грамматикус с его “Историей Дании”! Однако, если бы вы сидели спокойно и внимательно слушали, то уже поняли бы, что никакая это не ошибка, а скрытый ключ, благодаря которому мы

[17] Примечания: 17

Намек на “Историю Дании” Саксона Грамматика, где даны несколько вариантов имени отца принца Амлета Ютландского.

оказываемся в состоянии быстро раскрыть смысл всей этой темной истории.

Повторяю:

Короля звали Горвендиллюс. Horwendillus Rex… Есть ли еще вопросы? Ну разумеется, сэр, у шута была жена; возможно, роль ее в пьесе пера великого драматурга и малозаметна, но не кажется ли вам, что коль скоро мужчина решает продолжить род, так тут без женщины не обойтись — и каким же еще, позвольте спросить, образом сумел бы тот самый исторический Дурак произвести на свет ту самую ветвь, на которой торчит подобно сучку наш достопочтенный Йорик, этот архиерейский нос, описанный столь малоприемлемым для нас Тристрамом? Безусловно, другого способа нет! Не думаю, что для того, чтобы признать истинность ЭТОГО утверждения, нужно рыться в древних пергаментах… Бог ты мой, как же звали *ее*?! Вот тут, сэр, вам придется поверить мне на слово. Что вас так удивляет? Черт возьми, неужели, по-вашему, Офелия было такое уж редкое имя — это в стране-то, где мужчин называли Амлетусами, Горвендами и так далее?.. Ну да, уж конечно, и Йориками. Нет слов. Однако продолжим.

Йорик женился на Офелии. У них родился ребенок. И оставим споры на эту тему.

* * *

Офелия была вдвое моложе мужа и вдвое его красивее, а все случившееся в дальнейшем есть производная от того, что одно разделилось, а другое умножилось. В итоге мы получили арифметическую трагедию. Печальный рассказ, в самый раз для юдоли глубокой печали.

Как же могло так случиться, чтобы такой бутончик достался седому старому дураку? Листы пергамента шевелит сквозняк. Это дыхание Офелии. Запах гнили распространяется по всему Датскому королевству, по нему разливается вонь остывшей крысиной печени, жабьей мочи, высокопоставленных дураков, гнилых зубов и гангрены, вспоротых животов, жженой ведьминской плоти, сточных канав, уверений политиков; Дания дышит могилами, падалью, а также парами крепких рассолов из Вельзебулькающих бочонков в распахнутой Преисподней. Потому всякий раз, когда это хрупкое создание, это юное совершенство, при взгляде на кое от умиления увлажнялись глаза не у одного мужчины, раскрывало, набравшись храбрости, рот, пространство вокруг нее немедленно пустело в радиусе футов этак на пятьдесят. И наш бедный Дурак дошагал

до венца беспрепятственно, получив таким образом ту жену, какую ему уготовила судьба.

Когда он за ней ухаживал, то зажимал нос деревянной прищепкой. А в день свадьбы любивший шута король заботливо преподнес ему в подарок серебряные пробочки искусной работы, чтобы зажимать нос. Вот так все и произошло: сначала прищепили, потом заткнули: и вид у него, у влюбленного Дурака, стал вполне соответствующий, то есть дурацкий.

С этим разобрались.

(*Входит принц, маленький Амлетус, в руках держит хлыстик для верховой езды.*)

* * *

На сцене бедная спальня в замке Эльсинор. В постели крепко спят Йорик с супругой. Возле постели на стуле лежат небрежно брошенные колпак, колокольчики, пестрое платье и прочие шутовские принадлежности. Где-то неподалеку тихо дышит во сне ребенок. Теперь представьте себе такую картину: маленький Гамлет на цыпочках подкрадывается к хозяину спальни, замирает, приседает и в один прыжок взлетает тому на шею! И тогда:

Йор. (проснувшись): О-о-о, а-а-а! Что за подлец

Пелионов, исчадие Оссы, уселся на шею, мне сон перебив?

…Тут я перебью себя сам, поскольку вдруг заметил некую противоестественность сей реплики, ибо в самом деле, действительно ли способен мужчина, разбуженный посреди ночи, вырванный из спокойного сна столь неожиданным появлением у себя на шее королевского отпрыска семи лет от роду, изъясняться фразами, полными культурно-литературных аллюзий, как нас уверяет текст? Видимо, тут либо придется с оговорками признавать достоверность манускрипта, либо датские дураки получали в высшей степени странное воспитание. Впрочем, наверняка какие-то мелочи так и останутся до конца не проясненными.

Однако вернемся к нашим баранам.

Гам.: Йорик, день занялся! Давай вместе споем во славу зари!

Оф. (в сторону): Муж терпеть не может этого паршивца — вот уж чума на наши головы, избалованный щенок, который к тому же страдает бессонницей. Так вот мы и просыпаемся — наследничек коли не сядет верхом, то непременно поднимет за волосы. Был бы он мой сын… Доброе утро, мой принц, моя радость!

Гам.: А-а, это ты, Офелия. Йорик, ну-ка во славу зари! Ну же, пой!

Йор.: Пусть ей птички поют во славу. У меня, правда, осталась на голове парочка перьев почтенного возраста. Однако годы определили их таким образом, что я стал похож то ли на ворона, то ли на сыча. Какое уж там песни петь — теперь я способен только каркнуть или там ухнуть, да и то весьма неблагозвучно.

Гам.: Не перечь! Твой принц желает песен.

Йор.: Однако, Гамлет, выслушайте меня. Сфера нашей жизни подобна небесной, и потому человеку, чьи годы склонились к закату, не подобает петь утренних гимнов.

Гам.: Довольно! Вставай и пой. Погоди, посадика меня на плечи, поиграем как подобает.

Оф. (в сторону): В семь лет — своеволен, как Владыка Морей, и только Бог знает, на кого станет похож в двадцать семь!

Йор. (поет):

В юности я так любил, так любил
И знать все хотел наперед.
Время я свое торопил.
Боялся, что оно не придет.
А время подкралось тайком.

Когти вонзило в меня…

Гам.: Что за кошачий концерт, немедленно замолчи!

Йор.: Разве я переврал слова?

Гам.: Хватит петь. Лучше давай загадывать загадки. Да, загадай загадку про кошку, про громкоголосую такую кошечку, которая поет, как ты, хотя ты, правда, громче.

Йор. (в сторону): Вот наказание. Однако придется что-то придумать. *(Вслух.)* Пес, которого вы, принц, оседлали, стар, конечно, но все-таки еще жив, и вот вам загадка: зачем кошке девять жизней?

Гам.: Не знаю, зачем ей девять жизней, зато точно знаю, зачем девять хвостов, и ты тоже это быстро поймешь, если вздумаешь помедлить с ответом.

Оф. (в сторону).: Наш принц скор не только на язык, а бедный Йорик все скорей только мхом зарастает.

Йор.: Ну хорошо, вот вам разгадка. Все кошки любят глядеть на монархов, а тот, кто глядит на монарха, предает свою жизнь в его руки, а жизнь, преданная в монаршьи руки, вполне может проскользнуть между пальцев. А ну-ка, принц Гамлет, сосчитайте-ка, сколько у вас меж-

ду пальцами промежутков — смотрите, между этим пальцем и этим, между этим и этим, между этим и этим, и между этим и большим пальцем. Всего на двух руках восемь; итого, значит, восемь жизней! И значит, выживет только тот, у кого их девять; потому-то кошкам, которые все любят смотреть на королей, нужны девять жизней.

Оф.: Отличная загадка, муж.

Гам.: А теперь давайте танцевать! Хватит твоих дурацких шуток, спляшем веселую джигу.

Йор.: А вы так и будете сидеть у меня на шее?

Гам.: Буду. А ну-ка вот ты теперь отгадай: чего я хочу?

Йор. (в сторону, приплясывая): Ты, Гамлет, ничего не хочешь, но Йорик для тебя подыщет предмет желаний.

* * *

Все это время в носах, как у Гамлета, так и у Дурака, торчат серебряные пробки искусной работы!

В колыбели начинает плакать младенец, жалуясь одновременно на все сразу: на пробки, на хлопки и свисты Гамлетова хлыста, которым тот то и дело взбадривает свою двуногую клячу.

Что прикажете думать о столь безобразном

поведении принца? Конечно, понятно, что он ненавидит Офелию, но за что? Неужто за то зловоние, которое исторгает ее нутро? Или за власть над шутом, который бросается исполнять любое желание, стоит ей бровью повести? Или за набухшие, спрятанные под рубашкой два крепких бутончика, за тело, принадлежащее не ему? Принц Амлет в свои семь лет чувствует в этой юной особе нечто, что его тревожит, но чему он пока не в силах дать определения. И посему детская влюбленность оборачивается ненавистью.

Возможно, в ненависти его виноваты все три обстоятельства: вонь, власть над сердцем Йорика (ибо любой дурак знает, что сердце Дурака должно принадлежать только принцу, поскольку кто, кроме Дурака, ему его отдаст?), ну и разумеется, красота. К чему гадать, какая из трех причин стала главной? Аппетит у нас хороший, проглотим и триединство.

Однако не стоит спешить с осуждениями. Гамлет всего лишь запущенный ребенок и видит в Йорике не только слугу, но отца — самого лучшего, даже совершенного, — а всякий сын стремится сделать отца рабом. Иными словами, несчастный, болезненный принц видит в поющем, танцующем и кривляющемся Йорике укрощенного

Горвенда. Гамлет пошел в мать.

* * *

Здесь манускрипт… Вернее, сказал бы я, чернила… Вернее — что было бы еще точнее — рука, державшая перо… Впрочем, руки той давно нет на свете, а об ушедших плохо не говорят… Э-э… *текст* — да, назовем это так! — здесь текст отступает от главной сюжетной линии и начинает путано перечислять все чудовищные злодеяния, совершенные принцем в отношении шута, методично отмечая каждый след башмака, припечатанный к шутовской заднице, с описанием всех деталей, а именно: повода, вызвавшего пинок, достигнутого эффекта, конкретного места, куда он пришелся, конкретной части платья, где отпечатался след, а также сопутствующих обстоятельств, как то: дождь, солнце, ветер, гром, град и прочие погодные условия; отмечая отсутствие при подобных сценах королевы-матери, которая якобы и сама пострадала от тирании стихийных бедствий; а также приводя полный перечень причинно-следственных связей между пинком ноги в зад и нырком носа в торфяную кочку, с последовавшими затем розысками серебряных пробок и так далее — короче говоря, с тем при-

скорбным отсутствием лаконичности, каковое мы здесь и спешим исправить. Однако основа сюжета, на мой взгляд, слажена крепко. Пытаться ее разрабатывать означало бы не только соперничать с принцем, обрабатывавшим своего шута и хлыстом, и палкой, и еще бог знает чем, но и то, что мы, не будучи принцем, попытались бы обойтись с Читателем так, будто и он, Читатель, тоже Дурак. (Тогда с какой же я стати, отнюдь не будучи принцем, вставляю сюда, в собственную свою фразу, неизвестно откуда взявшееся “мы”, облекая ее в пурпурную мантию множественного числа? Прочь! И назад, к обычному — то есть тоже необычному, поскольку оно циклопично — 1 л., ед. ч.)

Приведу лишь один эпизод:

Гамлет, катаясь на Йорике, машет хлыстом и случайно обнажает то, что скрыто плотной завесой плоти — иными словами, оголяет кость. Принц оказывается способен на чувство: его, на плечах у Дурака, при виде крови тошнит. Да, Читатель, увидев впервые мелькнувшую черепную кость друга, Принц Датский, движимый благородным участием, хватается за живот, и его рвет прямо на звонкие колокольчики.

* * *

До этого момента я прилагал все усилия, чтобы как можно деликатней передать любопытные психологические, а также фактологические детали нашей весьма щекотливой истории, но, наверное, пришло время, и пора наконец листам, которыми я владею, увидеть большой Свет, ибо наша Трагедия Личности берет свое начало в Политике. (Что, впрочем, вовсе не удивительно.)

Пир в легендарном замке Эльсинор: кабаньи головы, бараньи глазки, архиерейские носы, гусиные грудки, телячья печенка, требуха, рыбьи молоки, поросячьи ножки — стол походит на анатомический атлас, где, коли блюда составить друг к другу поближе, создастся диковинное чудовище, гиппогриф или ихтиокентавр. Горвендиллюс с супругой *Гертрудой* принимают у себя ФОРТИНБРАСА, стремясь получше удовлетворить стремление гостя к расширению изнутри, дабы он, почувствовав удовлетворение сытостью, отказался от мысли о расширении вовне, т. е. от мысли о расширении земель; а также справедливо полагая, что политическое решение, обрекающее на убийство одного лишь, к тому же мифического, существа, несет в себе куда больше

вкуса и прелести, нежели решение, ведущее к началу новой ВОЕННОЙ КАМПАНИИ.

И разве не ясно, что *Ф.*, увидев на столе отдельные части страшным образом расчлененного страшного зверя и воссоздав перед мысленным взором, каким же он был живой — с головой гигантской индюшки, украшенной ветвистыми рогами, с чешуйчатым брюхом и волосатыми ляжками, откуда непостижимым образом сразу же торчали копыта, — должен был в страхе тотчас убавить свои аппетиты и сто раз подумать, прежде чем затевать войну со столь могучим народом, поскольку от охотников, способных, дабы утолить голод гостя, загнать кошмарного зверя, можно ожидать и то, что они окажутся также способны утолить и голод всей Дании.

Однако все это не имеет значения. Я задержал ваше внимание на этом пиру, чтобы лишь показать, что королева-мать не поднялась наверх пожелать сыну спокойной ночи из соображений высшей политики, творившейся над мясным ассорти.

* * *

Теперь пора показать самого Гамлета, который лежит без сна в своей кроватке… Однако какое

перо в состоянии создать портрет с той деталью, какой нет на лице модели — нет ни сна в глазу, ни тепла материнского поцелуя на щечке, — а поскольку щечка поцелованная выглядит точно так же, как щечка нецелованная, то и о мальчике, который мечется в детской своей постельке, отданном на растерзание *бессоннице* и отчаянию, легко можно подумать, будто его то ли кусают блохи, то ли он мается с температурой, то ли сердится оттого, что ему запретили сидеть за столом вместе со взрослыми, то ли учится плавать в хлопчатобумажном море, то ли Б-г знает еще что, лично я ничего больше не могу придумать. Но трепетание сердца возникает именно в результате чего-то отсутствия, а не присутствия, и потому маленький Амлет поднимается с постели и спешит по коридору (нарисованные здесь точки соответствуют топоту детских цыпочек):..... / ..... /..... /..... /..... / и так далее, и он быстро (мы тоже, следуя его примеру) добирается до спальни Гертруды, вбегает туда и остается ждать ее в *ее* постели, словно от соприкосновения с материнской подушкой на щеке появится поцелуй — поцелуй Леты, посланный матерью; а потом он уснет. Как оказалось впоследствии, именно в этот час у него и зародился страшный Замысел, который и

приведет к летальному исходу.

* * *

Теперь же позвольте мне изобразить все, что случилось дальше, пантомимой, поскольку я не хочу услышать приговора своему пересказу прежде, чем доведу его до конца, и вынужден в качестве компенсации за медлительность первых страниц поторопить действие с помощью какого-нибудь ускорителя, например tableaux[18], и сейчас персонажи мои побегут подобно фигуркам на ленте ночной рекламы, пусть этот стиль и не соответствует трагическому содержанию пьесы. Ничего не поделаешь: в результате глупого собственного моего занудства им всем придется стать Дураками. А нам, в результате спешки, к которой побуждает неизбежность конца, всем придется на время стать Йориками.

Тень Гамлета.: Вот голоса у двери! Мать не одна, с каким-то пьяным ублюдком. Скорее спрятаться!.. Куда?.. За гобелен, нельзя промедлить ни мгновенья!

Тень прячется. (Потому-то смело можно сказать, что позднее, став взрослым, Гамлет заколет

---

[18] Примечания: 18
Бегущая строка (франц.).

себя, ибо детские воспоминания подсунут ему за гобеленом себя, а не седого старика Полония.)

Но что же он слышит? Сопенье и рык мужчины! Взвизги и вскрики матери — ах эти слабые женские вскрики! Кто посмел испугать Королеву?! Отважно принц приподнимает край гобелена и видит…

…как ЕГО ОТЕЦ навалился на мать. Слышит кабанье сопение Горвенда, стоны и всхлипывание Гертруды, которая под конец обмирает бессильно, так тяжело дыша, будто он ее придушил.

Гамлет слышит дыхание Смерти и вдруг семилетним своим умишком соображает, что отец у него убийца.

Гамлет подпрыгивает на месте!

— Стой! Стой, тебе говорят!

Отец подпрыгивает! Рука матери стремительно тянется к горлу, подтверждая догадку сына! Сцена до предела ясна. “Я спас ей жизнь!” — гордо думает про себя Гамлет. Но пьяный Горвенд настигает сына и под гобеленом, бьет хлыстом, потом ногами, потом опять хлыстом. Странное это было наказание, поскольку тут отец вбивал принца все глубже в щель, где тот прятался, тогда как в большинстве случаев смысл битья заключается как раз в обратном, то есть в том, чтобы

выгнать зло наружу.

А что здесь вколачивал отец в сына? Разумеется, ненависть и мрачные мысли о мести.

* * *

Гамлет (один): Свой монолог я приберегу для писца получше. А сей пергамент пусть молчит о том, какие чувства раздирали Гамлета тогда, когда он, избитый, был брошен к себе и заперт. О помыслах узнают по поступкам.

Если угодно, можно изобразить сцену терзаний принца: его преследуют кошмары. Перед глазами то и дело возникает Горвенд, который сильней и сильней сжимает Гертрудино горло. От страха глаза принца становятся шире, видение реальней, страшный Призрак снова и снова убивает королеву — вот он топит ее в ванне (и на губах Гертруды лопаются мыльные пузыри), вот он душит ее перед зеркалом, и ей приходится наблюдать собственную погибель.

Читатель, вникни в то, что движет помыслами Гамлета, посмотри столько же раз, сколько он, на призрак Горвенда, на сдавившие горло пальцы, на лицо умирающей Гертруды — в парке, в кухне, в бальной зале, в сарае для садовой утвари, на всех стульях, постелях, столах и полах, на людях и

в уединении, днем и ночью, до и после завтрака, когда мать поет и когда молчит, когда одета и когда раздета, в седле и в лодке, на горшке и на троне… и тогда вам, быть может, станет понятно, почему он, принц, рассматривает свое недавнее “прибежище” не как Конец, а как Начало страданий, порожденных любовью; почему он так напрягал мозги, пытаясь найти решение, которое избавило бы его от кошмаров. Из того решения и родился Замысел — плод Страсти, орошенный Ненавистью, извлеченный на свет королевским хлыстом, которым тот сек ягодицы инфанта и оставил на них тот же след, какой сам инфант не раз оставлял на щеках Дурака.

Может быть, именно потому через некоторое время все сюжетные линии смыкаются именно на Йорике, а исстрадавшийся принц превращает орудие шутки в орудие мести.

Теперь вам понятно, Читатель, что на самом деле Гамлета терзают два ненавистных образа: Офелия и король слились в его распаленном гневом мозгу в единое целое (можно сказать, связались брачным союзом). И Гамлет наконец придумывает, каким образом сделать так, чтобы стряхнуть с себя давившую, будто камень, ярость и одним ударом сбить с ветки обеих птичек

(ярость принца подобна гневу Медузы — при виде ее любая живая плоть способна обратиться в мертвый гранит).

Под конец мы услышим, как маленький принц бродит, бродит кругами по комнате, а губы его бормочут злобный стишок-загадку:

Не газообразно, не твердо, не жидко.

Бесплотно, безвкусно, но вроде напитка.

Иль к злу, иль к добру приведет под конец.

Влей в ухо – и, может быть, будет мертвец.

Итак, Читатель, примите мои поздравления: все эти мрачные сцены суть порождение вашей фантазии, доказывающей, что она куда точнее и изощреннее моего повествования.

* * *

Вы, Читатель, вообразили себе все до такой степени отчетливо, что последняя оставшаяся передо мной задача чрезвычайно проста. Осталось лишь вывести Гамлета с Йориком на площадку перед Эльсинором (одного на плечах у другого

— как это было у них заведено), где принц вольет в ухо шуту волшебную отраву, и Дураку вместо видения действительности достанется одна только ее видимость.

Вы, конечно, уже сами обо всем догадались. Сейчас здесь появится призрак ныне здравствующего отца Гамлета и начнет гоняться за шутом; потом появится второй призрак, тоже живой, — Офелии, жены Йорика, в смятом платье; а полупрозрачное тело ее раздвоится и обовьет короля светящимся эктоплазмическим ореолом.

– *Что такое этот королевский яд*?

Так что вам, Читатель, осталось лишь разгадать загадку, и вы поймете… Ну хорошо, подскажу. То, о чем говорится в стишке, — РЕЧЬ.

Вот воистину убийственный яд! Не подлежащий обнаружению и до того коварный, что от него до сих пор не найдено противоядия. Короче говоря, сейчас Гамлет убедит отцовского Дурака в том, что якобы его отец с женой Йорика… стало быть, Офелия с Горвендом… Нет, лично я не в силах произнести вслух глагол, обозначающий данное действие, тем более что на самом деле и действия никакого не было. В тексте, кажется, написано, что жестокий мальчишка в довершение ко всему принес (это место размыто древней

слезой или еще какой солесодержащей жидкостью) “доказательство” — парочку золотых пробок, завернутых в ловко им самим подделанную любовную записку. Или это был носовой платок? Впрочем, подобные мелочи не имеют значения. Дело было сделано, и глупость Йорика была представлена всему миру: профессиональный Дурак позволил принцу себя околпачить и оказался полным болваном не только в глазах принца, но и в своих собственных, поскольку — ему-то действительность виделась именно так — он со своим колпаком опростоволосился перед обожаемой женщиной, и та считает его теперь Дураком, а также ослом, причем самым что ни на есть идиотским, иначе говоря, рогатым.

Самое странное — и здесь-то и кроется темная суть происшедшего, — что Йорик, ставший дураком, с вашего позволения, натуральным, утратил привилегии Дурака, так сказать, профессионального. Должность дозволяет валять дурака безнаказанно, дурацкое платье — хорошее прикрытие тем, кто вслух говорит правду: и слушатели посмеются, и голова останется на плечах, продолжая позванивать нелепыми колокольчиками. Да, некогда Дураки были истинными мудрецами, мудрыми, как стрелки часов, по-

скольку точно знали, когда что сказать. А вот наша мудрая стрелка — наш Йорик, одураченный принцем, — потерял направление, сбился, побежал не в ту сторону и повел себя и впрямь как идиот, произнеся, как всякий охваченный ревностью муж, свою гневную речь с убийственной для себя серьезностью.

* * *

Гамлет, заставивший Дурака совершить роковую глупость, доволен: он добился своего. Говорят же вам: он в шуте видел того же отца, а теперь этот отцезаменитель, отравленный ядом речей, пролившихся из младенческих уст, восстает против венценосного оригинала.

Что же дальше?

А дальше: Горвендиллюс спит, один как перст в своем Гефсиманском саду. Входит Йорик с пузырьком проклятого сока. Яд, влитый Гамлетом в одно ухо, теперь перелит — во всяком случае, выглядит это именно так — в пузырек, откуда он переливается дальше, прямиком в ухо королевское. Горвендиллюс умирает, в то время как безвинно обвиненная мужем отвергнутая Офелия с горя теряет рассудок и слоняется вокруг дворца в цветочном своем безумии, пока не па-

дает бездыханной: а потом именно в ее безумии Клавдий находит ключ к разгадке, вычисляет преступника — вот и всё, вот вам и вся история.

Правда, вскоре там происходит и нечто странное — чувствуется работа чьей-то незримой руки! *Некто,* чьего имени я не знаю, похищает Голову Слуги и, пошептавшись с кем нужно, получает разрешение захоронить ее на Эльсинорском кладбище, где через сколько-то лет принц нос к носу столкнется со своим безносым обвинителем. И вот тогда этот утративший имя любитель подшутить над королями получит наконец невыразимое (но, возможно, заранее просчитанное) наслаждение от завершения сей давно начатой партии.

* * *

Там-пам-пам, там-пам-пам и там-пам-пам… Время идет, Читатель, и каждый из нас вправе проводить его в свое удовольствие: кто барабанит пальцами, кто спит, кто флиртует, а кто занят извлечением мелодических звуков из сосисочных струн — кому как больше нравится; лично я люблю что-нибудь напевать себе под нос, например: там-там, пам-пам-пам. (Если мелодия не в вашем вкусе, подите и проведите свободное

время в другом месте; свобода без тренировок становится подобна необученному спаниелю — тупеет и хиреет; так что потренируйте ее, сэр, потренируйте, в тренировке весь фокус.)

* * *

А мы? Мы, через много лет, возвращаемся к нашим героям, и что же мы видим? Конечно, не Йорика, который давным-давно слег в могилу, а ТЕНЬ ЙОРИКА.

Ей, похоже, теперь все равно, за кем охотиться, и она охотится за кем ни попадя, норовя немедленно проникнуть жертве в мозги, и потому можно смело сказать, что теперь-то Йорик уж точно не в своем уме… О Читатель, совсем что-то неладно стало в Эльсиноре! Гертруда, таким убийственным образом “избавленная” собственным сыном от не-убийцы мужа, во все долгие годы царствования короля Клавдия оставалась безутешной. (Тут моя версия всерьез расходится с версией мастера ЩЕЛКОПЕРА, откуда следовало бы выбросить по меньшей мере один трагический монолог. Но чтобы его все-таки сохранить для будущих поколений, предлагаю считать, что за давностью лет истина слишком потемнела, чтобы ее разглядеть, что доказательств нет и

выяснять подробности бессмысленно, и потому все имеющиеся варианты имеют право на существование.) Или же могу предложить еще одну свою версию: проходит много лет, королева Гертруда наконец выходит замуж за Клавдия, Гамлет этим событием раздражается, и время в его раздраженном мозгу смещается, так что позднее детство и ранняя юность промелькнули для него не более чем за два месяца (ах нет, кажется, даже меньше… Понять его легко: разве они не вместились только что в короткое мгновение, за которое лично я всего-то и успел, что спеть себе под нос там-пампам? Разве не промелькнули они и для вас, пока вы ходили выгуливать *Свободу*, эту сукину дочку? Если вы согласны со мной, то в таком случае теперь у вас вместо одного безответного вопроса два — ну и, надеюсь, достаточно?).

Итак, как я уже и сказал — Гертруда выходит замуж! И эта бездомная тварь — Ревность покойного Йорика — покидает мертвое тело, подыскивает себе новое пристанище и выбирает Гамлета. Теперь — сюжет вытекает из Замысла — Клавдия легко можно представить убийцей, сначала оболгавшим шута, чтобы ложь подобно камуфляжной сети — или *гобелену?* — скрыла истину от чужих глаз, и казнившим его ради той

же цели. Следом за Ревностью, пробужденной Свадьбой, просыпается и бродит по укреплениям Эльсинора Дух Убийства, которого и видит молодой Гамлет, снедаемый сыновней любовью.

Но зовут-то этого Духа Гамлетом, и обвинитель быстро превращается в обвиняемого. Тень свершенного преступления следует за ним по пятам, рассудок принца не выдерживает. Гамлет, насколько вам известно, скверно обходится с собственной *Офелией;* воспоминания его путаются, раз и навсегда смешав образ невесты принца с образом невыносимо страдавшей (а также не менее невыразимо благоухавшей всеми запахами своего времени) жены Дурака, и в конце концов он, обративший однажды Речь в Яд, сам пьет из отравленного кубка, и Призраку мертвеца приходится подыскивать очередного носителя, каким оказывается давно не приглашавшийся отобедать, но тут вдруг появившийся Фортинбрас, который и прибирает к рукам снова осиротевшую Данию.

* * *

Из всей компании в живых остается один только сын Йорика, который оставил сцену, где развернулась столь трагическим образом

семейная драма, и ушел бродить по белу свету, исходив его вдоль и поперек, на восток с запада и обратно, оставив повсюду на память о себе свои семена, и оттого повсюду во всех западных и восточных странах поднялась молодая разноцветная поросль, и все веселые его последыши и потомки и по сей день рассказывают на все лады историю, пересказанную скромным *ПИСЦОМ*, чья принадлежность к нашему роду подтверждается фактом, коим мы печально известны (пора уже в этом признаться), а именно стремлением обнародовать самые что ни на есть пикантные подробности Драмы, названной учеными мужами в умных книгах шантиклерикальной, а также контаурической.

Которая на самом деле, то есть в действительности, есть не что иное как обыкновенные ВРАКИ, и вот на этом признании, не петушась и не бычась, позвольте откланяться и завершить мой рассказ.

Волшебные башмачки

Покупатели, собравшиеся здесь на торги, где будут выставлены волшебные башмачки, мало напоминают обычных завсегдатаев аукционных залов. Устроители Аукциона, заблаговременно и широко осветив предстоящее событие в прессе, подготовились к любым неожиданностям. Народ в наше время не любит слишком высовываться, но устроители предположили — и оказались правы, — что на этот раз награда, предназначенная для победителя, заставит многих забыть про осторожность. Сегодня здесь ожидаются бурные страсти. Потому, помимо стандартных удобств, призванных обеспечить комфорт и безопасность почетных гостей любого аукциона, на случай, если вдруг кто-то почувствует недомогание физическое, в туалетах и вестибюлях установили огромные бронзовые плевательницы, а в неоготических исповедальнях — кабинках, расставленных по залам Аукциона со стратегической точностью, — на случай недомоганий душевных усадили психиатров самого разнообразного толка.

* * *

Почти все мы в наше сложное время чем-нибудь да хвораем.

* * *

Священников на Аукцион не допустили. Устроители четко обозначили границы. Священники расположились в тех из близлежащих зданий, где вид их был более привычным, на случай, если вдруг произойдет выброс какой-либо психической энергии или всплеск массового безумия, в надежде, что они с этим справятся.

В боковых улочках сосредоточились бригады акушеров и отряды полиции специального назначения со щитами и в шлемах, готовые мгновенно вступить в действие, если от перегрузок нервной системы кто-то неожиданно отправится на тот свет или, наоборот, родится. Заранее составлены списки контактных телефонов ближайших родственников участников торгов. Заготовлены комплекты смирительных рубашек.

* * *

Смотрите, как сверкают рубиновые башмачки за пуленепробиваемым стеклом. Никто не знает предела их возможностей. Вполне вероятно, его не существует.

* * *

Среди покупателей мелькают лица известнейших звезд кино — все они явились сюда при полном сиянии ауры. В аурах кинозвезд, разработанных при участии мастеров прикладных психотехник, сверкают золотые, серебряные, платиновые и бронзовые блестки. У тех же, у кого амплуа негодяев, аура зла — мерзко-зеленая, горчично-желтая или чернильно-красная. Если кто-нибудь из гостей случайно заденет бесценную (и очень хрупкую) ауру кинозвезды, тогда стражи порядка мгновенно сбивают посетителя или посетительницу с ног, выволакивают на улицу и заталкивают в специальный фургон. Таким образом, толчея в Большом зале Аукциона становится, пусть не намного, но все-таки меньше.

* * *

Фанаты, которые сходят с ума по реликвиям, были, есть и всегда будут непредсказуемы; вот только что одна такая полоумная, вынырнув из толпы, прилепилась губами к прозрачной витрине, где стоят башмачки, чем привела в действие систему защиты, разработанной с такой виртуозностью, что она сама попала в разряд произведений искусства, однако авторы не удосужились вложить в программу данные для распознавания подобных, совершенно невинных жестов, выражающих восторг и обожание. Система среагировала мгновенно, ударив тысячей вольт по коллагеновым губкам и таким образом исключив эту претендентку из числа конкурентов.

На мгновение в воздухе неприятно запахло паленым, что, однако, не стало предостережением для следующего aficionado[19] и не предотвратило нового акта выражения самоубийственной страсти. А мы, тут же узнав, что последняя жертва состояла с первой в близкой связи, склонили головы перед мистической властью любви и

[19] Примечания: 19
Фанат, страстный поклонник (исп.).

нашарили у себя в кармане надушенный носовой платок.

* * *

Зал рукоплещет от восхищения перед рубиновыми башмачками. Карнавал в разгаре. Волшебники, Львы и Страшилы собрались в таком количестве, что их не перечесть. Они сердито толкаются в борьбе за место, наступают друг другу на ноги. Железные Дровосеки в явном меньшинстве; это, по-видимому, объясняется неудобством костюма. Ведьмы, чье положение в обществе обычно настолько прочно, что банки без возражений предоставляют им кредит, ждут своего часа на *балконах* и *галереях*, будто живые горгульи. Один угол зала целиком отдали Тотошкам, и кое-кто в этой милой собачьей толпе уже резво взялся совокупляться, вынуждая служителя растаскивать их руками, заблаговременно одетыми в резиновые перчатки, дабы не оскорбить общественной нравственности. Служитель делает свое дело с большим тактом и большим достоинством.

* * *

Нас, то бишь публику, легко оскорбить и легко ранить. Способность почувствовать оскорбление мы возвели в разряд фундаментальных прав. Мы мало что ценим столь высоко, как свой гнев, поскольку именно гнев ставит нас, по нашему мнению, на определенную моральную высоту. Достигнув ее, мы оттуда с легкостью отстреливаем врагов. Мы гордимся своей ранимостью. Гнев распаляет в нас трансцендентное начало.

* * *

На полу вокруг раки — назовем ее так, — в которой сверкают рубиновые башмачки, постепенно собирается море слюны. Следовательно, среди нас, в публике, присутствуют люди с напрочь отсутствующим самообладанием, зато с усиленной функцией соответствующей железы. Между нами ходит служитель, латинос в комбинезоне, и вытирает пол тряпкой. Мы ему благодарны, мы восхищаемся его способностью незаметно делать свое дело. Он ловко стирает с полов то, что вытекло у нас изо рта, и потому никто еще здесь не потерял лица.

* * *

В нашем релятивистском и ницшеанском мире вероятность столкнуться с невероятным в высшей степени невелика. Потому-то со всех сторон башмачки обступила толпа квантовых физиков и философов-бихевиористов. Все они делают в блокнотах какие-то записи, не поддающиеся расшифровке.

* * *

Изгои, перемещенные лица и даже не имеющие постоянного дома курьеры тоже пришли, чтобы лицезреть небывалое. Ради него они выползли из своих дыр и щелей, с “узи”[20] против базук, крепкие, молодцеватые, на “беленьком” и на “черненьком”, бродяги, бандиты, опустошители чужих домов. Курьеры в вонючих джутовых пончо шумно сплевывают жвачку в цветочные горшки под листья гигантских лилий. Они берут горстями канапе с подносов, проплывающих по залу на вытянутых руках наилучших официантов наивысшего класса. В неимоверных количествах

---

[20] Примечания: 20
Мини-автоматы.

поедают суши с васаби, воспламеняющая сила которого на их желудки не оказывает ровным счетом никакого воздействия. Наконец кто-то вызывает полицию, и после короткого боя, где идут в ход резиновые пули, а также резиновые дубинки седативного действия, курьеров выволакивают из зала в бессознательном состоянии и распихивают по фургонам. Их вывезут за пределы города и оставят валяться на курящихся испарениями ничьих пустырях, отгороженных от хайвея гигантскими рекламными билбордами, где мы с вами давным-давно не решаемся появляться. Вокруг них, с явным намерением поужинать, соберутся дикие псы. Мы живем в жестокое время.

* * *

Прибыли политические беженцы: заговорщики, свергнутые монархи, члены разогнанных фракций, поэты, лидеры партий с бандитскими лицами. Эти люди больше не носят, как бывало раньше, ни черных беретов, ни круглых очков, ни шинелей, и потрясают воображение шелковыми пиджаками с квадратными плечами или штанами с высокой талией от японского кутюрье. Женщины ходят в коротких пиджачках в

стиле “тореадор”, где на спинах крупными блестками вышиты копии знаменитых картин. Одна щеголяет “Герникой”, две или три других — великолепно выполненными “Ужасами войны” Гойи.

Но даже сияющие в своих нарядах, подобно лампам накаливания, прекрасные политические беженки оказываются не в силах затмить рубиновый блеск башмачков и потому собираются вместе со своими сопровождающими в углах группками, шипят потихоньку и время от времени перебрасываются через весь салон с другими такими же émigrés[21] бранью, газетными сплетнями, плевками и бумажными самолетиками. Когда их тихое хулиганство перестает быть тихим, охранники лениво его пресекают от дверей, и политические красотки снова начинают вести себя прилично.

* * *

Мы смотрим на башмачки с благоговением, ибо они способны защитить нас от злой ведьмы (а сколько нынче развелось злых ведьм и волшебников!); способны сотворить с нами обратную метаморфозу, не только являясь наглядным дока-

---

[21] Примечания: 21
Эмигрантами (франц.).

зательством реальности той нормальной жизни, которой мы не видели так давно, что она нам кажется нереальной, но и обещая туда вернуть; но есть еще одна причина, почему мы смотрим на них, затаив дыхание: их блеск подобен блеску той обуви, которую носят боги.

* * *

Вместе с тем религиозные фундаменталисты разразились резкой критикой в адрес “разнузданного фетишизма”, проявившегося в связи с башмачками, несмотря на то что право присутствовать на торгах они получили лишь благодаря усилиям тех из устроителей, кто придерживается крайне либеральных взглядов и считает, что в цивилизованном мире Аукцион должен стать подобием современной церкви, иначе говоря, эталоном вседоступности, открытости и терпимости. В ответ же на этот благородный жест религиозные фундаменталисты открыто заявили, будто намерены купить башмаки с единственной целью — сжечь, и таковая программа, с точки зрения либеральных аукционеров, является достойной осуждения. Есть ли смысл проявлять терпимость, когда терпимы не все? Но! “Демократия зиждется на деньгах, — настаивают

аукционеры. — Их деньги не хуже ваших". Потому фундаменталисты мечут громы и молнии, которые хранятся у них в специальных мыльницах, сделанных из священного дерева. Никто не обращает на них внимания, хотя некоторые из политических деятелей видят в них крайнюю опасность.

* * *

На Аукцион прибывают сироты — в надежде на то, что, возможно, рубиновые башмачки перенесут их через время, а также через пространство (поскольку, как показывают математические расчеты, все машины, пересекающие пространство, одновременно пересекают и время); иными словами, в надежде на то, что волшебные башмачки помогут им воссоединиться с утраченными родителями.

Присутствуют здесь также женщины и мужчины не совсем обычной природы — отдельно от всех, неприкасаемые. Стражи порядка обходятся с некоторыми из них довольно бесцеремонно.

* * *

Для всех нас, погрязших в буднях, понятие "дом"

стало слишком зыбким и слишком размытым. Нам и без него хватает, к чему стремиться. Над асфальтом редко увидишь радугу. Однако сейчас… Неужели мы действительно все ждем чуда? Возможно, башмачки и *способны* любого вернуть домой, но осознают ли они метафоричность нашей тоски по дому, доступны ли им абстракции? Не воспримут ли просьбу буквально, позволят ли нам самостоятельно определить для себя значение этого благословенного слова?

Или же мы, охваченные надеждой, ждем от них слишком многого?

Когда проявят себя — и приникнут к наэлектризованному стеклу — бесконечные наши желания, не потеряют ли башмачки, подобно древней камбале братьев Гримм, терпение и не отправят ли нас назад, в жалкие лачуги нашей неудовлетворенности?

* * *

Завершая картину, упомянем о присутствии в Зале Аукциона вымышленных персонажей. Вот заблудившиеся в красной пустыне — или в темном лесу — дети, сошедшие с богатых австралийских полотен художников девятнадцатого века, хнычущие в своем обрамлении золоченых

тяжелых рам на глазах всего мира. В голубых пиджачках со сборкой и в гетрах, они стоят под дождем или под жарким солнцем и дрожат от страха. Литературный персонаж, приговоренный вечно читать книги Диккенса вооруженному сумасшедшему в джунглях, прислал письменную заявку[22].

На телеэкране я увидел хрупкого сложения инопланетянина, с поднятым светящимся пальчиком.

Проникновение вымышленных героев в реальный мир является признаком нравственного упадка культуры конца нашего миллениума. Они сходят с экранов, проникают в публику, вступают в брак с обыкновенными людьми. Не пора ли положить этому конец? Установить более жесткий контроль над перемещениями? Не является ли умеренное насилие необходимым инструментом зашиты Государства? Мы рассуждаем на подобные темы. И едва ли кто-нибудь усомнится в том факте, что мы в своем большинстве не поддерживаем идею свободного, неограниченного вливания вымышленных персонажей в пошатнувшуюся нашу реальность, основные ресурсы

---

[22] Примечания: 22
Имеется в виду герой романа Ивлина Во “Пригоршня праха” (1934).

которой уменьшаются с каждым днем. В конце концов, лишь немногие хотели бы совершить путешествие в обратном направлении (хотя по последним — и весьма убедительным — данным, среди них наметилась тенденция к росту).

На время отвлечемся от споров. Аукцион начинается.

* * *

Тут нужно сказать несколько слов о кузине Гейл[23], за которой водилась странная привычка громко стонать, занимаясь любовью. Признаюсь честно: кузина Гейл — страсть всей моей жизни, и даже сейчас, после стольких лет, минувших с нашей последней встречи, я прихожу в волнение, едва вспомнив эту ее в высшей степени эротическую привычку. Спешу добавить, что, кроме этой привычки, в наших любовных утехах не было ничего аномального и ничего, с вашего позволения, литературного. Тем не менее мне она доставляла глубокое, даже наиглубочайшее удовлетворение, особенно если в момент, предшествовавший проникновению, Гейл начинала вопить что есть

[23] Примечания: 23

Gale — ветер силой от 7 до 10 баллов (англ.). В сказке Фрэнка Баума “Волшебник из страны Оз” это ураган, который уносит героиню от дома.

сил: “Домой, малыш! Домой, детка, да-а… Ну, вот ты и дома!”

К сожалению, однажды, вернувшись домой, я застал ее в объятиях некоего волосатого пещерного персонажа, сбежавшего из какого-то фильма. Я ушел в тот же день и в слезах бродил по улицам, прижимая к груди портрет Гейл в обличии урагана, а в моем рюкзаке лежала вся коллекция Пата Буна[24] (пластинки на 78 оборотов).

Случилось это много лет тому назад.

После того как Гейл меня бросила, я страдал и потому рассказывал всем в нашем общем кругу, что она утратила девственность в четырнадцать лет в результате несчастного случая, связанного со складным стульчиком; но местью я утешался недолго.

Потом я всю жизнь посвятил памяти Гейл. Сам стал свечой в возведенном для нее храме.

Теперь же, после долгих лет разобщения, необщения, другого общения, я прекрасно понимаю, что моя прекрасная Гейл тоже не совсем реальна. Настоящая Гейл была бы немало удивлена тем, как я ее переосмыслил, и тем, как продолжаю домысливать и независимо от нее веду с ней сов-

---

[24] Примечания: 24

Пат Бун (род. 1934) — популярный американский певец, единственный, кто соперничал по популярности с Элвисом Пресли.

местную жизнь в параллельной вселенной, где не бывает киношных горилл. Возможно, настоящая Гейл сейчас стала еще прекрасней и тоже обитает в иных мирах.

* * *

Я увидел ее недавно. В дальнем конце стойки в подземном барном зальчике, который охраняли четверо вольнонаемных командос с ядерными пушками наперевес. На стойке бара были полинезийские закуски, краны для розлива пива, а пиво всё было из тихоокеанских краев: “Кирин”, “Цзиньтао”, “Сван”[25].

В то время почти все телеканалы вещали о печальной судьбе астронавта, застрявшего в какой-то щели на Марсе безо всякой надежды на спасение, поскольку запасы продовольствия, а также земного воздуха таяли с каждым днем. Официальные лица выступали с телеэкранов с требованием немедленно сократить бюджет космических исследований, приводя самые что ни на есть убедительные аргументы. Аргументы звучали весьма обоснованно, официальные лица с

[25] Примечания: 25

“Кирин” — японское пиво, “Цзиньтао” — китайское, “Сван” — австралийское.

важностью комментировали кадры затянувшейся гибели астронавта и трогательно вздыхали. Камеры внутри оказавшегося в ловушке корабля без остановки показывали все подробности этого мучительного перехода в небытие в условиях слабого гравитационного поля.

Я смотрел на кузину Гейл, которая смотрела на экран. Она не видела, что я на нее смотрю, и не знала, что для меня она интересней любой телепередачи.

Под конец обреченный астронавт на чужой планете — *на телеэкране* — стал петь пронзительным голосом обрывки полузабытых шлягеров. Мне вспомнился Гал из старого фильма “Космическая одиссея 2001” — скончавшийся в одиночестве компьютер.

Гал, совсем уже отключаясь, пел без остановки “Дэйзи, Дэйзи”.

Марсианин — теперь астронавта можно было по праву называть так, поскольку он на глазах приобретал статус постоянного обитателя Марса, — выдал собственный, вот уж не от мира сего, ремикс из “Свани”[26], “Покажи мне дорогу домой” и еще нескольких песенок из “Волшебника из

[26] Примечания: 26

Композиция Дж. Гершвина (1917); внесена в список песен, рекомендованных для бойскаутов.

страны Оз", и тут плечи Гейл начали вздрагивать. Она заплакала.

Я не подошел утешать.

* * *

На следующее утро я и услышал об Аукционе, на котором было обещано выставить рубиновые башмачки, и решил непременно, во что бы то ни стало их купить. Я хотел со всей смиренностью преподнести их Гейл. Если хочешь, сказал бы я ей, можешь слетать в них на Марс и вернуть домой астронавта.

Может быть, я и сам щелкнул бы три раза каблучками и вернул бы себе ее сердце и утраченное счастье, пролепетав: *Нет лучше места, чем дом.*

* * *

Вы смеетесь над моим горем. Ха-ха! Подите скажите утопающему, чтобы не хватался за соломинку. Скажите умирающему астронавту, чтобы заткнулся и перестал петь. Подите-ка взлезьте в мою шкуру. Как там сказал Трусливый Лев? Давай-ка. Даваааааааай. Я справлюсь с тобой одной левой. Справлюсь с закрытыми глазами.

Струсил, а? Струсил?

* * *

Большой зал Аукциона трепещет — сейчас он сердце Земли. Кто стоит здесь давно, тот видел все чудеса на свете. За последние годы в Большом зале ушли с молотка Тадж-Махал, статуя Свободы, Сфинкс и Альпы. Мы видели, как продавали жен и покупали мужей. Государственные тайны шли по самым высоким ставкам. А один раз, в виде исключения, по заказу нескольких красных общеконфессиональных демонов, исходивших таким жаром, что над ними вился дымок, выставили на продажу полный набор человеческих душ разного достоинства, разных национальностей, разной классовой принадлежности, возраста, а также вероисповедания.

На торгах выставляется все, и мы, под твердым, но благожелательным руководством устроителей Аукциона, под присмотром их верных псов, сотрудников безопасности вкупе с полицейскими отрядами специального назначения, начинаем войну нервов и охотно вступаем в соревнование, где состязаются мозги и бумажники.

В этом нашем аукционе есть чистота действа, есть приятное эстетико-драматическое противоречие между бесконечным разнообразием

жизни, которую здесь сортируют по лотам и пускают под молоток, и не менее бесконечной простотой однообразия, с коей мы здесь обращаемся с жизнью.

Мы делаем ставку, стучит молоток, и все переходят к следующему лоту.

Все равны перед молотком: уличный живописец и Микеланджело, рабыня и королева.

Здесь дворцовые Залы желаний.

* * *

Подошла очередь башмачков. Цена растет, и вместе с ней растет моя жадность. Накатывает паника, тянет вниз, я захлебываюсь ею. Думаю о Гейл — кузина ты моя! — отбрасываю страх и делаю ставку.

* * *

Однажды один мой овдовевший знакомый, чья жена была певицей, всемирно известной, обожаемой поклонниками, предложил мне поработать для него на аукционе, где он выставил рок-реликвии. Этот вдовец был единственным опекуном состояния, оцененного в десять миллионов. Я отнесся к его предложению с большим почтением.

— Меня интересует только один лот, — сказал он. — Денег не жалейте, тратьте сколько угодно.

Этим лотом оказалась деталь одежды — съедобные трусики из рисовой бумаги с ароматом мяты перечной, купленные много лет назад в магазине на Родео-драйв (кажется, там, не перепутал). Сценарий ее концертов предусматривал публичное снятие и съедение нескольких пар за вечер. Еще сколько-то пар, с различными ароматизаторами — маниок, взбитые сливки, шоколадная стружка — певица бросала в толпу. В толпе их ловили и тут же съедали, слишком взволнованные сим действом, чтобы сообразить, насколько ее бельишко поднимется в цене через некоторое время. Трусов, поскольку певица носила их не только на концертах, сохранилось действительно немного, и спрос на этот лот был большой.

Ставки на том аукционе по видеомостам поступали из Токио, Лос-Анджелеса, Милана и Парижа и поднялись так, что я струсил и выбыл из игры. Я позвонил нанимателю с тем, чтобы об этом доложить, а в ответ услышал, как он невозмутимо спросил про последнюю цену. Я назвал пятизначную цифру, и он рассмеялся. Я не слышал от него такого чистого, такого веселого смеха с тех пор, как умерла его жена.

— Все в порядке, — сказал вдовец. — Я уже заработал на них триста тысяч.

* * *

Именно на Аукционе устанавливается истинная цена нашего прошлого, будущего и всей нашей жизни.

* * *

Цена рубиновых башмачков продолжает расти. Многие здесь ставят не для себя, как я в тот памятный День Трусиков, и далеко не в последний раз.

Сегодня я впервые делаю ставку для себя (или почти буквально: на себя).

На улице что-то взорвалось. Из зала мы слышим топот ног, вой сирен и крики. Мы к такому привыкли. Мы стоим себе как стояли, поглощенные созерцанием действа высшего порядка.

Плевательницы полны. Ведьмы плачут, потускневшие ауры кинозвезд начали осыпаться. Очереди безутешных стоят к кабинкам, где сидят психиатры. Хватает дела и стражам порядка, и только акушерам пока нечем заняться. Порядок достигнут. Я последний и единственный в зале, кто продолжает делать ставки. Мои соперники

— бестелесные головы на телеэкранах и беззвучные голоса в телефонных трубках. Я сражаюсь с миром невидимых демонов и призраков и жду в награду руки дамы сердца.

* * *

В разгар борьбы, когда деньги становятся лишь средством вести счет, происходит некое странное событие, на которое я, однако, не желаю обращать внимания: я отрываюсь от земли.

Сила гравитации исчезает, уступая место невесомости, я поднимаюсь в воздух и парю в капсуле своей страсти. Конечная цель — за гранью разумного. Достижение ее, равно как и выживание в этой битве, становится — да-да! — частью фантазий.

Тогда как сами по себе вымысел и фантазии — как я отмечал — в высшей степени небезопасны.

Захваченные своими фантазиями, мы способны заложить дом, продать детей, только чтобы получить желаемое. Но бывает и так, что, оказавшись посреди миазмов этого океана, можно легко отплыть от него в сторонку, издалека увидеть заново и понять, насколько он банален и неинтересен. Мы отпускаем его. Будто путник, застигнутый метелью, ложимся на снег отдохнуть.

* * *

Вот так вот и я, пройдя горнило Аукциона, вдруг чувствую, что меня перестала держать рука Гейл. Так вот и я оставляю схватку, иду домой и падаю спать.

Проснувшись, я чувствую себя отдохнувшим и совершенно свободным.

* * *

На следующей неделе начнется новый Аукцион. С молотка пойдут фамильные древа, гербовые свитки, где между королевскими именами можно вставить любое имя, хоть свое, хоть кого-нибудь из родных. Полагают, что там же будут “Педигри канин” и “Педигри фелин”, иначе говоря, родословные разного рода собачьих и кошачьих: эльзасцев, бирманцев, салуки, сиамцев, а также египетских терьеров.

И, благодаря бесконечному великодушию устроителей Аукциона, каждый из нас, будь то кошка, собака, мужчина, женщина или ребенок, сможет испытать райское блаженство, став особой голубой крови или тем, кем пожелает, ибо все мы, забившиеся в своих норах, более всего на

свете боимся, что так и остались *никем.*

Христофор Колумб и королева Изабелла Испанская улаживают отношения в Санта-Фе. Год 1492 после Рождества Христова

Иностранец Колумб вслед за королевой идет в вечность, до конца сохраняя надежду.

– Как он выглядит?

Гордый, но все же проситель; высоко держит голову, но часто ее склоняет. Бесстрашный, он не стыдится заискивать перед сильным; дерзкий, порой даже грубый, завоевывает сердца благодаря обаянию и становится фаворитом. Разумеется, с возрастом Колумбу кланяться приходится чаще, независимость вольного волка поистерлась до дыр. Как и его башмаки.

– Он надеется? На что он надеется?

Начнем с очевидного. Колумб надеется подняться на самый верх. Украсить свой шлем знаками королевской милости, подобно герою рыцарского романа. (Шлема Колумб не носит.) Надеется добыть денег на три прекрасные каравеллы: “Нинью”, “Пинту”, “Санта-Марию”; надеется в тысяча четыреста девяносто втором отправиться в пла-

вание в тумане морском голубом. Однако, прибыв ко двору на первую аудиенцию с королевой, которая сама соизволила поинтересоваться, чего же ему более всего нужно, он склонился в ответ к оливковой ручке и, при виде огромного камня в перстне, ее знака власти, едва не утратив дар речи, выдохнул лишь одно, очень опасное слово:

“Овладеть”.

* * *

– Ах, косноязычный иностранец! Ах, дай бог с ним терпения! “Овладеть”, скажите пожалуйста! И ведь ходит за ней по пятам, шаг за шагом и месяц за месяцем, все ждет, вдруг поймает удачу. Неловкие письма, медвежьи серенады под створчатым ее окошком, которое из-за них ей приходится закрывать, лишая себя удовольствия впустить освежающий ветер. У нее есть занятия и поважнее — завоевывать мир, например, ну и тому подобное, — кем он себя возомнил?

– Иностранцев можно травить, как волков. Можно забавляться, отпуская намеки, которых — в силу недостаточного знания языка — они все равно не поймут. Однако приходится помнить, что держать под рукой несколько иностранцев

считается de rigueur[27]*. Своим присутствием они создают атмосферу этакой космополитичности. А поскольку они часто бедны, то готовы браться за любую грязную, но совершенно необходимую работу. Кроме же всего прочего, они предостерегают нас от гордыни, постоянно напоминая — принять это, правда, непросто, — что существуют на свете места, где и мы окажемся иностранцами.*

– Но все же так говорить с королевой!

– Иностранцы забывают, где их место, поскольку давно покинули дом. Пытаются через какое-то время вести себя с нами на равных. Разумеется, это риск, но он неизбежен. Разумеется, наша строгость терпит ущерб от их поистине итальянской цветистости. Не замечайте — отведите глаза, отклоните слух. В сущности, они безобидны, а если вдруг кто и зайдет дальше, чем следует, то, как правило, непреднамеренно. Королева, будьте спокойны, знает, как ей следует себя вести.

---

[27] Примечания: 27
Необходимо (франц.).

* * *

Колумб при дворе Изабеллы быстро приобретает репутацию придурка. Одевается чересчур ярко и пьет чересчур много. Изабелла после удачной кампании торжествует победу — одиннадцать дней подряд в Испании звучат псалмы и суровые проповеди. Колумб бродит вокруг собора, размахивает бурдюком. Устраивает безобразия.

– *Только посмотрите на него: пьяный в стельку, лохматый, трясет большой своей головой, в которой нет ничего кроме дури! Дурак с блестящими глазками — мечтает о золотых кущах, которые якобы ждут его за гранью Западного Предела!*

“Овладеть”.

* * *

Королева играет с Колумбом.

За завтраком обещает исполнить любую его просьбу, а после обеда делает вид, будто не припомнит, кто это такой перед ней, и смотрит на Колумба так, будто он прозрачное покрывало.

В день именин Колумба она призывает его к себе и, отпустив своих девушек, принимает в

спальном будуаре, велит расчесать себя и позволяет коснуться груди. А потом призывает гвардейцев, отсылает Колумба чистить свинарник и конюшни и забывает о нем на сорок дней. Колумб, несчастный, сидит на сене, не сжеванном лошадьми, мысленно странствуя по морям в поисках несуществующего золота. Во сне он слышит запах ее духов, наяву — зловоние свинарника.

Королеву игра забавляет, она довольна.

Колумб убеждает себя в том, что, если она будет довольна, он скорее добьется цели. Возле ног его возятся поросята. Он стискивает зубы.

“Если королева довольна, значит, все хорошо”.

* * *

Колумб рассуждает:

Терзает ли она его лишь забавы ради?

Или: причина в том, что он, Колумб, иностранец, и королеве не внятен смысл ни слов его, ни поступков?

Или: причина в том, что палец — тот самый, на котором она носит кольцо власти, — запомнил дыхание его губ; что она им — как это по-вашему? — тронута? Наверное, тепло дыхания проникло сквозь кожу, проросло и дошло до са-

мого сердца. Сердце королевы взволновано.

Или: причина в том, что она сама измучена противоречиями выбора — она хочет принять его дерзкий план, со всей пылкой страстью влюбленной женщины, но и в то же время хочет измучить его ею же пробужденной страстью, истерзать, рассмеяться злорадно ему в глупое заискивающее лицо.

Колумб тешит себя надеждой, что, мол, перед ним открылось море возможностей. Однако не каждая возможность утешает.

Изабелла — абсолютный монарх. (Муж ее — абсолютный ноль, минус, пустое место. Более мы о нем не упомянем.) Изабелла — женщина, кольцо у которой целуют часто. Для нее это ничего ровным счетом не значит. Изабелла привыкла к лести. И умеет ей противостоять.

Она — тиран, и в числе прочего в ее хозяйстве есть и этот бродячий цирк, где непрестанно кривляются четыреста девяносто болванов — среди них есть болваны уродливые, как смертный грех, и прекрасные, как румяный восток. Колумб для Изабеллы всего-навсего один из них, дурак номер четыреста двадцать. Такое тоже возможно.

Значит: либо она поняла, что он хочет найти землю, расположенную за Краем Света, и глубоко

взволнована и, быть может, даже испугана, и оттого то льнет к нему, то шарахается прочь.

Либо: ничего она не поняла, и никакого дела ей нет до его планов.

“Что хочешь, то и выбирай”.

Понятно только одно: ничего не понимает *сам Колумб.* Однако нужно смотреть фактам в глаза. Она — Изабелла, королева, к ногам которой склоняется все. Он же, пусть и горластый, пусть в петушином платье, в каждой бочке затычка, — он ее тень, ее невидимка.

* * *

“Овладеть”.

* * *

С годами у мужчин эротические аппетиты гаснут, у женщин растут. Изабелла — последняя надежда Колумба. Он с годами теряет потенциальных патронов, партнеров, потенцию, интерес к интрижкам, шевелюру, любовный пыл.

Время тянется медленно.

Изабелла мчится верхом на коне, выигрывает баталии, вышибает из крепостей марокканцев, ее аппетиты растут с каждым днем. Она тем голод-

нее, чем больше проглотит земель, чем больше доблестных воинов отправит к себе в утробу. Колумб знает: еще немного, и он тут зачахнет, и бранит себя на чем свет. Нужно смотреть на вещи трезво. Нечего обольщаться. Здесь ему ничего не светит. Скоро его отправят чистить нужник. На этот раз он приставлен обмывать тела, а тела погибших отнюдь не благоухают. Воины, готовясь к битве, перед тем как надеть доспехи, всегда надевают подгузники, ибо всегда боятся, что кишечник от смертного страха сам собой опорожнится. Колумб создан не для этого. Колумб дает себе слово уйти.

* * *

Но это не так-то просто: лет Колумбу все больше, покровителей меньше. Коли он уйдет, о плавании на запад придется забыть.

Колумб, обнажающий тела, ни разу не попытался обнажить истину, не попытался понять, что, с философской точки зрения, жизнь человека полна абсурда. Колумб — человек действия и равнозначен делу. Отказавшись от плавания, он вынужден будет признать бессмысленность своей жизни. Это станет его поражением. Никому не нужный, никем не видимый, он, как пес, тас-

кается за ней по пятам, ищет в глазах проблеск страсти.

“Денег и покровителей, — говорит сам себе Колумб, — ищут с той же страстностью, что и любви”.

* * *

– Она всесильна. К ее ногам падают крепости. Она изгнала евреев. Марокканцы готовы к сдаче. Королева сейчас в Гранаде, скачет впереди войска.

– Она всемогуща. Чего бы ей ни захотелось, она не знает отказа.

– Сны у нее пророческие.

– Во сне она видит то, что становится основой планов для непобедимых сражений; она раскрывает тайные заговоры, предотвращает измену, шантажируя тем, что узнала во сне, всех — и сторонников, дабы заручиться их дальнейшей поддержкой, и врагов, дабы на всякий случай заручиться поддержкой врагов. Во сне она предвидит погоду, находит линии переговоров, выбирает торговые предприятия, в которые вкладывает деньги.

– Она ест, как лошадь, и не толстеет.

– Земля обожает ее поступь. Тень шагов опере-

жает сияние глаз.

– Лицо ее подобно цветущему полуострову, обрамленному морем волос.

– Сокровищница грудей ее неистощима.

– Уши ее подобны нежным вопросительным знакам, что свидетельствует об определенных душевных сомнениях.

– Ноги …

– Ноги у нее вполне средние.

– Она вся — неудовлетворенность.

– Победы ее не утоляют, вершины страсти недостаточно высоки.

– Смотрите: у ворот Альгамбры показывается Боабдиль Несчастный, последний султан последней твердыни последнего века Арабской Испании! Смотрите: он выехал сдавать город, и вот сейчас, в это самое мгновение, кладет ключи от крепости в протянутую ладонь королевы… Свершилось! Но едва тяжелая связка ложится к ней в руку, королева… зевает.

* * *

Колумб теряет надежду.

В тот самый миг, когда Изабелла со скучающим видом въезжает в поверженную Альгамбру, Колумб оседлывает мула. Когда она входит во Дво-

рец Львов, по которому бродит долго и бесцельно, он уже мчит по дороге, нахлестывая своего скакуна, и быстро скрывается в облаке пыли.

Роль невидимки стала его проклятием. Колумб сдается. Он отказывается от нее, хотя и знает, что вместе с ней потеряет все. В бессильной ярости он мчится прочь, подальше от Изабеллы, скачет день, скачет ночь, загнав мула, и тогда Колумб взваливает на плечо дурацкие, пестрые, как у цыган, лоскутного шитья мешки, к тому же неприлично заляпанные дорожной грязью, и двигает дальше пешком.

* * *

Вокруг него простираются прекрасные плодородные земли, завоеванные для нее ее воинами. Колумб ничего не видит — ни красот долины, ни стремительного запустения крепостей, брошенных отступавшими, которые стоят среди высоких скал и следят за дорогой. Призрак погибшего мира, не замеченный разгневанным Колумбом, плывет вниз по течению рек, чьи названия Гвадал-тут и Гвадал-там, соединяя свой голос с голосами мертвого прошлого, оставшегося лишь в отголосках здешнего эха.

В небе высоко над головой выделывают слож-

ные фигуры терпеливые канюки.

Мимо Колумба проходят длинные колонны евреев, но Колумбу нет дела до чужого горя. Кто-то пытается продать ему меч толедской работы — Колумб отталкивает продавца. Отказавшись от *своих* кораблей, Колумб ничего не хочет знать про другие корабли, которые ждут евреев в Кадисе и скоро примут их на борт и увезут навсегда. Он измучен своими несчастьями и чужого не замечает. Этот старый мир слишком стар, а новый еще не найден.

“Утрата денег и покровительства, — говорит себе Колумб, — горше, чем утрата любви”.

* * *

Он идет — на пределе сил, за пределом сил, — и где-то на этом пути, уже на грани безумия, спотыкается, падает и там, на грани, в первый и в последний раз в жизни видит пророческий сон.

* * *

Никогда ему не снилось ничего подобного.

Ему снится Изабелла — как она бесцельно слоняется по Альгамбре, как разглядывает огромный алмаз, полученный от Боабдиля, последнего из

рода Нашридов. Потом склоняется над большой каменной чашей, подвешенной на цепях меж двух каменных львов. Чаша наполнена кровью, и в ней королева — да-да, *Колумб видит то, что видит во дворце королева,* — тоже видит пророчество.

В чаше Изабелла видит, что ей принадлежит всё на свете, весь известный мир. Все, кто ни есть в этом мире, служат ей и угождают. И едва она понимает это, кровь — *видит во сне Колумб* — подергивается темной багровой коркой. Изабеллу пронзает мысль: никогда, *никогда,* НИКОГДА! не утолит она свое сердце Изведанным, и сердце ее наполняется страхом, а Колумб, усталый, измученный, смотрит на нее и злорадствует. Лишь Неизведанное — а возможно, и Непостижимое — способно утолить жажду королевы.

* * *

Тут она вспоминает про Колумба — *он видит, что вспоминает.* Дурачка-невидимку, который возмечтал найти невиданный мир, неизвестный, а возможно, и непостижимый — мир за Краем Земли, за краем каменной чаши, наполненной густой кровью. И тогда Колумб, в этом печальном видении, наконец помогает ей понять истину —

понять, что он нужен ей не меньше, чем ему она. Да! И она поняла! Она должна, должна, должна дать и денег, и корабли, и все что там требуется, а он должен, должен, должен отправиться на край света, за край, под ее флагом, ради ее удовольствия, ради нее, вместе с ней — к тому самому бессмертию, которое связывает навсегда узами, крепкими, как канаты, на которых история вздергивает к небесам своих избранников, и разорвать их куда труднее, чем узы смертной любви.

* * *

“Овладеть”.

* * *

В безумном Колумбовом сне Изабелла рвет на себе волосы, кричит и зовет герольдов.

“Найти мне его!” — приказывает она.

Но Колумб в Колумбовом сне не дает себя отыскать. Он набрасывает на себя пыльный лоскутный плащ, положенный невидимке по роли, и герольды проскакивают мимо и долго напрасно ищут повсюду.

Изабелла воет, скулит и стонет.

“Ведьма! Ведьма! Ну как, нравится?” — рычит

Колумб. Пусть этим побегом, подальше, прочь от ее двора, последним выступлением в роли невидимки он себя погубит, зато вместе с собой он погубит ее, не исполнив самого страстного, самого важного желания ее сердца. Так ей и надо!

Ведьма!

Разве не она погубила его мечту? Вот и пусть получает. Поступив с ним так, как она поступила, Изабелла встала с ним на одну доску. Романтическая справедливость. Каждому по заслугам.

* * *

Под конец Колумб, тот, что в видении, все-таки позволяет себя найти. Стучат копыта, посланцы неистово размахивают руками. Его окружают, умоляют, уговаривают, сулят деньги.

Однако поздно. У Колумба осталось одно лишь желание, от которого сладко рвется сердце, — погубить самые остатки Надежды.

Он отвечает герольдам, качнув головой:

— Нет.

* * *

Колумб приходит в себя.

Он стоит на коленях посреди плодородной

долины и ждет смерти. Вскоре он слышит стук приближающихся копыт и поднимает глаза, почти наверняка зная, что увидит Ангела Смерти, который скачет к нему, подобно монарху, выигравшему сражение. Увидит черные крылья и скучающее лицо.

Но его окружают герольды. Предлагают еду, питье, коня. Кричат:

– Хорошая новость! Тебя зовет королева!

– Великолепная новость: тебе позволено отправиться в плавание!

– Королеве было видение, оно ее испугало.

– У нее все сны — пророческие.

* * *

Герольды спешиваются. Сулят деньги, уговаривают, умоляют:

– Она выскочила из дворца с воплями и звала тебя.

– Она повелела тебе плыть за край каменной чаши, за край Старого Света, через море, полное крови.

— Она ждет тебя в Санта-Фе.

— Ты должен ехать немедленно.

Он поднимается с колен — как обласканный любовник, как грум в день своей свадьбы. Рас-

крывает рот, чтобы сказать: “Нет”, — и с губ едва не срывается горький отказ.

— Да, — говорит он герольдам. — *Да. Конечно. Я еду*.

Восток, Запад

Гармония сфер

Как-то в один из дней, когда в Уэльсе праздновали Юбилей[28], в маленьком городке Р. писатель Элиот Крейн, страдавший приступами параноидальной шизофрении, которые он называл “мозговым штурмом”, обедал вместе с женой по имени Люси Эванс, молодой фотожурналисткой, работавшей в тамошней местной газете. Вид у Крейна был бодрый, он сказал, что отлично себя чувствует, но устал, а потому хочет лечь пораньше в постель. В тот же вечер для прессы был организован прием, Люси попала к себе домой в пригород уже поздно ночью и не нашла Элиота в спальне. Люси решила, что он ушел спать в комнату для гостей, чтобы она не разбудила его, когда вернется, и потому спокойно легла.

Через час Люси проснулась в твердой уверенности, что случилось нечто ужасное, и, как была, неодетая, кинулась к гостевой спальне, постояла перед ней, собираясь с духом, и распахнула дверь. Тут же снова захлопнула и тяжело опустилась на пол. Элиот к тому времени был болен боль-

---

[28] Примечания: 28
Имеется в виду правления королевы Виктории.

ше двух лет, и потому в голове у нее мелькнула только одна мысль: вот и всё. Люси затрясло, она вернулась в постель, крепко уснула и проспала до утра.

* * *

Элиот покончил с жизнью, выстрелив себе в рот. Пистолет достался ему в наследство от отца, однажды употребившего это оружие таким же образом. В записке, которую Элиот оставил, решив пойти на столь мрачный сюжетный повтор, содержались лишь подробные объяснения, как вычистить и как хранить пистолет. Детей у них не было. Самому Элиоту тогда исполнилось тридцать два года.

* * *

Неделей раньше мы втроем поднялись на один из Сигнальных Холмов посмотреть на потешные огни, распускавшиеся длинной гирляндой, будто бы из букетов, в темноте над позвоночным хребтом Гряды[29]. — Нет, никакой это не “добрый огонь”, — сказал Элиот. — Хотя вы правы, смысл

---

[29] Примечания: 29
Черные горы, условная граница, отделяющая Уэльс от Англии.

в названии тот же. Когда-то, чтобы разжечь “добрый огонь”, брали кости мертвых животных, и не только животных, могли и *человеческие*… Пускали, так сказать, в дело детали нашей конструкции.

Элиот был тощий, как ведьмина палка, волосы у него были ярко-рыжие, а смех напоминал уханье совы. В том театре теней и света при огненных сполохах вид у нас был у всех довольно безумный, и потому движения его острых подвижных бровей, и впалые щеки, и глаза с сумасшедшим блеском казались почти нормальными. Мы стояли, освещенные заревом близких залпов, и слушали жуткие его местные легенды про закутанных в плащ волшебников, которые пили мочу и умели вызывать демонов из адского пламени. Время от времени Элиот доставал из кармана брюк плоскую серебряную фляжку, и мы по очереди делали глоток бренди. Когда-то Элиот и сам встретил демона, и с тех пор они с Люси все время были в бегах. В Кембридже, где они жили в Португал-Плейс, демон повадился было заглядывать к ним в гости, и они продали тот свой крошечный домик и купили этот, в Уэльсе, унылый, пропахший овчинами, назвав его с

юмором висельников: “Отдых Кроули”[30].

Переезд не помог. Ахая и ужасаясь, мы слушали старые сказки и все время помнили, что демон этот давно узнал их новый адрес, прочел в водительских правах номер машины, нашел где-то номер телефона, который Крейн не стал вносить в справочник, и может ему позвонить в любой момент.

* * *

— Лучше бы тебе приехать, — сказала по телефону Люси. — Сегодня он гнал под девяносто по встречной полосе, а на глазах была эта штучка — “очки” для сна, его остановила полиция.

Когда Люси уволилась из лондонской “Сандей” и пошла в здешнюю захолустную газетенку, потому что муж у нее сошел с ума, и ради того, чтобы быть с ним рядом, она отказалась от многого.

— Я опять в милости? — спросил я.

Крейн изобрел себе легенду о страшном заговоре злых сил, как земных, так и внеземных, где участвовали почти все его друзья и знакомые.

---

[30] Примечания: 30

Алистер Кроули — философ-мистик, член ордена Золотой Зари, написавший в 1904 г. “Книгу закона”, считая, что она записана под диктовку ангела; был провозглашен пророком Нового века.

Я у него был страшное существо, марсианин, который проник на Британские острова в тот момент, когда мощные защитные силы по некоей непонятной причине ослабли, чтобы творить зло вместе с прочими себе подобными. Марсиане все наделены способностью мимикрировать к новой среде, так что нам, конечно, было нетрудно прикинуться людьми и всех одурачить, и, конечно, с тех пор мы здесь расплодились, как фруктовые мушки в груде гнилых бананов.

Больше года, пока я ходил в марсианах, мне запрещалось показываться у Крейнов. О том, как идут дела, Люси докладывала по телефону: лекарство помогло; лекарство не помогло; он не желает принимать его регулярно; он выглядит лучше, потому что не пишет; он выглядит хуже, потому что не писал и теперь в депрессии; он вялый и апатичный; он страшный и буйный; его терзают отчаяние и чувство вины.

Я был бессилен помочь ей, и не я один.

* * *

С Крейном мы подружились в тот последний год, который я провел в Кембридже, когда у меня был бесконечный, мучительный, с разрывами и примирениями, роман с одной аспиранткой

по имени Лаура. Лаура писала диссертацию о Джеймсе Джойсе и французском “новом романе”, и я, чтобы доставить ей удовольствие, дважды пропахал “Поминки по Финнегану” и прочел почти всю Саррот, почти всего Бютора и Роб-Грийе. Однажды ночью, в приступе романтического восторга, я вылез из окна ее квартиры на Честертон-роуд и простоял, отказываясь вернуться в комнату и балансируя на карнизе до тех пор, пока она не согласилась выйти за меня замуж. Утром Лаура позвонила матери и все рассказала. После долгого молчания мать произнесла:

— Наверное, он очень мил, дорогая, однако разве нельзя найти… э-э… себе подобного?

Вопрос оскорбил Лауру.

— Что ты хочешь этим сказать, “себе подобного”? — закричала она в трубку. — Специалиста по Джойсу? Или человека ростом в пять футов и три дюйма? Или женщину?

Так или иначе, но в то лето она обкурилась травы на свадьбе наших приятелей, сорвала с меня очки, переломила их надвое и принялась кричать, к полному ужасу жениха и невесты, размахивая перед самым моим носом ножом, который выхватила из свадебного торта, что, если я хоть раз еще подойду к ней близко, она раз-

режет меня на кусочки и разошлет по знакомым в качестве свадебного угощения. Я близоруко щурился, спасая лицо от Лауры, и едва не упал, столкнувшись с другой женщиной, сероглазой спокойной студенткой медицинского факультета по имени Мала, которая по-простому, по-свойски, глядя в мне глаза, предложила подбросить меня домой, “поскольку ваше зрение в настоящее время не позволяет вам добраться самостоятельно”. И пока мы не поженились, мне и в голову не пришло, что серьезная безмятежная Мала, Мала родом с Маврикия, некурящая и непьющая, в старомодных очках, никогда не вертевшая юбкой, не пробовавшая наркотиков, вегетарианка с улыбкой Джоконды, подошла ко мне в тот вечер по подсказке Элиота Крейна.

— Он хочет тебя видеть, — сказала в трубку Люси. — Про марсиан он, кажется, забыл.

Элиот сидел перед растопленным камином, прикрыв ноги красным пледом.

— А вот и злой гений космических просторов! — воскликнул он и вознес руки над головой, то ли приветствуя меня, то ли изображая ужас. — Дорогой мой, бес ты пучеглазый, посиди со мной, пропустим по стаканчику, а потом опять примешься за свои злые дела.

Люси вышла, оставив нас вдвоем, и он заговорил о своей болезни, трезво и вполне разумно. Трудно было поверить, что это он с завязанными глазами вел машину по встречной полосе. Когда “находит”, сопротивляться безумию невозможно, сказал Элиот. Но между приступами он “совершенно нормален”. Он наконец понял, что шизофрения отнюдь не позор, а болезнь, как любая другая, понял и смирился, voila tout[31].

— Я решил выздороветь, — доверительно сказал он. — Я снова сел за работу — сейчас сижу над Оуэном Глендоуром[32] — и до тех пор, пока не трогаю оккультизма, все в порядке. — Крейн был автором двухтомного научного труда о тайных и явных европейских оккультных течениях в девятнадцатом и двадцатом веках, который назывался “Гармония сфер”.

Элиот понизил голос.

— Между нами, Хан: я попутно нашел способ лечения шизофрении. Я уже написал письма

---

[31] Примечания: 31

Вот и всё (франц.).

[32] Примечания: 32

Оуэн Глендоур (1359? — 1416?) — потомок древнего валлийского рода Повисов, правителей Северного Уэльса, лидер восстания против английских завоевателей 1400 г., который в 1404 г. объявил себя королем Уэльса, в 1405-м создал независимый валлийский парламент; потерпел поражение в 1412 г.; стал символом национального освободительного движения валлийских националистов в XIX и XX вв.

лучшим специалистам. Ты и представить себе не можешь, какой эффект. Похоже, я и впрямь открыл нечто новое, они это все признали, остальное — дело времени.

Мне вдруг стало грустно.

— Знаешь, проверь-ка, где Люси, — шепотом добавил он. — Она стала врать, как шлюха. И, представь себе, подслушивает! У нее эти новые штучки. В холодильнике, и то микрофон. В масленке.

* * *

Элиот представил меня Люси в 1971 году в кафе, где подавали кебаб, и я — хотя мы и не виделись десять лет, с тех самых пор, когда ей было двенадцать, а мне четырнадцать и мы поцеловались на прощание в последний вечер на песчаном берегу Джуху, — сразу узнал ее и почти испугался, как бы история не повторилась. Золотоволосая мисс Люси Эванс, дочь владельца одной известной бомбейской компании, была особой в высшей степени самостоятельной. Она ни словом не обмолвилась о том поцелуе, а я решил, что она, наверное, о нем забыла, и тоже ничего не сказал. Но вскоре Люси принялась вслух вспоминать о верблюжьих бегах на берегу Джуху и о свежем,

с пальмы, кокосовом молочке. Ничего она не забыла.

* * *

Люси была обладательницей небольшого баркаса, которым очень гордилась, древнего суденышка, когда-то служившего на флоте, но давно отработавшего свой срок. У него была острая, как нос, корма, самодельная рубка-каюта и невероятно дряхлый движок “торн-крофт” с ручным приводом, слушавшийся только Люси. Когда-то баркас ходил до Дюнкерка.

В память о бомбейском детстве Люси назвала его “Бугенвилья”[33].

Вместе с Люси и Элиотом мы плавали на “Бугенвилье” несколько раз — в первый раз с Малой, потом без нее. Мала, тогда уже доктор Мала, то есть доктор (и по совместительству миссис) Хан, ни больше ни меньше — Мона Лиза Медицинского центра на Хэрроу-роуд, пришла в ужас от богемного образа жизни на борту судна, где все обходились без ванны, писали за борт, а ночью, чтобы согреться, укладывались все вместе, состегнув четыре спальных мешка в один. — В моей

[33] Примечания: 33
Цветущий кустарник.

системе приоритетов, — сказала Мала, — комфорт и гигиена находятся в категории “А”. Не буди спальный мешок, пока он спит тихо. Я остаюсь дома при своих “Данлопилло”[34] и ватерклозете.

* * *

Однажды мы дошли на этом баркасе до Трента, прошли Мерсийский канал, дошли до Миддлвича, потом взяли на запад к Нантвичу, прошли на юг до Шропширского канала и вернулись в Лланголлен. Люси оказалась замечательным шкипером, обнаружив в себе и недюжинную силу, и капитанскую властность, какой я раньше в ней не замечал. Элиоту нужно было попасть в Кембридж на лекцию какого-то “великого” австрийца “Нацизм и оккультные науки”, и две ночи мы провели вдвоем. Мы высадили его в Крю и зашли поужинать в ресторанчик, с отвратительной кухней, зато весьма претенциозный. Люси захотелось заказать бутылку вина, “rose”, как она сказала. Официантка презрительно поджала губы:

— Красное по-французски “rouge”, мадам, —

[34] Примечания: 34

Английская фирма, известная как производитель удобной мягкой мебели и подушек.

проворчала она.

Красное ли, розовое ли, выпили мы его слишком много. И когда мы состегнули спальные мешки на “Бугенвилье”, то сразу перенеслись на берег Джуху. Вдруг Люси поцеловала меня в щеку и пробормотала: “Безумие, любовь…” — и легла на другой бок, повернувшись спиной ко всему нашему далекому прошлому. А я вспомнил про Малу, про не слишком далекое свое настоящее, и в темноте покраснел от стыда.

* * *

На следующий день ни она, ни я ни словом не обмолвились о том, что чуть было не произошло. Мы опоздали ко входу в тоннель с реверсным движением, но Люси решила не ждать три часа, прописанных в графике. Она велела мне взять фонарь, отправиться по берегу в тоннель и медленно идти там по узкому бечевнику, а сама повела баркас. Понятия не имею, что мы делали бы, попадись нам навстречу другое судно, но на скользком, разбитом бечевнике думать о чем-то, кроме как о том, чтобы не свалиться в грязь, было невозможно, а я, в конце концов, был всего-навсего матросом и выполнял приказания.

Нам повезло: мы прошли туннель и вскоре уви-

дели свет. Я был в белом джемпере, который весь испачкал о стенки ярко-красной грязью. Та же грязь была на ботинках, волосах, на лице. Я хотел было вытереть потный лоб, но тут же измазал веко, и кусок глины попал в глаз.

Люси, в восторге от успеха нашего незаконного предприятия, вопила:

— Черт возьми, наконец ты хоть что-то нарушил! — Когда-то в Бомбее, в юности, я был приличен до неприличия. — Теперь понял? Риск оправдывает себя, в конце-то концов! — орала она.

Безумие. Любовь. Когда я услышал от Люси про гонки по встречной полосе, я вспомнил и красное вино, и тоннель. Сутки, проведенные вдвоем на борту “Бугенвильи”, были тоже опасны на свой манер. Запретные поцелуи, запретный проход в темноте. Мы остались целы, он теперь тоже. Обыкновенное везение. На мой взгляд.

* * *

Что заставляет нас вдруг терять голову?

— Всего-навсего нарушение биохимического баланса, — считал Элиот.

Ночью, после юбилейной иллюминации, он решил сам сесть за руль и так гнал машину по

темным деревенским дорогам, что и мои биохимические балансы едва не вышли из-под контроля. Вдруг, без всякого предупреждения, Элиот резко затормозил и остановился. Ночь была светлая, с ясной луной. Справа на склоне холма было видно стадо сонных овец и маленькое, обнесенное оградой кладбище.

— Хочу, чтобы меня похоронили здесь, — заявил он.

— Никак нельзя, — откликнулся я с заднего сиденья. — Сначала, знаешь ли, придется умереть.

— Перестань, — сказала Люси. — Ты только подашь ему новую идею.

Мы попытались свести все к шутке, чувствуя, однако, внутри неприятную дрожь, но Элиот понял, что слова его достигли цели. Довольный, он кивнул головой и с новой силой нажал на газ.

— Если мы все разобьемся, — только и ахнул я, — никто не узнает, где тебя нужно похоронить.

Добравшись до дома, он без единого слова направился в спальню. Немного погодя Люси поднялась посмотреть, как он, и сказала, что он уснул одетый и во сне улыбается.

— Давай напьемся, — беспечно предложила она.

Она устроилась на полу перед камином.

— Иногда мне кажется, все было бы намного проще, если бы я тогда не отвернулась, — сказала она. — Я имею в виду на баркасе.

* * *

В первый раз Элиот увидел своего демона, когда уже почти закончил “Гармонию сфер”. Накануне они поссорились с Люси, и та, собрав вещи, оставила их кукольный домик в Португал-Плейс. (Он, пока жил там один, не вынес на крыльцо ни одной молочной бутылки, и Люси, вернувшись, нашла их все в кухне — все семьдесят штук, по числу дней, когда ее не было, стояли, как семьдесят обвинителей.)

Именно тогда, как-то ночью, он проснулся в три часа с твердой уверенностью, будто внизу кто-то есть и будто этот кто-то есть абсолютное зло. (Я вспомнил про ту его уверенность, когда узнал, как Люси проснулась, уже понимая, что он мертв.)

В тот раз он взял армейский швейцарский нож и, как был, неодетый (Люси потом тоже не успела одеться), спустился вниз. Электричество в доме отключилось. Когда Элиот проходил мимо кухни, оттуда дохнуло арктическим холодом, и он

ощутил эрекцию. Свет замигал, лампочки будто сошли с ума, и тогда он перекрестился и крикнул: “Apage ame, Satanas. Изыди, Сатана”.

— В тот же миг все пришло в норму, — рассказывал он мне потом. — А под полом послышались шаги, будто шаги хромого.

— Но ведь ты ничего не видел, — сказал я, немного разочарованный. — Ни рогов, ни копыт.

Элиот отнюдь не был тем суперрационалистом, каким хотел показаться. Интерес к черной магии в нем был больше, нежели интерес сугубо научный. Но голова у него работала великолепно, и я верил его оценкам.

— Я держу ум открытым, — говорил он. — Есть многое на свете, друг Горацио, ну и так далее.

Элиот легко нашел аргументы, убедив Люси срочно продать дом, пусть даже потеряв в деньгах.

* * *

Как ни странно, мы подружились. Я всегда любил жару, а он влагу и тучи. Я носил усы а-ля Сапата[35] и волосы до плеч. Он ходил в твидо-

[35] Примечания: 35

Эмилиано Сапата (1879–1919) — лидер крестьянского восстания в Мексике, участник гражданской войны 1911–1917 г г.

вых костюмах и вельветовых куртках. Я любил передвижные театры[36], диспуты о расовых отношениях и антивоенные митинги. Он тратил все выходные на деревенской охоте, лишая жизни птиц и зверей.

— Ничто так не поднимает мужской дух, — говорил он, пытаясь зазвать меня с собой. — Лишаешь жизни пернатого или мохнатого брата и занимаешь свое законное место в пищевой цепочке. Класс, да и только!

В 1970-м на следующий день после избрания Эдварда Хита[37], когда газеты кричали: “Главой Кабинета стал бакалейщик!”, Элиот дал в его честь званый обед, где среди гостей только я и ходил с кислой миной.

Кто знает, почему люди становятся друзьями? Одни одинаково машут рукой. Другие одинаково перевирают мелодию.

---

[36] Примечания: 36

В 1960-е гг. передвижные театры славились пристрастием к пьесам острой политической направленности.

[37] Примечания: 37

Эдвард Хит — премьер-министр Великобритании 1970–1974 гг., лидер консерваторов, успешно завершивший программу вступления Великобритании в ЕЭС.

* * *

Но я точно знаю, почему подружились мы с Крейном. Нас сблизила старая добрая черная магия. Не конфеты, не любовь, а именно Темное Искусство. И если я теперь не в силах вычеркнуть из памяти имени Элиота Крейна, то, вероятно, лишь потому, что соблазны, которые свели его с ума, едва не погубили и меня.

Пентакли, иллюминаты, Махариши, Гэндальф… некромантия стала частью Zeitgeist[38], частью тайного языка в противотоке культуры. От Элиота я впервые узнал о секретах Великой пирамиды, о загадках Золотого сечения и о лабиринтах Спирали. Это он рассказал мне про месмеровское учение о животном магнетизме (“Между небесными, земными и животными телами существует взаимная связь. Осуществляется эта связь посредством разлитой в универсуме, невероятно легкой жидкости. Она подчинена неким законам механики, нам до сих пор не известным”); он же рассказал о японском учении о четырех состояниях сознания: Мусин — состояние детской радости; Сисси, или Консуй-йотай

[38] Примечания: 38
Здесь: смысл существования (нем.).

— состояние транса или временной смерти; Саймин-йотай — состояние гипноза и Муген-но-Кё — когда душа способна покинуть живое тело и путешествовать в Скрытом мире. Он же, Элиот, открыл для меня и великих философов, по крайней мере их книги: Георгия Гурджиева, автора “Сказок Бильзебаба”, ставшего учителем для Олдоса Хаксли, Кэтрин Мэнсфилд и Дж. Б. Пристли; раджу Раммохана Роя и его “Брахмана Самадхи”, книгу, где раджа сделал смелую попытку объединить индийскую и европейскую мысль.

С помощью Элиота я изучил нумерологию и хиромантию, усвоил индейское заклинание, обучающее полету. Узнал, как вызвать шайтана, Сатану, и какую нужно нарисовать фигуру, чтобы Зверь, отмеченный числом 666, не вышел из-под моей власти.

С краской стыда признаю, что у себя дома, в той части света, откуда и пришло слово “гуру”, мне никогда не хватало времени заняться поисками, а здесь как-то само собой случилось так, что Элиот вошел в мою жизнь. Стал, как сказал бы англичанин, учителем мистики, или “гуру”, как спели бы в мантре.

Ах, читатель, я был плохой ученик. Я не освоил Мусин (не говоря уже о Муген-но-Кё), я ни разу

не посмел вызвать демона и ни разу не рискнул прыгнуть со скалы, чтобы научиться летать, подобно последователю яки[39].

Зато я остался жив.

* * *

Мы отрабатывали друг на друге технику гипноза. Однажды Элиот, решивший проверить продолжительность гипнотического эффекта, дал мне установку раздеться сразу, как только он произнесет вслух слово “бананы”. В тот же вечер мы вместе с Малой и Люси отправились в клуб “Дингуоллз” потанцевать, где он ехидно и шепнул мне на ухо эту пакость. По телу побежали тяжелые, сонные волны, и, хотя я изо всех сил пытался сопротивляться, руки сами собой принялись снимать одежду. Когда они дошли до молнии на джинсах, нас вышвырнули на улицу.

— Знаете что, мальчики, — неодобрительно сказала Мала, глядя, как я, громко ругаясь и грозя ему страшной местью, одеваюсь на берегу канала, — может быть, вы пока что отправитесь спать вдвоем, а мы немного отдохнем от вас?

Этого ли он хотел? Нет. Возможно. Нет. Не знаю.

---

[39] Примечания: 39

Здесь: под последователем индейцев яки имеется в виду К. Кастанеда.

Не т.

Какова была бы картинка, разоблачительный двойной портрет. Академик оккультных наук Элиот и я — человек, конечно, более прозаический — растворились в оккультной любви.

Этого ли он хотел тогда?

* * *

В тот год, когда мы познакомились, я был выбит из колеи и страдал от дисгармоничности в сферах личных. Кроме романа с Лаурой, меня терзали безответные вопросы вроде того: где мой дом и кто я такой. Элиот, интуитивно подтолкнувший ко мне Малу, помог решить хотя бы один из них, за что я был искренне ему благодарен. Дом, как и ад, для нас создают люди. Мой дом создан Малой.

Не марсианка, но маврикийка, она вышла из семьи, покинувшей Индию во время негритянского исхода, который последовал за освобождением негров, и не знавшей рабства в течение восьми поколений. Родным языком Малы — а родилась она в маленькой деревушке севернее Порт-Луи, где главной достопримечательностью считался маленький храм Вишну, — был некогда бходжпурский диалект хинди, со временем окреолившийся настолько, что понимали его

одни только жители Маврикия. Мала никогда не видела Индии, и потому детство мое, проведенное в Индии, мой дом, оставшийся в Индии, и сохраненная с нею связь добавляли мне в ее глазах некоего нелепого, несколько глуповатого обаяния, я для нее был только что не пришелец из Ксанаду[40]. *Ибо он на медовой росе взращен и райское пил молоко.*

Мала, которая, по собственным ее словам, была “человеком науки”, любила литературу и поощрительно относилась к моим попыткам писать. Она гордилась Бернарденом де Сент-Пьером[41], называла Поля и Виргинию мавританскими Ромео и Джульеттой и заставила и меня тоже прочесть этот роман. — Вдруг окажет на тебя влияние, — с надеждой сказала она.

Нещепетильная и практичная, как все врачи, Мала обладала обширными познаниями о внутренней природе человека, которым я, как и положено “человеку искусства”, откровенно завидовал. Все знания об этом предмете, которые у меня были зыбкими и расплывчатыми, имели у

---

[40] Примечания: 40

Герой поэмы С. Т. Колриджа “Кубла Хан”.

[41] Примечания: 41

Жак Анри Бернарден де Сент-Пьер (1737–1814) — профессор морали, писатель, уроженец Гавра, автор романа “Поль и Виргиния”.

нее твердую опору. А я находил себе опору в ней, хотя в разговоры и объяснения Мала вступала неохотно. А по ночам чувствовал поднимавшееся в ней изнутри тепло темных волн Индийского океана.

Единственное, что ее, кажется, раздражало, это моя дружба с Элиотом. Однажды, когда мы, уже упрочив наши отношения, проводили медовый месяц в Венеции, Мала позволила себе высказать недовольство вслух и даже произнесла целую речь.

— Все блажь и дурь, — заявила моя жена со всем своим научным презрением к Иррациональному. — Господи, что за индюк! Ну что он к тебе все липнет? Послушай, нет и не будет тебе от него ничего хорошего. Да кто он вообще такой? Англичанин пустоголовый, ноль без палочки. Ты понимаешь, о чем я, писатель-сахиб? Спасибо, конечно, за то, что познакомил и все такое прочее, но пора бы уже и оставить нас в покое.

— Валлиец, — изумленно пробормотал я. — Он валлиец.

— Неважно, — огрызнулась доктор (и по совместительству миссис) Хан. — Диагноз остается прежний.

* * *

Но я не мог обойтись без Элиота, в чьей голове хранился невероятный запас самых разнообразных “запретных знаний”, которыми он великодушно делился и которые были тогда мне необходимы, чтобы наконец навести свой собственный мост между нездешним и здешним, соединить обе сущности и избавиться от неприкаянности. Тогда казалось, что, если собрать все магии, все способы тайной власти, можно найти единое знание, создать некое евро-индейское леванто-восточное учение, и мне отчаянно хотелось в это поверить.

Я мечтал обрести наконец с помощью Элиота “запретную самость”. Внешний мир с его цинизмом, его напалмом, где я не видел ни мудрости, ни доброты, был для меня пустыней. Вот я и решил научиться и тому, и другому в тех скрытых от поверхностного взгляда сферах, где суфисты расхаживают рука об руку вместе с великими адептами[42] и сияют великие истины.

Иными словами, то есть словами Элиота, я ре-

---

[42] Примечания: 42

Здесь: алхимики, добывшие эликсир жизни или нашедшие краеугольный камень.

шил обрести гармонию.

* * *

Мала, как выяснилось, была права. Бедолага Элиот оказался не в состоянии помочь даже себе, не то что другим. Демоны в конце концов одолели его, вместе со всеми его Гурджиевыми, Успенскими, Кроули и Блаватскими, с его Дансейни и Лавкрафтами[43]. Демоны согнали овец с его валлийских холмов и затмили разум.

Гармония? Невозможно себе представить какофонию, какую слушал Элиот. Пение ангелов Сведенборга мешалось с гимнами, мантрами, обертональными тибетскими песнопениями. Чей рассудок выдержит вавилонский галдеж, где мешаются споры теософов с конфуцианцами, богословов с розенкрейцерами. Где звенят восторженные призывы к Майтрее и гремят проклятия колдунов, обпившихся крови. Звучат трубный глас Апокалипсиса и голос Гитлера, поднявшего на знамя древний символ и назвавшего его в злобе своей или невежестве *свастикой*.

Даже голос моего собственного, моего любимого раджи Раммохана Роя стал там лишь одним из

---

[43] Примечания: 43
Философы-мистики XIX–XX вв.

голосов призраков, преследовавших в “Отдыхе Кроули” больного безумного человека.

Бамм!

Наконец наступила тишина. Requescat in pace[44].

* * *

За те несколько часов, пока я снова добрался до Уэльса, брат Люси Билл успел не только вызвать полицию вместе с похоронной службой, но и героически потрудиться в гостевой спальне, отскребая и отмывая со стен кровь и мозги. Люси, в легком летнем халате, сидела в кухне, потягивая джин, с видом спокойным до содрогания.

— Ты не посмотришь его бумаги и книги? — попросила она меня, и голос у нее при этом был тихий и нежный. — Одной мне не справиться. Он много занимался Глендоуром. Может быть, это кому-нибудь понадобится. Почти неделю я исполнял печальную обязанность, разбираясь в неопубликованных записях и набросках, оставленных умершим другом. Мне казалось, будто в моей жизни перевернулась страница и открылась другая: Элиот оставил писательство как раз

[44] Примечания: 44
Покойся с миром (лат.).

в тот момент, когда я сам решил им заняться. Честно говоря, порывшись в его бумагах, я понял, что он бросил писать примерно за год до своей смерти. Ничего я не нашел о Глендоуре, ничего вообще я там не нашел. Один сплошной бред.

* * *

Билл Эванс принес и поставил передо мной три картонные коробки из-под чайных упаковок, куда были сложены бумаги Элиота, исписанные от руки или отпечатанные на машинке. Сотни страниц безумной галиматьи и обрывки мыслей, разрозненных, лишенных единства, обрушились на меня, как оперетка без дирижера, полная непристойностей и протестов против Универсума. Я просмотрел десятки его блокнотов, читая бесконечные рассуждения о том, что люди, чье предназначение высоко и слава огромна, в конце концов обретают возможность менять свое будущее; или, наоборот, о горестной судьбе помраченных гениев, вынужденных гибнуть в страданиях по причине болезней или козней завистников, которые, однако, неизбежно получают признание после смерти, и тогда мир терзается запоздалым раскаянием. Печальное это было чтение.

Еще тяжелее оказалось читать о нас, о его друзьях. Заметки его в дневнике были либо исполнены злобы, либо представляли собой порнографические описания. Раз за разом он с гневом бранил меня и со страстью рисовал себе постельные сцены, в которых участвовала моя жена Мала, даже проставляя при этом — разумеется, только чтобы подогреть себя — "даты", где некоторые чуть ли не совпадали с днем нашей свадьбы. Ну, и все в таком духе. О Люси он писал с похотливой неприязнью. Напрасно я рылся в коробках, надеясь найти хоть какое-то слово любви или дружбы. Невозможно было поверить, что столь открытый, столь страстный человек не сумел оставить после себя ни единого доброго слова о жизни. Тем не менее это оказалось именно так.

Я не стал показывать бумаги Люси, она все поняла по моему лицу.

— Это был уже не он, — машинально утешила она меня. — Это была его болезнь.

Знаю я, что это за болезнь, подумал я про себя и дал себе слово выздороветь. С этой минуты моя связь с миром таинств оборвалась. Хватило одной недели покопаться в грязи и мерзости, скопившейся в чайных коробках, чтобы Месмерова жидкость испарилась из меня навсегда.

* * *

Элиота похоронили там, где он хотел. Обстоятельства смерти, конечно, создали некоторые сложности, но в конце концов местное духовенство, не выдержав гнева Люси, решило закрыть глаза на детали и дало согласие предать покойного освященной церковной земле.

На похороны прибыл один из членов Парламента от Консервативной партии, который когда-то учился с покойным в одном классе.

— Бедный Эл, — громко сказал член Парламента. — В школе все говорили: “*Кем, интересно, станет Эл Крейн?*” А я говорил: “*Может быть, из него и выйдет толк, если, конечно, он раньше не застрелится*”.

Сейчас этот джентльмен состоит членом Кабинета и, следовательно, находится под зашитой Особого подразделения. Думаю, он не догадывается, до какой степени ему нужна была защита в то ясное солнечное утро в Уэльсе.

Так или иначе, других слов над гробом никто все равно не произнес.

* * *

На прощание Люси протянула мне руку. Больше мы с ней не виделись. Я слышал, она быстро вышла замуж за какого-то совершенно неинтересного человека и уехала с ним в Америку, на Запад.

А в тот день, вернувшись домой, я понял, что мне необходимо выговориться. Мала села рядом и стала слушать меня с участием. Невольно я проговорился и о коробках.

— Ты же знала его. Ты подумай! До какой же степени он был болен, до чего же псих, если так расписывал свои фантазии о ваших якобы постельных играх. Да еще и даты к ним ставил! Например вот, когда мы только-только вернулись из Венеции. Например, когда мы с Люси остались вдвоем на баркасе, а он уехал на лекцию в Кембридж.

Мала поднялась, повернулась ко мне спиной и еще ничего не успела ответить, как вдруг я понял, что она мне сейчас скажет, и почувствовал, как в груди все вот-вот разорвется с треском, похожим на треск падающих деревьев или ломающегося льда. Ну конечно, ведь она сама тогда предупредила меня, чтобы я не доверял чересчур

Крейну, предупредила тогда с упреком, горьким и страстным, обращенным к нему, не ко мне, и я, изумленный тогда самим этим фактом, не понял его истинного смысла и не услышал истинного предупреждения. *Англичанин пустоголовый. Нет и не будет тебе от него ничего хорошего*.

Это был конец гармонии, крушение сфер.

— Он не фантазировал, — сказала Мала.

Чеков и Зулу

1

Четвертого ноября 1984 года, когда Зулу пропал в Бирмингеме, индийский посол направил в Уэмбли для разговора с женой его старого школьного друга Чекова.

— Адабарз[45], миссис Зулу. Не позволите ли войти?

— Конечно, конечно, заместитель-сахиб, к чему такие формальности?

— Прошу прощения за беспокойство, миссис Зулу, все-таки воскресенье, но мне очень нужно узнать, не звонил ли вам сегодня Зулу-тау?

— Мне? С какой бы стати из командировки? Зачем звонить домой, когда там ему, наверное, весело.

— Ох, прошу прощения, я опять по больному месту. Всякий раз что-нибудь да ляпну.

— Войдите хоть на минутку, разделите со мной чашку чаю.

— Черт возьми, вы недурно устроились, миссис

---

[45] Примечания: 45
Приветствую вас (хинди).

Зулу, ну и ну. Обои какие! Все со вкусом… Высший класс, должен вам сказать. Хрусталя-то сколько! Этот нахал Зулу что-то слишком хорошо зарабатывает, не то что ваш покорный слуга, вот ведь ушлый, собака.

— Ну как это возможно, на что вы намекаете? Зарплата у вас, господин заместитель посла, должна быть намного больше, чем у начальника безопасности.

— Я ни на что не намекаю, джи. Хочу сказать только, что вы, должно быть, большой знаток распродаж.

— Зулу во что-то вляпался, так?

— Прошу прощения?

— Эй, Джайсинх![46] Где ты там уснул? Господин исполнительный заместитель посла желает чаю. А бисквиты, а джалеби[47], ты что, сам не знаешь? Ну-ка бегом, гость ждет.

— Не беспокойтесь, миссис Зулу. Пожалуйста.

— Какое там беспокойство, джи! С тех пор как мы здесь, парень вконец обленился. Выходные, собственный телевизор, платим фунтами — всё ему, пожалуйста. И никакой, скажу вам, благо-

---

[46] Примечания: 46
Лев Победы (панджаби).

[47] Примечания: 47
Сласти (хинди).

дарности за то, что он здесь, ни вот столько.

— А-а, Джайсинх, спасибо. Отличные джалеби, миссис Зулу. Благодарствую.

На телевизоре и на соседних с ним стеллажах красовалась коллекция, которую собирал пропавший сейчас без вести Зулу, — фигурки героев и модели космических кораблей из сериала “Звездный путь”: капитан Кирк, несколько Споков, “Крылатый охотник Клинтонов”, Римуланское судно, космическая станция, ну и конечно, корабль “Энтерпрайз”. На самом почетном месте красовались большие фигурки двух второстепенных персонажей.

— Ох уж эти мне прозвища из Дунской школы[48] — от души воскликнул Чеков. — Как заезженная пластинка. Дампи, Стампи, Грампи, Хампи. Прозвища прилипают и становятся именами. Вот и нас теперь все называют, как этих бесстрашных космонавтов.

— Терпеть не могу. С того дня, как мы здесь приземлились, я — миссис Зулу! Будто какая-то чернокожая.

— Гордитесь, уважаемая. Мы с вашим мужем старые друзья по оружию, со школьной скамьи

---

[48] Примечания: 48

Закрытая школа в Индии для привилегированных сословий.

— неужели он поленился поставить вас в известность? Бесстрашные диплонавты! Наша задача — исследовать новые миры и цивилизации. Взгляните на телевизор, на эти фигурки, они наше alter ego: этот русский, похожий на азиата, этот китаец[49]. Не вожди, как вы понимаете, а безукоризненные, профессиональные слуги народа.

“Курс проложен!” “Высокие частоты открыты!” “Фактор искривления три!” Что бы смог делать с кораблем отважный Капитан без нас, без обученного экипажа? Так же, как и со старым добрым кораблем под названием Индостан. Мы такие же, знаете ли, слуги, вроде вашего бездельника Джайсинха. Очень важно, чтобы в трудный момент, как, например, теперь, в дни печального перелома, когда корабль может сесть на мель, что бы ни произошло, чай и джалеби всегда были на столе. Мы не зовем к будущему, мы его делаем сами. Без нас никто ни курса не проложит, ни частот не откроет. И фактор искривления тоже не обнаружит.

— Значит, все-таки у Зулу неприятности? Надо же, именно сейчас, когда у всех беда.

На стене над телевизором в рамке, украшенная

---

[49] Примечания: 49

Второстепенные персонажи в одной из серий телесериала “Звездный путь”.

цветочной гирляндой, висела фотография Индиры Ганди. Индиры Ганди не стало в среду. С тех пор каждый день по телевизору по несколько часов кряду показывали кадры кремации. Цветы, лепестки, разрывающие душу языки пламени во весь экран.

— Даже не верится. Ах, Индира-джи. Нет слов. Она была нам как мать. Увы, увы. Погибла во цвете лет.

— А по радио, по телевизору такое… Такое в Дели творится! Сколько убитых, заместитель-сахиб. Сколько честных сикхов погибли, будто это они виноваты в том, что сделали один-два негодяя.

— Сикхи всегда считались лояльными по отношению к нации, — отозвался Чеков. — Костяк армии… я уж не говорю о делийском такси. Даже, пожалуй, суперлояльными, преданными национальной идее. Однако приходится признать, теперь подобная оценка стала вызывать сомнения, и уже появились люди, готовые во всеуслышание объявить, будто гребень, браслет, кинжал et cetera[50] суть признаки скрытого врага.

— О нас не осмелились бы сказать такое! Какая

---

[50] Примечания: 50
И так далее (лат.).

несправедливость.

— Конечно. Конечно. Но возьмем, к примеру, Зулу. Щекотливость сегодняшней ситуации заключается в том, что, насколько нам известно, ваш муж не находится в официальной поездке. Он исчез, уважаемая. В розыске с момента убийства. Третий день как без вести.

— Господи!

— В Штабе уже начинают подумывать, что он связан с убийством. У кого еще была такая возможность в течение длительного времени поддерживать связи с английской общиной?

— Господи.

— Я, естественно, изо всех сил пытаюсь противостоять складывающемуся мнению. Но, черт побери, где он? Мы не боимся халистанских фанатиков. Тем не менее они опасны. И если Зулу, с его знаниями, с его подготовкой… Насколько вам известно, они грозят новым террором. Насколько вам, *должно быть*, известно. Кое-кто может даже решить, будто вам известно слишком многое.

— О господи.

— Вполне возможно, — сказал Чеков, жуя джалеби, — Зулу и впрямь, забыв про стыд, отправился туда, куда до сих пор не хаживала нога индийского диплонавта.

Жена всхлипнула:

— Даже это дурацкое имя вы все время говорите неправильно. “С”. Сулу. Сколько я серий пересмотрела, я всех помню, а вы как думали? Кирк, Спок, Мак-Кой, Скотт, Ухура, Чеков, *Сулу.*

— “Зулу” больше подходит для человека, которого невозможно приручить, — произнес Чеков, доедая джалеби. — Для дикаря, который сегодня под подозрением. Для предполагаемого предателя. Спасибо за превосходный чай.

2

В августе того года Зулу, великан с застенчивой улыбкой, приехал в аэропорт встретить Чекова, который только что прилетел из Дели. Тридцатитрехлетний Чеков, маленький, хрупкий, щеголеватый, был одет в серые фланелевые брюки, рубашку с жестким воротничком и темно-синий двубортный пиджак с золотыми пуговицами. Широкие густые брови и воинственно выдвинутая вперед нижняя челюсть производили поначалу на собеседников пугающее впечатление, и потому неожиданно вежливая, изысканная речь и особенно мягкий голос сразу всех обезоруживали. Чеков, видимо, родился на свет для высокого полета и потому уже успел поработать на до-

статочно неплохом посту в посольстве в одном небольшом государстве. Временная должность исполнительного заместителя посла по особым поручениям, иными словами Человека Номер Два, в Лондоне стала следующей его ступенькой.

— Привет, Зул! Сколько лет, йар![51] Сколько лет! — сказал Чеков, похлопав ладонью по широкой груди старого приятеля. — Ишь, — добавил он, — я гляжу, ты оброс.

Когда-то, лет в восемнадцать, Зулу, придерживавшийся тогда новых веяний, ходил хоть и с усами, но бороду брил и, не желая носить под тюрбаном длинные волосы, стриг их у парикмахера. Теперь же вид его соответствовал вполне традиционным представлениям о сикхах.

— Здравствуйте, джи, — осторожно приветствовал Чекова Зулу. — Значит, переходим на старые прозвища?

— Конечно. А как же, — сказал Чеков, вручая Зулу свои сумки и багажные карточки. — Дух “Энтерпрайза” — это прекрасно!

---

[51] Примечания: 51
Друг (хинди).

* * *

Человек на людях в высшей степени светский, Чеков среди своих позволял себе проявлять бурный нрав так, что пар валил от рубашки. Вскоре после приезда, заступив на новую должность, он как-то в обеденный перерыв сидел вместе с Зулу на скамейке в садике неподалеку от Темпла и вдруг мотнул головой в сторону прохожих.

— Воры, — произнес он sotto voce[52].

— Где? — заорал гигант Зулу и вскочил на ноги. — Догнать?

К ним обратились недоуменные взгляды прохожих. Чеков схватил Зулу за край пиджака и потянул на скамью.

— Ну ты, герой, — ласковым голосом попенял он. — Я имел в виду их всех, всех до последнего. Господи, до чего я люблю Лондон! Театр, балет, опера, рестораны! Показательный матч перед Павильоном! Королевские утки в королевском пруду в королевском парке Сент-Джеймс! Отличные портные, отличные рестораны — когда захочешь, отличные журналы! Остатки былого величия — и не могу не признать, оно впечатля-

---

[52] Примечания: 52
Вполголоса (итал.).

ет. Атенеум, Букингем, львы на Трафальгарской площади. Впечатляет, *тщертовски* впечатляет. Я приехал на встречу с помощником министра и вдруг понял, что мы сидим в бывшем Министерстве по делам Индии. Черный тик, на старинных книжных шкафах бегущие слоны. Знаешь, я там испытал просто легкое нервное потрясение. Сначала я им даже поаплодировал: молодцы, мол! А потом вспомнил дом — ведь это все оттуда, из нашего дома, все ворованное. Я, кажется, еще до сих пор не пришел в себя.

— Да, это очень неприятно, — сказал Зулу, сдвинув брови. — Но виновных, конечно, никак не привлечь?

— Зулу, ах ты мой благородный воин Зулу, "воровство" здесь теперь лишь фигура речи. Ведь я о музеях, полных индийских сокровищ. Ведь все эти города, все их благополучие — все построено на награбленном.

И так далее, и тому подобное. Мы, конечно, простили, забыли — это наш национальный характер. Но забывать-то как раз необязательно.

Зулу ткнул пальцем в бродягу, который, в драном пальто и шляпе, спал на соседней скамье.

— Он что, тоже нас обокрал? — спросил он.

— Ты забыл, — помахал перед его носом паль-

цем Чеков, — что британский рабочий класс старался влиять на колониальную политику в собственных интересах. Например, рабочие текстильных фабрик в Манчестере поддержали уничтожение нашей хлопчатобумажной промышленности. Как дипломаты мы вынуждены закрывать на это глаза, но факт остается фактом.

— Этот нищий — не рабочий класс, — резонно возразил Зулу. — По крайней мере не угнетатель.

— Зулу, — устало сказал Чеков. — Иногда с тобой бывает *тщертовски* трудно.

* * *

Как-то раз, когда они катались на лодке и плыли мимо Серпантайна, Чеков вновь оседлал любимого конька.

— Нас обокрали, — сказал он, откинувшись на полосатые подушки с бокалом шампанского в руках и подставив лицо легкому ветерку, пока могучий Зулу налегал на весла. — И мы теперь не мытьем, так катаньем, а пытаемся возвратить свое. Как греки парфенонский мрамор.

— Нехорошо быть неблагодарным, — сказал Зулу, опустив весла и сделав глоток кока-колы. — Умерь свой голод, умерь свой гнев. Посмотри,

сколько у тебя всего. Тебе что, мало? Сиди спокойно и радуйся жизни. У меня, например, столько нет, а мне хватает. И погода сегодня хорошая. Колониальный период ушел в прошлое навсегда.

— Если ты не будешь есть вон тот бутерброд, дай-ка мне, — сказал Чеков. — С моим радикализмом нужно было идти не в дипломаты. Нужно было идти в террористы.

— Но тогда мы стали бы врагами и оказались по разные стороны, — запротестовал Зулу, и на глаза у него вдруг навернулись слезы. — Ты что, совсем ни во что не ставишь нашу дружбу? И то, чем я занимаюсь в этой жизни?

Чеков смутился.

— Зулу, старик, ты прав. *Тщертовски* прав. Ты даже представить себе не можешь, до чего я обрадовался, когда узнал, что в Лондоне мы будем снова вместе. Друг детства, это великолепно, а? Что может быть лучше друга детства! Послушай, ты, простая душа, хватит сидеть с кислым лицом. Терпеть не могу. Здоровенный дядька, а того гляди, тут расплачешься. Хочешь, будем как кровные братья, а, старик, что скажешь? Один за всех и все за одного.

— Хочу, — сказал Зулу и застенчиво улыбнулся.

— Тогда вперед, — кивнул Чеков, снова усаживаясь на подушки. — С новыми силами.

* * *

В тот день, когда телохранители-сикхи убили Индиру Ганди, Зулу и Чеков играли в сквош на частной площадке в Сент-Джон-Вуд. После душа Чеков, у которого в волосах уже поблескивала ранняя седина, обмотался полотенцем, чтобы прикрыть съежившийся от усталости побагровевший член, и все никак не мог отдышаться, а Зулу, оставшись во всей гордой наготе своего могучего тела, спокойно стоял, наклонив красивую голову, и заботливо, будто женщина, отжимал, расчесывал и приглаживал длинные черные волосы, и наконец ловко скрутил узлом.

— Йар, Зулу, вот это класс. Бамс, бах! Какие удары! *Тщертовски* сильные, не по мне.

— Кабинетный ты стал диплонавт, джи. Теряешь форму. Когда-то все было по тебе.

— Н-да, стареем, стареем. А ведь ты всего на год моложе, а?

— У меня жизнь проще, джи, дело не слово.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что твое имя будет запятнано? — тихо произнес Чеков.

Зулу перед большим зеркалом медленно повер-

нулся и застыл в позе а-ля Чарльз Атлас[53].

— Все должно выглядеть так, будто ты действуешь на свой страх и риск. Если что-то пойдет не так, посольство вынуждено будет остаться в стороне. Никому ни слова, даже жене.

Зулу раскинул руки и ноги, будто гигантская буква “Х”, и с наслаждением потянулся. Потом повернулся к Чекову.

— Что скажешь, Зул? — Голос у того немного упал.

— Транспортный луч готов?

— Йар, не верти задницей, не увиливай.

— Прошу прощения, мистер Чеков, это моя задница. Ну так как, транспортный луч готов или нет?

— Транспортный луч готов.

— Тогда включаем двигатели.

* * *

Доклад Чекова ДТК (Джеймсу Т. Кирку), гриф “Совершенно секретно, только для внутреннего

---

[53] Примечания: 53

Автор первой в мире “динамической гимнастики”, ставшей основой для всех методик коррекции фигуры; слабый, тщедушный в юности, он изменил тело настолько, что не раз становился моделью для скульпторов, в частности для знаменитой скульптуры “Лучника”, которая находится в Бруклинском музее, и заслужил титул “Самого совершенного человека Америки”.

пользования”:

Настаиваю на прекращении операции “Звездный путь”. Направить сотрудника Федерации, клингона, без оружия, в логово противника является чересчур жесткой проверкой его лояльности. Означенный сотрудник идеологически выдержан и заслуживает самого высокого доверия даже в нынешней обстановке террора, истерии и страха. С большой долей уверенности можно считать, что в случае неудачной попытки убедить клингонов в своем bona fide[54], он рискует жизнью. Клингоны не берут заложников.

Стратегия операции избрана неверно. Центральной проблемой являются вовсе не клингоны. Даже в случае формального успеха данные разведки о наиболее важных преступниках едва ли окажутся точными и едва ли смогут представлять какую бы то ни было ценность.

Предлагаю рекомендовать Главному штабу немедленно занять позицию поддержки и одобрения клингонов. На стабильность можно рассчитывать, только если будет найден ясный и надежный способ разрешения ситуации в целом.

---

[54] Примечания: 54
Добросовестности (лат.).

* * *

Ответ ДТК:

Ввиду вашей близкой дружбы с означенным сотрудником будем считать извинительной горячность, с какой вы защищаете интересы клингонов. Оценка национальной стратегии, а также определение истинных целей разработанных операций выходят за рамки ваших полномочий. Ваша задача заключается в непосредственном и своевременном обеспечении проведения и завершения операции. В память о долгой дружбе с вашим выдающимся отцом, а также в качестве личного одолжения я уничтожил ваш последний доклад и предлагаю вам сделать то же самое с копией. Также уничтожьте и это.

* * *

Чеков попросил Зулу отвезти его в Стратфорд, где давали “Кориолана”.

— Сколько у тебя уже карапузов? Трое?

— Четверо, — сказал Зулу. — Мальчики.

— Господи боже. Должно быть, твоя жена славная женщина.

— Она мое счастье, — неожиданно с чувством

сказал Зулу. — Полный дом, полная чаша, полное согласие, полная любовь.

— Надо же, — сказал Чеков. — Впрочем, ты у нас всегда был теплокровный. А я наоборот. Я вроде рептилии… или динозавра. Кстати, сейчас мне как раз очень нужна жена — может, у тебя есть подходящая кандидатура? В какой-то момент холостяцкая жизнь начинает мешать карьере.

Зулу вел машину странно. Когда появился съезд с автострады, он вдруг свернул туда и выжал миль под сто. Потом на следующем въезде вернулся и сбросил скорость. Чеков заметил, что он то и дело меняет скорость и ряд.

— В твоем драндулете что, нет контрольных приборов? — спросил он. — Знаешь что, спортсмен, за этой частью представления никто не наблюдает с мостика флагманского корабля Объединенной Федерации планет.

– *Защита от наблюдения,* — сказал Зулу. — Химчистка. Чеков встревоженно оглянулся на заднее окно.

— Хочешь сказать, за нами слежка?

— Нет, — ухмыльнулся Зулу. — Подстраховался на всякий случай. Терпеть не могу историй с плохим концом.

Чеков снова уселся поудобней.

— Все тебе шуточки да игрушечки, — сказал он.

В школе Зулу был первым по стрельбе, борьбе и по фехтованию.

— Каждый раз на последнем собрании, — сказал Зулу, — когда ты выходил получать призы: за латынь, за историю, за английский, за поведение, я сидел и хлопал тебе в ладоши. Хлопал, хлопал, хлопал, каждый семестр, каждый год. Но на спортивных площадках призы брал я. Так что здесь я решаю, что делать.

— Репутацию ты себе так заработаешь, не приведи бог. Зулу ничего не ответил. За окном машины мелькала Англия.

* * *

— Читал Толкина? — спросил Зулу.

— Ты что, еще и любитель чтения, вот не думал, — удивленно ответил Чеков. — Не обижайся.

— Читал ли ты Дж. Р. Р. Толкина? — повторил Зулу. — “Властелин колец”.

— Кажется, нет. Хотя слышать, конечно, слышал. Про фей и про эльфов. К тебе не имеет ни малейшего отношения. Я уже думал.

— Это про войну, про битву не на жизнь, а на

смерть между Добром и Злом, — продолжал Зулу. — Битва уже началась, а в другой части света, где жили хоббиты, о ней никто даже не слышал. Хоббиты жили, работали, ссорились и мирились и — блин! — даже понятия не имели о том, что им угрожали какие-то там силы, и всё тряслись за свои жалкие шкурки.

Лицо его вспыхнуло от негодования.

— Это ты что, обо мне? — спросил Чеков.

— Я солдат на этой войне, — сказал Зулу. — А ты в своем кабинете понятия не имеешь, что на самом деле творится в мире. Наш мир — это мир действия, джи. Мир сделанных или, наверное, еще не сделанных дел. Мир жизни и смерти.

— В нашем сценарии смерть — крайний случай, — запротестовал Чеков.

— Я когда-нибудь тебе указывал, как лучше полировать гладеньким твоим язычком чью-нибудь филейную часть? — загремел Зулу. — Вот и ты мне не указывай.

Солдаты любят взвинчивать себя перед боем. Чеков знал это. Битье пяткой в грудь. Однако следовало поразмыслить над такими речами, неожиданностей здесь быть не должно.

— Когда ты сваливаешь? — спокойно спросил он.

— Тебя не касается, Чеков-джи.

Они уже подъезжали к Стратфорду.

— Знаешь ли ты, джи, что Среднеземье на карте Толкина приходится в аккурат на Уэльс и Центральную Англию? — сказал Зулу. — Страна Фей может оказаться где-то именно здесь, посередке.

— Смотришь в корень, старик, — сказал Чеков. — Сколько открытий за один день.

* * *

В своем посольском, обставленном на современный лад доме с частной дорогой на Хэмпстед Чеков давал обед для избранных. Среди избранных был один Очень Крупный Бизнесмен, которого Чеков обхаживал, журналисты, которые ему были нужны, а также самые известные в стране сторонники Индии, которых он здесь всем представил как британских индийцев. Разговор зашел, как обычно, о политике. Нельзя допустить, чтобы в результате чудовищного злодеяния государственный корабль сбился с курса. “Корабль, новый капитан которого еще недавно был всего-навсего лоцманом”, довольный собой, подумал Чеков. Будто и он, Чеков, и его старый друг, Зулу, тоже уже получили новое назначение и произведены в шкиперы.

Чертовски трудно давать обед без хозяйки, которая занимала бы гостей, сердился он на себя. Прекрасный сервиз, тарелки с золоченым многоголовым львом посредине, тонкий хрусталь, отличное меню, изысканные вина. За столом помогают официанты, заимствованные на вечер в посольстве, но официанты не то. Тайна очарования званых обедов, как живая тайна Господа Бога, кроется в мелочах. Чеков суетился и нервничал.

Так или иначе обед благополучно подходил к концу. За бренди Чеков даже осмелился затронуть опасную тему:

— Англия, — сказал он, — всегда была для нас источником революционной мысли. Кем стал бы Пандит Неру, не случись в его жизни Хэрроу? Кем стал бы Ганди без английского образования? Даже самая радикальная идея отделения Пакистана возникла у будущих революционеров здесь, в колледже, где в числе прочего они научились считать эту страну второй матерью-родиной. Сейчас, смею заметить, когда статус Англии стал несколько ниже, снизился и масштаб подрастающих революционеров. Кашмирское государство! Бред, да и только. Что же до поклонников Халистана, то пусть они не рассчитывают приблизить день своего торжества злодеяниями вроде подоб-

ных убийств. Напротив. Напротив. Мы вырвем с корнем эту заразу и… как это правильно по-английски? — расколошматим *вдребезги*.

Чеков сам удивился, заметив, что заговорил громко и даже поднялся. Он снова тяжело сел на стул, рассмеялся. Никто его смех не поддержал.

— Самое забавное, — быстро заговорил он, обращаясь к своей соседке, невероятно красивой и столь же невероятно юной жене Очень Крупного Бизнесмена, которому было лет семьдесят, — что это свое прозвище я получил, когда никто из нас еще не видел “Звездный путь”. В нашей школе, знаете ли, не было телевизора. Этот фильм был легендой, долетевшей из Штатов, транзитом через Британские острова, до нашей милой станции под названием Дехрадун[55].

Потом кто-то раздобыл пару книжек в дешевой бумажной обложке и пустил по кругу, и не только их, а еще, например, неприличный романчик вроде “Леди Ч.”[56]. Начитавшись, мы поначалу дали прозвища почти всем, но пристали они только к двоим. Может быть, потому что эти двое всегда ходили вместе и здорово подружились,

---

[55] Примечания: 55
Название местности в горах, где находится Дунская школа.

[56] Примечания: 56
Роман Д. Г. Лоуренса “Леди Чаттерлей”.

хотя один был на год моложе. Хороший был мальчик. С тех пор мы стали Чеков и Зулу, как Лорел и Харди[57].

— Как любовь и свадьба, — произнесла женщина.

— Прошу прощения?

— Наверняка вы слышали, — сказала она. — Вместе, как молоко и каша. Или, если хотите, как гараж и машина. Обожаю старые песенки. Ля-ля-ля ля-ля что-то там брат, ты ля-ля без матери ничему не рад.

— Да-да, теперь вспомнил, — сказал Чеков.

3

Через три месяца Зулу позвонил жене.

— Господи, куда ты пропал, я уже думала, что ты умер!

— Биви моя, успокойся, пожалуйста. Выслушай меня внимательно, жена моя, единственная моя любовь.

— Да. О'кей. Я уже успокоилась. Только плохо слышно.

— Позвони Чекову и скажи: состояние красное.

---

[57] Примечания: 57

Стэн Лоурел и Оливер Харди — комики немого кино, популярные в Индии.

— Ай! Что такое с твоим состоянием?

— Пожалуйста! Состояние красное.

— Да. О'кей. Красное.

— Скажи: клингоны что-то учуяли.

— Клингеры чу… учуяли? Что это значит?

— Дорогая, прошу тебя!

— Всё, поняла. Записала — и то, и другое… Я нашла ручку.

— Скажи Скотти: по моему сигналу пусть сразу откроет шлюзы и спустит луч.

— Что за глупости! Ты что, даже сейчас не можешь не играть в эту дурацкую игру?

— Биви! Это важно. *Пусть спустит луч.*

Чеков бросил все и метнулся к машине. Сначала, как было велено, он провел химчистку: дважды проехал по кольцевой развязке, проскочил на красный свет перекресток, свернул нарочно не туда, остановился, постоял, двинулся дальше, сделал несколько раз, сколько вышло, правый разворот, поглядывая, нет ли в потоке машин той одной, которая идет за ним следом, и, как Зулу, все время менял ряд. Убедившись, как мог, что за ним чисто, Чеков направился к месту назначенной встречи. "Закрываем Лена Дейтона, — думал он, — и быстренько готовим

доклад для Ле Карре”[58].

* * *

Он свернул с дороги в рукав. Из тени под деревьями вышел хорошо одетый, свеженький, будто только что из ванной, человек с застенчивой улыбкой на лице. Это был Зулу.

Чеков выпрыгнул из машины, обнял и расцеловал его в обе щеки, уколовшись о жесткую бороду.

— Я думал, тебе руку оторвало, кровь хлещет или, по крайней мере, хоть синяк под глазом, — сказал он. — А ты вырядился, как в оперу, разве что трости с накидкой не хватает.

— Миссия окончена, — сказал Зулу и похлопал себя по нагрудному карману. — Все вот здесь, все в порядке.

— Чего ж гнал про красный экран?

— Пронесло, — сказал Зулу. — Пошло по другому сценарию.

В машине Чеков открыл коричневый конверт

---

[58] Примечания: 58

Лен Дейтон (р. 1929) — разведчик, после отставки окончивший Королевскую школу искусств и занявшийся художественной фотографией и писательством; автор 26 приключенческих книг; Джон Ле Карре (р. 1931) — журналист, автор приключенческих романов, пять лет служивший в британской разведке.

и принялся читать списки, где были имена, даты и адреса. Информация оказалась лучше, чем он рисовал себе в самых смелых мечтах. Луч прожектора, включенного здесь, на безымянной стоянке на обочине дороги посредине Центральной Англии, высветил дальние пригороды и деревни в Пенджабе. Высветил темные фигуры, рассеяв скрывавшую их тьму.

Чеков восторженно присвистнул.

Зулу на пассажирском сиденье склонил голову в театральном поклоне.

— Поехали, — сказал он. — Не будем испытывать судьбу.

Они ехали по Среднеземью.

Когда машина свернула со скоростного шоссе, Зулу сказал:

— Между прочим, я решил уволиться.

Чеков выключил зажигание. Слева, в просвете между домами, были видны башни Уэмбли.

— Что? Экстремисты тебе промыли мозги?

— Не болтай глупостей, Чеков. Какие еще экстремисты нужны после убийств в Дели? Погибших сотни, может быть, тысячи. Сикхов жгут заживо, снимают с них скальпы на глазах у детей. Убивают даже подростков.

— Нам об этом известно.

— Тогда, джи, вам должно быть известно и кто за всем этим стоит.

— Нет никаких доказательств. — Чеков повторил заявление полиции.

— Есть свидетели и фотографии, — сказал Зулу. — *И мы об этом знаем.*

— Есть мнение, — медленно проговорил Чеков, — что сикхи обязаны заплатить за смерть Индиры.

Лицо у Зулу окаменело.

— Ты же меня знаешь и, надеюсь, понимаешь, что сам-то я так не думаю, — сказал Чеков. — Зулу, ради бога, давай, а? Давай всегда будем вместе?

— Конгресс не назначил комиссии, — сказал Зулу. — Несмотря на обвинения в соучастии. Я подаю в отставку. И ты должен сделать то же самое.

— Черт возьми, коли ты теперь такой радикал, — вскричал Чеков, — то зачем привез эти списки? Что ж ты бросаешь дело на полпути?

— Я сотрудник безопасности, — сказал Зулу, открывая дверцу. — Любой террорист для меня враг. А для тебя, при определенных обстоятельствах, выходит, что не любой.

— Зулу, погоди! — крикнул Чеков. — Тебе что, совсем наплевать на карьеру? А жена, а четверо

мальчишек? А старые друзья? Ты что, знать теперь меня не хочешь?

Зулу был уже далеко.

* * *

Больше Чеков и Зулу не встречались. Зулу переселился в Бомбей, а так как спрос на частную охрану в этом бурлящем, богатом городе только рос, то и щит и меч у Зулу не ржавели, так что он не бедствовал. У него родилось еще трое детей, опять мальчики, и Зулу живет с ними со всеми счастливо и по сей день.

Чеков же так и не женился. Однако никаких сложностей по пути наверх, которых он боялся, не случилось. Он поднимался быстро. Но потом, в мае 1991 года, Чеков случайно оказался в составе группы, сопровождавшей господина Раджива Ганди в поездке на юг Индии в деревню Шриперумбудур, где тот намеревался встретиться с избирателями. Людей из службы безопасности в группе было намеренно мало. Ганди считал, что на предыдущих выборах именно обилие охраны создало барьер между ним и электоратом. На этот раз он решил познакомиться с народом поближе.

Когда отзвучали положенные речи, Ганди вме-

сте со всей своей свитой спустился с подиума. Шедший всего в нескольких шагах от него Чеков сразу заметил невысокую тамильскую женщину, которая вдруг выступила из толпы. Она взяла Ганди за руку и так задержала его на мгновение. По ее улыбке Чеков мгновенно все понял, и понимание это полыхнуло в нем с такой силой, что время остановилось.

Тем не менее он все же успел сделать несколько выводов.

— Эта тамильская женщина никогда не была в Англии, — отметил он для себя. — Наконец-то мы не нуждаемся в импорте. Отличное, можно сказать, заключение для давней речи на давнем обеде. — И потом еще с чувством подумал: — Трагедия состоит не в том, как человек умирает, а в том, как он живет.

* * *

Сцена вокруг померкла, растворившись в облаке света, и Чеков перенесся на мостик космического корабля “Энтерпрайз”. Экипаж был на месте. Впереди, рядом с Чековым, сидел Зулу.

— Защитный экран выведен из строя, — произнес он.

На главном мониторе разворачивался, готовясь

к атаке, “Крылатый охотник клингонов”.

— Одно попадание, и нам конец! — воскликнул доктор Мак-Кой. — Ради Бога, Джим, сделай что-нибудь.

— Логическая ошибка! — ответил старший офицер Спок[59]. — Без кристалла невозможно выйти в искривленное пространство. На простых двигателях от “Крылатого охотника” не уйти. Следуя логике, единственная возможность, которая у нас еще осталась, это сдаться на милость победителей.

— Сдаться клингонам! — вскричал Мак-Кой. — Черт возьми, ты, остроухий холодный арифмометр, ты что, не знаешь, как клингоны поступают с пленными?

— Фазовые батареи не работают, — доложил Зулу. — Защитное поле на нуле.

— Должен ли я попытаться связаться с капитаном клингонов, сэр? — спросил Чеков. — По нам вот-вот откроют огонь.

— Благодарю вас, мистер Чеков, — сказал капитан Кирк. — Боюсь, в этом нет необходимости. В соответствии со сценарием у нас на крайний случай есть еще один сюжетный ход. Займите

---

[59] Примечания: 59
Старший офицер Спок — вулканец.

свои места.

— “Крылатый охотник” открыл огонь, — сказал Зулу.

Чеков пожал руку Зулу — крепко, как победителю, — и, повернувшись к экрану, смотрел, как несутся навстречу кораблю шары смертоносного света.

Ухажерчик

1

Никогда в жизни уборщик и привратник большого многоквартирного дома по прозвищу Миксер не встречал таких крохотных женщин — кроме разве что карлиц, — какой была шестидесятилетняя Мэри-Конечно, которая, придерживая рукой свое белое с красной оторочкой сари и поблескивая сединой в волосах, аккуратно собранных на затылке узлом, одолевала ступеньки парадного крыльца так, будто это были Альпы.

— Нет, — сказал он вслух.

Не Альпы, какие-то другие горы.

— Гхаты, — сказал он гордо. Слово было из школьного атласа, выученное много лет назад, когда Индия была далекой, почти как райские кущи. (Теперь кущи стали дальше, чем Индия, зато преисподняя придвинулась ближе.) — Западные Гхаты, Восточные Гхаты и еще Кенсингтонские, — сказал он, ухмыльнувшись. — Горы такие.

Она остановилась перед ним посредине вестибюля, обшитого дубовыми панелями.

— На хинди “гхаты” еще и ступени, — сказала

она. — Да-да, конечно. Например, в священном городе Варанаси есть спуск, где сидят брамины и собирают у филигримов деньги, и он называется Дасашвамедха-гхат Такие широкие-преширокие ступени, которые идут к Гашу. О да-да, конечно! А еще есть Маникарникагхат В Маникарнике, в доме, где с крыши прыгает тигр — конечно, не настоящий, крашенный "техниколором", а вы что подумали? — в этом доме покупают огонь, прячут в коробку, а потом, когда умирают близкие, от него разжигают костер. Погребальный костер пахнет сандалом. Фотографировать похороны нельзя; нет, конечно, ни в коем случае.

* * *

Он прозвал ее Мэри-Конечно, потому что она никогда не говорила просто "да" или просто "нет"; а всегда "о-да-конечно" или "нет-конечно-ни-в-коем-случае". Сам он, с тех пор как стала отказывать голова, в которой он был когда-то более чем уверен, всегда пребывал в растерянности и сомневался во всем, оттого и ее убежденность поначалу вызвала в нем тоску, потом зависть, а потом нежность. А всколыхнувшаяся эта нежность оказалась чувством настолько забытым, что он еще долгое время думал, будто дело в ки-

тайских пельменях, которые он приносил домой из забегаловки на Хай-стрит.

* * *

Английский язык давался Мэри с трудом, и отчасти по этой причине старый развалина Миксер окончательно проникся к ней нежностью. “П” никак у нее не вставало на место и нередко превращалось то в “ф”, то в “к”, и, выкатив в вестибюль плетеную корзину на колесиках, она говорила: “Я за кокуфками”, а вернувшись, отвечала на его предложение поднять покупки по ступенькам парадного гхата: “Конечно, кожалуйста”. (Однако на хинди или конкани “п” и “ф” свое место знали.) Мало того, Мэри так и не сумела толком усвоить смысл слова “уборщик”, решив, что коли человек ухаживает за домом, так он “ухажерчик”, и потому, когда лифт трогался с места, громко благодарила сквозь решетку: “Ухажерчик! Спасибо. Да, конечно”.

Таким образом, он вдруг стал Ухажерчиком, подчинившись трогательному обаянию Мэри и чувству, шевельнувшемуся где-то под ложечкой.

— Ухажерчик, — повторял он, встав перед зеркалом, когда лифт скрывался из глаз. После выдоха на стекле оставался дымчатый образ

слова. — Ухажерчик ухажерчика уходил.

О'кей, пусть будет "ухажерчик". Каких только прозвищ ему ни давали, он никогда не обращал на них внимания. На это не только обратил, но даже решил ему соответствовать.

2

В течение многих лет я хотел написать рассказ о нашей айе[60], нашей няне Мэри-Конечно, которая вырастила нас — и меня, и сестер — наравне с матерью, о ней, об "ухажерчике" и об их романе, который случился в начале шестидесятых годов, когда все мы жили в Лондоне в доме под названием Ваверлей-хауз; хотел, но по тем или иным причинам так за него и не взялся.

Надолго потеряв Мэри из виду, я недавно получил от нее письмо. В письме она говорила, что ей девяносто один год, что ей сделали серьезную операцию, что живет она в бомбейском районе Курла у племянницы, которая сама без гроша, и ей стыдно сидеть на шее, и она просит прислать каких-нибудь денег.

Я выслал денег и вскоре получил благодарственную открытку от племянницы по имени

---

[60] Примечания: 60
Няня (хинди).

Стелла, написанную той же рукой, что и письмо от айи. Племянница писала, что “айа” (в детстве мы произносили это слово как палиндром) очень тронута тем, что я не забыл ее за столько лет. “Рассказы о вас, о детях, я слушала всю свою жизнь, — продолжала она, — так что вы мне почти родные. Может быть, вы даже помните мою мать, сестру Мэри? К несчастью, она умерла. Теперь все письма для Мэри пишу я. Мы обе желаем вам всего самого лучшего”.

Открытку от незнакомой родственницы я получил вдалеке от страны, которую люблю и где родился, и слова эти затронули струны, глубоко спрятанные в душе. К тому же мне стало стыдно оттого, что за столько лет я почти ничего не сделал для Мэри. И стало как никогда важно написать рассказ, много раз отложенный, про нашу айю и ее благородного рыцаря, которого она — случайно, но метко — произвела в “ухажерчики”. Я понял, что история эта не только о них, но обо всех о нас.

3

Его фамилия была Месир, сам он ее произносил как-то вроде Миширш, с неуловимым акцентом, вывезенным из-за “железного занавеса”, из стран,

где все должно быть неуловимо — на всякий случай, как торжественно объяснила моя сестра Дюрре: вдруг за тобой шпионят, или гонятся, или еще что. Имя тоже начиналось с “М”, но состояло сплошь из одних “коммунистических согласных”, как мы называли все эти “з”, “с” и “в”, между которыми не оставалось ни малейшего пространства, куда можно было бы вставить гласную, так что его произносить я и не пытался.

Поначалу мы хотели было прозвать его в честь одного персонажа комикса, немного похожего на Элмера Фудда[61], злого мистера Мксюзтплка из Пятого измерения, который превратил жизнь благородного Супермена в сущий кошмар и проказничал до тех пор, пока Оле Зупе хитростью не заставил его произнести свое имя задом наперед: Клптзюскм, отчего тот наконец вернулся обратно в Пятое измерение; но поскольку мы сами так и не научились говорить Мксюзтплк (не говоря уже о Клптзюскме), то от этой идеи пришлось отказаться.

— Будем звать его просто мистер Миксер, — ради простоты жизни в конце концов предложил я. — Миштер Микшер Миширш.

---

[61] Примечания: 61
Комический герой старых американских мультфильмов.

Мне было пятнадцать, невостребованное еще семя мешало жить, из чего следовало, что я тогда был способен нахамить человеку в лицо, причем не всегда безобидному, как мистер Месир после инсульта.

* * *

Больше всего мне запомнились его розовые резиновые перчатки, которые он не снимал, кажется, никогда, по крайней мере до тех пор, пока не явился к Мэри-Конечно…

* * *

Так или иначе, когда я в глаза назвал его Микшером, а мои сестры Дурре и Муниза шмыгнули в лифт и громко захихикали, Месир лишь добродушно ухмыльнулся и спокойно кивнул головой:

— О’кей, зовите меня как хотите, — и отправился снова натирать медные ручки и рамы.

Дразниться стало неинтересно, я тоже вошел в лифт, и мы поехали на пятый этаж, распевая во все горло “Не могу тебя разлюбить”, будто Рэй Чарльз[62], правда, у нас получалось хуже. Но мы

[62] Примечания: 62

Рэй Чарльз (1930-2004) — американский певец, пианист, автор песен. В возрасте семи лет ослеп, на сцене всегда носил темные очки.

были в темных очках, так что все равно похоже.

4

Было лето 1962 года, школьные каникулы. Шехерезаде только что исполнился год. Дюрре было четырнадцать, Мунизе десять, но хлопот с ней уже было выше крыши. Частенько мы втроем — вернее, вдвоем, мы с Дюрре; Мунизе очень хотелось войти в наш дуэт, но безуспешно — становились возле кроватки Шехерезады и начинали ей петь.

— Никаких дурацких детских песенок, — решительно заявила Дюрре, и мы обходились без них, потому что заводилой у нас была она, хотя была на год меня младше.

Вместо колыбельных мы исполняли хиты Чаббби Чеккера, Нейла Седаки, Элвиса и Пата Буна в собственной аранжировке.

— Почему же ты не идешь домой, торопыжка Гонсалес? — замирая от счастья, голосили мы кто в лес, кто по дрова и при этом скакали и вертели, крутили свой “мешочек хлопка”[63].

Скакали, вертели, крутили до тех пор, пока махараджа Б. из квартиры под нами не поднимался

---

[63] Примечания: 63
Популярная негритянская песня.

к нам жаловаться на шум, и тогда айя просила, чтобы мы вели себя тише.

— Вот какая джамбалайя, Джамба-айя влюблена! — кричала Дюрре, и Мэри густо, по-настоящему краснела. И мы дружно и плавно — ой-вой-вай — заводили модную в те времена “Джамбалайго”. Но если Шехерезада начинала плакать, то входил отец — голова, как у быка, вперед, из ноздрей дым… Да, тогда нам не помог бы даже волшебный талисман.

* * *

К тому времени, когда отец решил переселиться в Англию всей семьей, я уже год проучился в закрытой школе. Это решение, как и все свои решения, он принял сам, ничего не объясняя и не обсуждая ни с кем, даже с матерью. Вначале, сразу после приезда, отец снял две квартиры в Бейсуотере на одном этаже в довольно обшарпанном доме с названием Грэм-корт, на тихой, ничем не примечательной улочке, которая шла от куинсуэйского кинотеатра “Азбука” до Порчестерских бань. Одна квартира предназначалась для него, а в другой жили мать, три девочки, айя, а на каникулах еще и я. В Англии, где можно было свободно купить алкоголь, отец не стал добро-

душнее, и потому вторая квартира была для нас в некотором смысле спасением.

Чуть ли не каждый вечер он выпивал бутылку красного “Джонни Уокера”, разбавляя его содовой из сифона. Когда он пил, мать не осмеливалась пересечь лестничную площадку.

— Он строит мне рожи, — говорила она.

Айя Мэри относила ему обед и отвечала на телефонные звонки (если отцу было что-нибудь нужно, он нам звонил). Не знаю почему, но приступы пьяной ярости никогда не были направлены против Мэри. Она говорила, это потому, что она старше отца на девять лет и умеет поставить его на место.

* * *

Но через несколько месяцев отец снял другую, четырехкомнатную квартиру в новом месте, немногим получше прежнего. Это был дом на Кенсингтон-корт В-8, который назывался Вавер-лей-хауз. Среди жильцов в доме оказался даже не один, а сразу два махараджи — махараджа П., легкомысленный и веселый, и махараджа Б., о котором я уже упомянул. Квартира для такой семьи была тесная: мать с отцом и крошкой Шухерозадой (как все чаще ласково стали ее на-

зывать сестры) поселились в большой спальне, мы втроем в другой, совсем маленькой, а бедная Мэри, как ни стыдно признаться, спала на соломенном тюфяке, который вечером расстилала на ковре в гостиной. В третьей спальне отец устроил себе кабинет, где стояли телефон, Британская энциклопедия, журналы “Ридерз дайджест” и запиравшийся на ключ шкафчик под телевизором. Войти туда можно было только с риском для жизни. Там было лежбище Минотавра.

* * *

Однажды утром мать уговорила отца сходить в аптеку купить что-то для маленькой. Вернувшись, он вошел в комнату, держась рукой за щеку, и глаза у него были, каких я никогда не видел — обиженные, как у ребенка.

— Она меня ударила, — жалобно сказал он.

— Как! Ай боже мой! Что ты говоришь? — засуетилась мать. — Кто тебя ударил? Тебе больно? Покажи-ка, дай я посмотрю.

— Я ничего не сделал, — сказал отец, стоя посреди комнаты, все еще с аптечным пакетом в другой руке, щеки у него горели и стали похожи цветом на Миксеровы перчатки. — Я спросил все по списку. Она сначала была такая приветливая.

Я попросил детскую смесь, детскую присыпку “Джонсона”, мазь для десен, и она все принесла. А потом я спросил, есть ли у нее соскИ, и она дала мне пощечину.

Мать пришла в ужас.

— За это?

Мэри тоже возмутилась.

— Что за безобразие! — поддержала она мать. — Я была там, в этой аптеке, есть там сошки, на витрине, большие и маленькие.

Дюрре и Муниза попадали на пол. Они обе катались со смеху и дрыгали ногами.

— Ну-ка немедленно закройте рты, вы, обе, — приказала мать. — Какая-то сумасшедшая ударила по лицу вашего отца. Что тут смешного?

— Быть не может, — простонала Дюрре. — Ты подошел к девушке и сказал… — Тут она снова схватилась за живот и затопала ногами, — “*есть ли у вас соски*”?

Отец окончательно побагровел, что означало, что он сердится. Дюрре постаралась побыстрее справиться с новым приступом смеха.

— Папа, — наконец сказала она, — нужно было спросить не соски, а соски, соски — это на груди.

Мать и Мэри невольно прыснули, прикрыв рот ладошкой, а отец смутился.

— Какое бесстыдство, — сказала наша мать. — Надо же, так одинаково все назвать!

От огорчения она даже прикусила язык.

— Англичане есть англичане, — вздохнула Мэри-Конечно. — Но все-таки это слишком. Да, конечно, даже для них.

* * *

Я люблю вспоминать этот случай, потому что мы впервые в жизни увидели, как отец смутился; история стала семейной легендой, а девушка из аптеки — объектом величайшего восхищения. (Мы с Дюрре зашли в эту аптеку, чтобы на нее посмотреть, простенькую девушку лет семнадцати, невысокую, с большой и очень даже заметной грудью, а она, услышав, как мы шепчемся, окинула нас таким свирепым взглядом, что мы удрали.) Но кроме всего прочего, еще и потому, что благодаря всеобщему хохоту мне удалось скрыть, что и я, прожив в Англии уже целый год, сделал бы ту же ошибку, что и отец.

Проблемы с английским были не только у айи и у родителей. Мои школьные приятели не раз дразнили меня, когда я на свой бомбейский манер говорил “возрастание” вместо “воспитание” (“Ну и где это ты возрос?”), “втройне” вместо

“в-третьих” и любую пасту называл лапшой. До того случая у меня не было ни малейшей возможности выяснить разницу между соскАми и сОсками и таким образом пополнить свой словарный запас.

5

Когда Миксер пришел за Мэри, я почувствовал легкий укол ревности. В старом костюме, который стал ему чересчур свободен, так что брюки пришлось подтянуть ремнем, замирая от благоговения, он позвонил в нашу дверь, а в руках, наконец без перчаток, держал розы. Открывший ему отец окинул Миксера испепеляющим взглядом. Отец был немножко сноб и страдал от того, что в квартире отсутствует вход для слуг, так что пришлось открывать и уборщику, будто бы он принадлежал к тому же самому кругу, что и мы.

— Мэри, — выдавил из себя Миксер, облизнув губы. — Мисс Мэри, пришел, увидеть, я.

— Подождите, — сказал отец и захлопнул дверь у него перед носом.

* * *

С тех пор каждый день Мэри-Конечно после

обеда встречалась с Миксером, хотя их первая прогулка едва не закончилась печально. Миксер решил показать ей “Запад”, то есть еще так и не виденный ею туристский Лондон, но при входе на эскалатор на станции “Пиккадилли-сёркус”, пока Месир, с трудом выговаривая слова, читал для Мэри плакаты, которые та сама прочесть не могла — “*Расстегни банан*” и “*Бреем чисто, чисто бреем*”, — край сари затянуло под ленту, отчего все ее одеяние моментально стало разматываться. Мэри, как юла, завертелась на месте и изо всех сил завопила: “О баап! Баап-ре! Баап-ре-баап-ребаап-ре!”[64] Месир спас ее, нажав на кнопку аварийного выключателя раньше, чем сари успело размотаться до конца, показав всему миру ее нижние юбки.

— Ах, Ухажерчик! — всхлипывала она потом у него на плече. — Пожалуйста, никаких эскалаторов, нетнет-нет, ни в коем случае!

* * *

Мои собственные любовные устремления целиком сосредоточились на лучшей подружке Дюрре, польской девочке по имени Розалия, кото-

---

[64] Примечания: 64
Силы небесные! (хинди).

рая по выходным работала в магазине Феймана на Оксфорд-стрит. И все мои выходные в течение целых двух лет были отданы ей. Иногда Розалия позволяла мне сопровождать ее на обед, и я покупал ей кока-колу или бутерброд, а однажды пошла со мной на стадион, где мы, стоя в верхнем ряду, смотрели первый матч Джимми Гривза за “Спурс”. “Давай, давай, Джимми!” — усердно орали мы. После матча она позвала меня в заднюю комнатку за прилавком, где позволила поцеловать себя два раза и коснуться груди, но это было все, чего я добился.

* * *

Потом у меня объявилась дальняя родственница по имени Шандни, сестра матери которой вышла замуж за брата моей матери, но потом, правда, развелась. Шандни была на полтора года меня старше и до того сексуальна, что при одном взгляде на нее делалось дурно. Она училась классическим индийским танцам, сразу и одисси, и бхарат натьям, в обычной жизни носила черные узкие джинсы и черную облегающую водолазку и время от времени брала меня с собой к Банджи, а там была знакома едва не со всеми в толпе завсегдатаев, так или иначе связанных с народной

музыкой, и звали ее там все Лунный Свет, то есть Шандни, но по-английски. Я курил с ними без перерыва, а потом бегал в туалет, где меня рвало. Шандни могла свести с ума. Мечта тинейджера, струящийся Лунный Поток в черных одеждах, пролившийся на землю, подобно богине Ганга. Но я для Шандни был всего-навсего желторотый какой-то там брат, с которым она возилась, потому что сам он еще ничего в жизни не соображает.

* * *

Детка, приходи сегодня ночью, — голосили на тирольский лад “Времена года”. И я точно знаю, что при этом они чувствовали. — *Приходи-ходи-ходи сегодня ночью. И покрепче обними, когда придешь.*

6

Они ходили гулять в королевский парк в Кенсингтоне. — Пэн, — говорил Миксер, показывая на статую. — Маачик. Потеряли. Так и не вырос.

Они ходили в “Баркере & Понтингс” и в “Дерри & Том”, будто бы подбирая себе мебель и занавески для дома. Бродили по супермаркетам, будто бы выбирая деликатесы для праздничного обеда.

У него в закутке со входом из вестибюля пили чай, который он называл “обезьяньим”, и “жарили” пресный хлеб на решетке электрического камина.

* * *

Благодаря Месиру Мэри наконец получила возможность смотреть телевизор. Больше всего ей нравились детские программы, в особенности та, которая называлась “Флинтстоуны”. И как-то раз, смущенно хихикая от своей неожиданной смелости, она сказала, что Фред и Вильма точь-в-точь ее сахиб и бигум сахиба[65], а Месир, с не меньшей отвагой, показал пальцем на Мэри, потом на себя, широко улыбнулся и произнес: “Раббл”.

А в другой раз, когда в новостях после мультфильма некий английский джентльмен с лисьим лицом, тонкими усиками и глазами безумца прочел гневную речь против иммигрантов, Мэри-Конечно застучала в знак протеста по телевизору:

— Хали-пили бом марта, — сказала она и перевела, чтобы доставить удовольствие хозяину: — Чего кричит как резаный? Выключи.

---

[65] Примечания: 65
Жена господина (хинди).

* * *

Нередко их занятия прерывали оба махараджи — и Б., и П., — спускаясь звонить из телефонной будки, чтобы разговор не услышали жены.

— Малышка, да забудь ты этого парня, — весело говорил принц П., который, похоже, целыми днями ходил в белых теннисных брюках и носил на руке здоровенный золотой “ролекс”, почти терявшийся в густой черной поросли. — Со мной будет веселее, крошка, войди в мою жизнь.

Махараджа Б. был старше, противней и приземленней.

— Да, принесу все, что нужно. Номер заказан на имя мистера Дугласа Хоума. С без пятнадцати шесть до семи пятнадцати. Ты взяла прейскурант? Пожалуйста, не забудь. Линейка нужна деревянная, два фута. И еще передник с оборками.

* * *

Тем он и остался в моей памяти, этот дом под названием Ваверлей-хауз, с его недружными семейными парами, с его пьянством и флиртами, неосуществленным вожделением юности, с ма-

хараджей П., каждую ночь с ревом уносившимся в страну лондонских казино в красной спортивной машине с соответствующей блондинкой, и махараджей Б., выходившим на Кенсингтон-Хай-стрит всегда незаметно, даже ночью в темных очках и даже летом с поднятым воротником пиджака; и центром этого нашего мира были Мэри-Конечно и ее Ухажерчик, которые пили свой “обезьяний” чай и вслух подпевали, когда исполнялся государственный гимн Бедрока[66].

Они были совсем не похожи на Барни и Бетти Раббл. Они были вежливы, церемонны. Он за ней… ухаживал. Добивался ее расположения, и она это принимала и скромно склоняла голову в колечках кудрей на плечо поклонника, как инженю в сериале.

7

Как-то в середине семестра 1963 года я провел выходные в Бекклесе, в Суффолке, в доме фельдмаршала сэра Чарльза Лютвидж-Доджсона, давнего поклонника Индии и друга нашей семьи, который прилагал все усилия, чтобы я получил британское подданство. В тот раз Додо, как его все

---

[66] Примечания: 66
Из музыкального сопровождения мультфильма “Флинтстоуны”.

называли, пригласил в гости только меня, сказав, что хочет познакомиться со мной поближе.

Он был огромный, настоящий великан с уже обвисшими, правда, щеками, а жил в крохотном, крытом соломой домике, где вечно стукался обо что-нибудь головой. Неудивительно, что порой он становился раздражительным — Гулливер, запертый в лилипутском розовом садике с крокетной площадкой, церковными колоколами и старыми фотографиями, где еще слышался зов старых боевых труб; там был его Ад.

Весь день я чувствовал себя неловко и неуклюже, пока Додо не спросил, играю ли я в шахматы. Немного струсив при мысли о том, что играть предстоит с фельдмаршалом, я кивнул и через девяносто минут, к своему великому изумлению, выиграл.

Я важно прошествовал в кухню с намерением слегка похвастать победой перед миссис Лиддель, которая много лет была домоправительницей у старого вояки. Но не успел я войти, как она сказала:

— Только не это. Вы ведь не обыграли его?

— Да, — сказал я, изобразив безразличие. — Собственно говоря, да, обыграл.

— Господи, — сказала миссис Лиддель. — Вы

за это поплатитесь. Идите и попросите еще одну партию и, уж будьте любезны, проиграйте.

Я сделал, как было велено, но в Бекклес меня никогда больше не приглашали.

* * *

Так или иначе, выигранная у Додо партия придала мне уверенности в своих силах, и потому, когда я вернулся в Ваверлей-хауз после вводного курса и Миксер предложил мне сыграть (Мэри, с великой гордостью и некоторыми преувеличениями, уже похвастала ему победой в битве при Бекклесе), я сказал: “Конечно, ничего не имею против”. В конце концов, обыграть старого простофилю дело нехитрое.

Затем последовало буквальное избиение младенцев. Миксер не просто разбил меня в пух и прах; он лопал мои фигуры легко, будто завтрак, будто какую-то глазунью. Я не верил своим глазам — коварный гамбит, стремительно менявшиеся комбинации, мощные атаки, ломавшие мою невероятно убогую, вымученную защиту, — и я сам попросил сыграть второй раз. Во второй раз он разбил меня еще легче. Я сидел уничтоженный, готовый вот-вот заплакать. *Но большие девочки не плачут,* — напомнил я сам себе, и

песенка сама закрутилась дальше: — *Просто отговорка, не иначе.*

— Кто вы такой? — вопросил я, от унижения тяжело выговаривая слова, будто к языку была подвешена гиря. — Переодетый черт?

Миксер улыбнулся широкой глуповатой улыбкой.

— Гроссмейстер, — сказал он. — Давно. Раньше. Пока голова.

* * *

— Вы гроссмейстер? — повторил я будто сквозь сон. И вдруг с ужасом вспомнил, что действительно встречал его имя в книгах по классическим шахматам — Нимзо-индийская защита, — сказал я вслух.

Он просиял и отчаянно закивал головой.

— Тот самый Месир? — спросил я с изумлением.

— Тот, — сказал он.

В углу неряшливого стариковского рта скопилась слюна. Об этой развалине написано в книгах. То есть это вот об этом человеке. И пусть теперь мозги у него скрипят, как щебенка под ногами, он все еще в состоянии сам вытереть о меня ноги.

— Играет леди, — ухмыльнулся он.

Я не понял.

— Мэри, леди, — сказал он. — Да, да, конечно.

Она разливала чай и ждала моего согласия.

— Айя не умеет играть, — растерянно сказал я.

— Я учусь, баба, — сказала она. — Что такое шахматы, а? Всего-навсего игра.

И она так же безжалостно разбила меня наголову, да еще черными. Это был не лучший день моей жизни.

8

Из книги “100 самых поучительных партий” Роберта Речевского, 1961:

М. Месир — М. Нейдорф

Даллас, 1950, Нимзо-индийская защита

Трудно отражать атаки настоящего тактика, атаки стратега отразить почти невозможно. Никакая безупречно проведенная тактическая комбинация не идет в сравнение с приведением в исполнение стратегического замысла. Стратег держит противника в напряжении и не дает вздохнуть.

Взять, к примеру, далласскую партию: Месир ставит слона на g6 и берет под контроль центр поля. Проводит пешку и блокирует королеву.

Угрожает королю. Бедный противник растерян, что делать? Всех сразу не защитить! С какой стороны последует удар? Нужно было видеть, как Месир вынудил Нейдорфа метаться по всему полю в попытке защитить то один, то другой фланг!

Шахматы стали их языком. Старый Миксер, невнятный и невразумительный, за шахматной доской вновь обретал утраченную способность выражать мысли изящно и остроумно. И Мэри-Конечно, быстро делавшая успехи — для человека, который не умеет ни читать, ни писать, ни выговаривать “п”, с обидой думал я, слишком быстро, — лучше других могла оценить виртуозность поверженного судьбой гроссмейстера, неожиданно ставшего для нее другом.

Он учил ее со всем терпением, без конца показывал повторяющиеся, невыразительные гамбиты и комбинации, пока она не начала понимать их смысл. Он поддавался, подсказывал ход, объяснял все его последствия и мало-помалу открывал перед ней бесконечные возможности шахмат.

* * *

Такой был его способ ухаживать.

— Это будто бы криключение, баба́, — как-то раз Мэри попыталась объяснить мне свое отношение к игре. — Знаешь, он будто открывает мне другую страну. Что за жизнь там, баап-ре! Кри-красная и ужасная, и забавная, и вся в загадках. Для меня там все будто открытие. Как тебе объяснить? Мне нравится. Удивительная игра.

Тогда я понял, насколько дело серьезно. Мэри-Конечно, которая никогда не была замужем, уже дала понять старому Миксеру, что “вертеть хвостом” в ее возрасте поздновато. Уборщик же был вдовцом, а след уже взрослых его детей давно затерялся где-то за неприступными стенами Восточной Европы. И он с увлечением предался шахматному флирту, не надоедавшему благодаря новизне каждой партии, согревшему их изголодавшиеся по теплу постаревшие души.

Что сказал бы на это Додо? Скорее всего, оскорбился бы, посмотрев на то, как шахматы, его шахматы, во все времена служившие теоретикам войн наглядным пособием для отработки тактики, превратились у них в искусство любви.

Что же касается меня, то разгром, который

мне учинили Мэри-Конечно вместе со своим Ухажерчиком, стал для меня началом полосы неприятностей. Дюрре и Муниза заболели свинкой, и я заразился, несмотря на все старания матери нас разделить. Несчастный, я слушал, как врач говорит, чтобы я лежал и без необходимости вообще не вставал с постели.

— Если же вы ослушаетесь, — говорил он, — родителям даже не придется вас наказывать. Вы накажете себя сами.

Следующие несколько недель я провел в постели, денно и нощно снедаемый страхом при мысли об изуродованных яичках и о неизбежных последствиях — все кончено, не начавшись, это нечестно! — но пуще всего страдал от непрестанных насмешек быстро выздоровевших сестер. В конце концов повезло: болезнь задела лишь верхние железы.

— Подумать только, до чего повезло всем твоим девушкам, бхаи[67], — фыркала Дюрре, прекрасно осведомленная о моих неудачах с Розалией и Шандни.

По радио все время пели, до чего хорошо жить в шестнадцать лет. Где были в то лето все эти мои

---

[67] Примечания: 67
Брат (хинди).

сверстники, мальчики и девочки, вкушавшие радости жизни? Может быть, колесили в “студебеккерах” по просторам Америки? Среди своих я таких не встречал. Лондон, то есть район Кенсингтон-гарденс В-8, слушал Сэма Кука. *Еще один субботний вечер…* Может быть, первым номером среди хитов и была песня о счастливой любви, но мы вместе с Сэмом одиноко тосковали в самом низу таблиц и чувствовали себя, мягко говоря, отвратительно.

9

— Баба́, скорее вставай.

Среди ночи айя трясла меня за плечо. Громкий шепот наконец вырвал меня из сна, и я вышел, зевая, как был, в пижаме. Возле нашей двери на площадке, привалившись к стене и поскуливая, скорчился Миксер. Под глазом у него был синяк, а на губах запеклась кровь.

— Что случилось? — мгновенно проснувшись, спросил я у Мэри.

— Люди, — запричитала Мэри. — Угрожали. Избили.

В тот вечер в его закуток заглянул веселый махараджа П.

— Если меня будут искать… э-э… неприятные

типы, меня нет, о'кей? О, вы пьете чай, как мило! Наверх не пускайте, о'кей? Дам хорошие чаевые.

Немного погодя в закутке появился старый махараджа Б., вид у него был встревоженный.

— Суно, слушай, — сказал махараджа Б. — Ты знать не знаешь, где я, самаджх лийа? Дошло? Меня ищет какая-то рвань. Ты ничего не знаешь. Уехал за границу, ачча[68]? Уехал за границу надолго. Это твоя работа, приятель. Хорошо награжу.

Поздно ночью в дом действительно ввалились два мерзких типа. Похоже, наш веселый и волосатый принц П. влез в карточные долги.

— Нет, — Миксер улыбнулся пошире. — Его нет.

Типы медленно закивали. У них были длинные волосы и толстые, как у Мика Джаггера, губы.

— Деловой, а? Значит, нужно было назначить время, — сказал первый, обращаясь к другому. — Говорил я тебе, надо было сначала позвонить?

— Говорил, — согласился второй. — С человеком королевских кровей, сказал ты, надо повежливей. Ты был прав, сынок, а я, клянусь папой, ошибся. Виноват, клянусь мамой.

---

[68] Примечания: 68
Хорошо (хинди).

— Надо оставить визитку, — предложил первый. — Тогда он будет знать, кто его ищет.

— Блеск, — сказал второй и дал Миксеру в зубы. — Вот ты ему все и передашь, — сказал второй и двинул старику в глаз. — Когда вернется. Уж не забудь.

После них Миксер запер дверь на замок, и потом, уже за полночь, в нее застучали.

— Кто? — спросил Миксер.

— Друзья махараджи Б., — ответил голос. — Ах, простите, соврал случайно. Мы знакомые махараджи.

— Знакомые его леди, — поправил его второй. — Чтобы уж быть совсем точными.

— По этой причине мы просим аудиенции, — сказал первый.

— Нет, — сказал Месир. — Самолет. Нет. Нет его.

За дверью наступила тишина.

– *Самолеты хорошо, пам-па-рам-парам-пам.* В Биарриц? В Монте-Карло, куда он улетел, а?

— Будьте любезны, — сказал первый голос, — передайте Его Высочеству, мы будем с нетерпением ждать его возвращения.

— Наши лучшие пожелания нашему общему другу, — сказал второй голос. — Ждем с нетер-

пением.

* * *

Противник растерян, что делать? В голове бессвязно замелькали фразы из шахматного учебника. *Всех не защитить! С какой стороны последует удар? Нужно было видеть, как Месир вынудил Нейдорфа метаться, спасая то правый, то левый фланг!*

В этот раз обошлось без применения грубой силы, но Миксер, вернувшись в каморку, заплакал. Потом поднялся в лифте на пятый этаж и через щель почтового ящика шепотом вызвал Мэри, которая спала на полу на своем матрасе.

— Я не хотела будить сахиба, — сказала Мэри. — Ты и сам понимаешь, а? А бигум за день так устает. Так что скажи нам, баба́, ты, что делать?

Какого решения она от меня ждала? Мне было шестнадцать лет.

— Миксер должен вызвать полицию, — неоригинально предложил я.

— Нет, нет, баба́, — горячо запротестовала Мэри. — Если у махарадж будет скандал из-за Ухажерчика, в виноватых окажется только он.

Других предложений у меня не нашлось. Они оба смотрели на меня умоляющими, испуганны-

ми глазами, а я стоял перед ними и чувствовал себя дурак дураком.

— Идите спать, — сказал я. — Утром что-нибудь придумаем.

Сначала тактическая атака, подумал я. *Пешки наносят удар. Потом идет в ход тяжелая артиллерия, потом — стратегическая разработка. Стратег держит противника в напряжении и не дает вздохнуть.*

* * *

Утром ничего не произошло, тучи рассеялись. Не верилось ни в кулаки, ни в угрозы. Днем в закуток к Ухажерчику зашли оба махараджи и оба сунули в кармашек жилета по пятифунтовой бумажке.

— Защитил свою крепость, приятель. Молодец, — сказал принц П., а махараджа Б. с чувством добавил:

— Держись. Все в порядке, ачча? Все закончилось.

* * *

В тот день после обеда мы втроем — с айей Мэри и Ухажерчиком — держали военный совет и

пришли к выводу, что никаких действий больше не требуется. В подобных ситуациях привратник всегда на передовой, говорил я, а он свой рубеж удержал. Самое страшное позади. Подтверждение получено. Всё, конец.

— Всё, конец, — с сомнением повторила айя, но ей так хотелось успокоить Месира, что она быстро согласилась и посветлела лицом. — Ухажерчик, — сказала она. — Конечно! Всё в корядке, конец.

От радости она захлопала в ладоши и предложила ему сыграть в шахматы, и Миксер впервые отказался.

10

На какое-то время бурные события в доме оторвали меня от мыслей о Мэри-Конечно и Миксере.

У одиннадцатилетней нашей Мунизы рановато начался трудный возраст. Гневливая, как и отец, она тоже стала подвержена вспышкам ярости, а когда теряла контроль, бывала невыносима. В то лето Муниза, кажется, не упустила ни одного случая сцепиться с отцом и, несмотря на свой нежный возраст, почти на равных мерялась с ним силами. (Однажды, когда я вмешался в их схватку

в кухне, Муниза схватила кухонные ножницы и недолго думая запустила в меня. Ножницы пропороли мне ногу. С тех пор я старался держаться от их ссор подальше.)

Наблюдая за этими баталиями, я начал сомневаться в смысле семьи как таковой. Я смотрел на вопившую сестру и думал, до чего успешно она справлялась с задачей разрушения и себя, и отношений с людьми, в которых нуждается больше всего на свете.

Смотрел, как кривится лицо отца, и думал о британском гражданстве. По тогдашнему своему индийскому паспорту я мог ездить только в несколько стран, аккуратненько перечисленных на странице справа. Но вскоре должен был получить новый, британский, и тогда собирался уехать от них от всех. Я не желал больше видеть ничьих искривленных лиц.

В шестнадцать лет еще думаешь, будто от отца можно сбежать. Еще не замечаешь в своем голосе его интонаций, не видишь, как повторяешь его походку и жесты и даже расписываешься, как он. Не слышишь отцовского шепота в голосе своей крови.

* * *

В тот день, о котором я сейчас собираюсь рассказать, они опять довели до слез двухлетнюю Кхоти Шехерезаду, маленькую Шухерозаду, которая всегда начинала плакать во время ссор. Мама с айей быстренько подхватили ее на руки, посадили в сидячую коляску и удалились.

Они ушли на Кенсингтонскую площадь, где, устроившись на газоне, вполне философски дали ей выплакаться и устать. Когда наконец начало смеркаться и малышка уснула, они двинулись домой. Возле дома подошли два модно одетых парня в застегнутых пиджаках с круглым вырезом без воротника, как у “Битлз”, и с такими же, как у них, стрижками. Один, очень вежливо, спросил у моей матери, не является ли она женой махараджи Б.

— Нет, — ответила польщенная мать.

— Думаю, все-таки это вы и есть, — не менее вежливо сказал второй “битл”. — Поскольку вы направляетесь в дом Ваверлей-хауз, где и проживает махараджа Б.

— Нет-нет, — ответила мать, зарумянившись от удовольствия. — Мы совсем другая семья, хотя тоже из Индии.

— Понятно, — понимающе кивнул первый “битл” и, к великому изумлению матери, потер себе переносицу и подмигнул: — Мадам инкогнито. Хорошо, никому ни слова.

— Простите, — сказала мать, начиная терять терпение. — Вам нужны другие леди, не мы.

Второй “битл” подставил ногу под колесо коляски.

— Известно ли вам, мадам, что “другие леди” нужны вашему мужу? Да, да. И даже, если позволите, очень нужны.

— Очень и очень, — сказал первый “битл”, потемнев лицом.

— Говорят же вам, я вовсе не махарани-бигум, — неожиданно испугавшись, сказала мать. — Мы даже не знакомы. Пожалуйста, позвольте пройти.

Второй “битл” подошел еще ближе. Изо рта у него пахло ментолом.

— Одна из понадобившихся ему леди — наша, с вашего позволения, подопечная, — пояснил он. — Такой у нас договор. Леди находится под нашей защитой, с вашего позволения. Следовательно, мы несем ответственность за ее благополучие.

— Ваш муж, — с жутковатой улыбкой сказал первый “битл”, повысив голос на тон, — ваш дол-

баный муж кое-что ей попортил. Слышите, ваше величество? И хорошо так попортил.

— Фрошу вас, это не наши личности, — сказала Мэри-Конечно. — В Ваверлей-хауз много семей из Индии. Мы корядочные леди.

Второй “битл” что-то достал из внутреннего кармана. Блеснуло лезвие.

— Чурки долбаные, — сказал он. — Понаехали сюда, мать вашу, а вести себя не умеют. Сидели бы себе, мать вашу, в своем долбаном Чуркестане. Задницы долбаные… А теперь, леди, — сказал он вдруг снова спокойно, держа перед ними нож, — расстегните блузки.

* * *

В эту минуту у нашего дома раздался громкий вопль. Все четверо, они повернулись и увидели, как от подъезда бежит Миксер, голося что есть мочи и размахивая руками, будто взбесившийся гусь крыльями.

— Привет, — сказал “битл” с ножом, явно забавляясь сценой. — Это еще кто? Что за долбаный идиот?

Миксер пытался заговорить, от усилия его трясло, но изо рта вылетали нечленораздельные звуки. Проснувшаяся Шехерезада присоедини-

лась к крику. Парням это не понравилось. Вдруг у Миксера внутри что-то замкнуло, и он жуткой скороговоркой выпалил:

— Сэры, сэры, нет, сэры, нет, это не те женщины, женщины махараджи на четвертом этаже, сэры, нет, Богом клянусь. — Это была самая длинная фраза, какую ему удалось произнести с той поры, как инсульт затронул речевые центры.

В дверях, привлеченные воплями привратника и плачем Шехерезады, появились люди, и оба “битла” закивали головой с серьезными лицами.

— Ошибка вышла, — извиняющимся тоном сказал матери первый “битл” и буквально поклонился в пояс.

— Со всяким может случиться, — удрученно добавил второй.

Они повернулись и пошли было прочь. Но возле Месира замедлили шаг.

— А тебя я помню, — сказал парень с ножом. — “Самолет. Его нет”.

Он коротко взмахнул рукой, и старый Миксер упал на тротуар, зажимая рану в животе, из которой хлынула кровь.

— Теперь порядок, — сказал парень и двинулся дальше.

11

Поправляться он стал к Рождеству; в письме к домовладельцу мать назвала его “рыцарем в сияющих доспехах”, написала, что уход за ним хороший, и выразила надежду на то, что место уборщика останется за ним. Миксер по-прежнему жил в своей крохотной каморке на первом этаже, а обязанности его выполняла временная прислуга. “Наш герой заслуживает самого лучшего”, — написал в ответ домовладелец.

Оба махараджи вместе со всей своей свитой съехали раньше, чем я приехал домой на рождественские каникулы, так что ни “битлы”, ни “роллинги” больше нас не навещали. Мэри-Конечно проводила внизу все свободное время, но, взглянув на нее, я заволновался за свою старую айю больше, чем за Миксера. Мэри постарела, поседела и выглядела так, будто вот-вот рассыплется.

— Мы не хотели тебя тревожить, пока ты был в школе, — сказала мать. — У нее нелады с сердцем. Аритмия. Не постоянная, но…

За Мэри волновались все. Муниза забыла о своих приступах гнева, и даже отец изо всех сил старался держать себя в руках. В гостиной

поставили и нарядили елку. Елку мы ставили впервые, и, глядя на нее, я понял, насколько дело серьезно.

В Сочельник мать спросила Мэри, не хочет ли та послушать, как мы поем рождественские гимны. Шесть листков с написанными текстами уже лежали, подготовленные заранее. Мы спели “О, явись”, и я превзошел себя, вспомнив латинский текст весь до конца. Мы вели себя безупречно. Муниза, правда, предложила было вместо этой скукотищи спеть что-нибудь вроде “Покачаться на звезде” или “Хочу взять тебя за руку”, но это была шутка. Вот такой и должна быть семья, подумал я тогда. Так и надо жить.

Но мы-то всего-навсего притворялись перед Мэри.

* * *

За месяц с лишним до этого, в школе, я наткнулся на мальчика, американца, лучшего игрока в регби, звезду школьной команды, который стоял и плакал в галерее часовни. Я спросил, в чем дело, и он ответил, что убит президент Кеннеди.

— Не верю, — сказал я, но тотчас поверил. Звезда футбола рыдал навзрыд. Я взял его за руку.

— Когда умирает президент, нация сиротеет, —

наконец выговорил он, повторив затасканную фразу, которую услышал, может быть, по “Голосу Америки” и теперь собезьянничал, но по-настоящему горько.

— Как я тебя понимаю, — солгал я. — У меня только что умер отец.

* * *

Болезнь у Мэри была загадочная; она то начиналась, то проходила без всякой видимой причины. Врачи полгода обследовали Мэри и каждый раз в конце концов пожимали плечами; никто не понимал, в чем дело. “Объективно”, если, конечно, оставить в стороне тот факт, что время от времени сердце у нее принималось биться, как лошади в “Неудачниках”, где Мэрилин Монро не может смотреть, как их пытаются заарканить, Мэри была абсолютно здорова.

Весной Месир вернулся к работе, но словно потерял интерес к жизни. Глаза его потускнели, он замкнулся и почти перестал улыбаться. Мэри тоже погасла. Они также вместе пили чай, грели перед камином хлеб, смотрели “Флинтстоунов”, но все равно что-то изменилось.

В начале лета Мэри объявила о своем решении:

— Я знаю, чем я больна, — сказала она моим родителям. — Мне нужно вернуться домой.

— Но айя, — возразила мать, — тоска по дому не болезнь.

— Бог знает, чего ради мы сюда приехали, — сказала Мэри. — Я больше не могу. Нет, конечно, ни в коем случае.

Решение ее было бесповоротно.

Англия разбила ей сердце, разбила тем, что была не Индия. Лондон убивал ее тем, что он не Бомбей. А Миксер? — подумал я про себя. Наверное, убивал ее тем, что он больше не Миксер. Или, может быть, сердце ее, заарканенное любовью, любовью к Западу и любовью к Востоку, разрывалось между ними на части и билось, как киношные лошади, которых тянут в разные стороны Кларк Гейбл и Монтгомери Клифт, и она поняла: чтобы жить, ей придется выбрать? — Мне нужно домой, — сказала Мэри-Конечно. — Да, конечно. Бас[69]. Хватит.

* * *

Тем летом 64-го года мне стукнуло семнадцать. Шандни вернулась в Индию. Польская девочка

---

[69] Примечания: 69
Хватит (хинди).

Розалия, подружка Дюрре, сообщила мне, жуя сандвич в магазине на Оксфорд-стрит, что она помолвлена с “настоящим мужчиной” и мне придется о ней забыть, так как Збигнев очень ревнивый. Когда я шел назад к подземке, голос Роя Орбисона[70] пел у меня в ушах “Все кончено”, но дело-то было в том, что ничего никогда и не начиналось.

В середине июля нас покинула Мэри-Конечно. Отец купил ей билет до Бомбея, и в то последнее утро всем было горько и тяжело. Когда мы снесли вниз ее чемоданы, привратника Месира на месте не оказалось. Мэри не постучалась к нему в дверь, а прошла прямиком через дубовый вестибюль, где сверкали на стенах отполированные зеркала и медные рамы, села на заднее сиденье нашего “форда-зодиака” и так и сидела, с прямой спиной, сложив на коленях руки и глядя перед собой. Я знал и любил ее всю свою жизнь. *Черт с ним, с твоим Ухажерчиком,* хотел крикнуть я ей, *но как же я?*

---

[70] Примечания: 70
Рой Орбисон (1936–1988) — американский музыкант и рок-певец.

* * *

Мэри оказалась права. В Бомбее аритмия прошла, и, судя по письму ее племянницы по имени Стелла, на сердце Мэри не жалуется и сейчас, а ей девяносто один год.

Вскоре после ее отъезда отец объявил о намерении “переменить место жительства” и перебраться в Пакистан. Как всегда, это был приказ, без обсуждений и без объяснений. В конце лета отец сказал об этом домовладельцу, семья вскоре уехала в Карачи, а я вернулся в школу.

Через год я получил британский паспорт. Думаю, мне повезло только благодаря Додо, который, несмотря на партию в шахматы, все-таки не стал мне врагом. Этот паспорт сделал меня свободным во многих смыслах. С ним я мог ехать, куда захочу, и выбирать то, что хочу, не спрашивая отцовского разрешения. Но арканы на шее никуда не делись, остаются они и по сей день и тянут меня в разные стороны, на Запад и на Восток, затягивая петлю все туже и требуя: *выбирай, выбирай.*

Я лягаюсь, встаю на дыбы, храплю, заливаюсь ржанием. Я не желаю выбирать себе новые путы. Прочь, ремни и арканы, прочь, я не могу больше!

Слышите? Я отказываюсь от выбора.

* * *

Примерно через год после того, как мы уехали из Ваверлей-хауза, я оказался неподалеку и решил заглянуть к Ухажерчику. Сгоняем разок-другой партию, подумал я, и он опять сделает из меня котлету. В пустом вестибюле, где не было ни души, я постучался в каморку. Дверь мне открыл незнакомый человек.

— А где Миксер? — воскликнул я, от неожиданности громко. — То есть привратник, то есть мистер Месир.

— Привратник здесь я, — сказал человек. — Не знаю никаких миксеров.

Благодарности

Шесть рассказов из этой книги уже раньше были опубликованы, но в несколько иной версии. Впервые они появились на свет в следующих изданиях:

“Добрый совет дороже рубина” — в *The New Yorker*; “Радиоприемник” — в *The Atlantic Monthly*; “Волос Пророка” — в *London Review of Books*; “Йорик” — в *Encounter*; “Рубиновые башмачки” — в *Granta*, “Христофор Колумб и Изабелла Испанская” — в *The New Yorker*.

“Гармония сфер”, “Чеков и Зулу” и “Ухажерчик” печатаются впервые.

“Гармония сфер” в некоторых вопросах, касающихся оккультизма, опирается на работы Джеймса Уэбба, в особенности на “Тайны оккультизма” (*Open Court, Illinois*, 1974) и “Круг гармонии” (*Putnam*, 1980).

Автор хотел бы выразить свою благодарность музыкальной корпорации *Hal Leonard Music Corporation* за разрешение использовать в “Ухажерчике” песню “Шерри” на слова и музыку Боба Гаудио, © 1962, 1963 (обновленный) *Claridge Music*

Company, подразделение MPL *Communications, Inc*. Все права защищены. Печатается с разрешения *Hal Leonard Music Corporation*.

Шахматный матч, описанный в том же рассказе на странице 217, по сути, представляет собой отчет о шахматной партии, сыгранной между С. Решевским и М. Найдорфом в 1957 году, которая приводится в книге Ирвинга Чернева “Самые поучительные из всех когда-либо сыгранных партий” (*Faber & Faber*, 1966).

Автор также благодарит за помощь Билла Бафорда, Сюзанну Клэпп и Боба Готтлиба; Сонни Мехта и Эрролла Макдональда, а также Френсис Коэди и Кэролайн Мишель.